



*Стервам слова
не давали*

Флєри

Юлия

Новая влюблённость это хорошо, ответное, взаимное чувство — прекрасно, но что делать, если возлюбленный ведёт себя странно, скажем, отстранённо? Можно, например, попытаться уловить скрытый смысл его тонких намёков, но если эти намёки настолько прозрачны, что улавливать в них, по сути, нечего? Что, если решительных шагов сам он не предпринимает, а встречные расценивает как нечто неприемлемое? И, в конце концов, что делать, если он откровенно уходит в сторону при попытке нарушить его личное пространство? Может, рассмотреть такой вариант, что чувство это не ответное и не взаимное? Но ведь так хочется испытать чувство полёта, опробовать новый, интересный виток своей обыденной жизни, да, даже просто побыть хоть немножечко женщиной! Мужчины — существа сложные, женщины — непонятные, невероятны.

Пролог

День рождения грустный праздник. А если день рождения приходится на середину дождливого, сырого и понурого марта, то грустно становится вдвойне. А если к уже имеющемуся прибавить заведомо плохое настроение, отсутствие именно в этот день в городе твоих друзей и, в принципе, нежелание праздновать, то получится как раз моя история.

Нет, раньше было не так, но как именно было, я уже не помню, потому что это самое «раньше» случилось слишком давно и я всё чаще склоняюсь к той версии, что, и вовсе, неправда. Но вернёмся ко дню сегодняшнему и посочувствуем мне молча. Только вот я сама молчать не люблю, не мой это стиль, за что, собственно, и наказана пожизненным отсутствием желающих поздравить. Да что там друзья!.. Даже мама не хочет в этот день побыть со мной, потому что (дословно): «Я не могу выносить твой дрянной характер и выслушивать все претензии к создателю, да и к простым смертным». И именно поэтому маман отделалась лаконичным до неприличия поздравительным сообщением на телефон, в виде слова «Поздравляю» и даже без восклицательных знаков. Но! Всё не так уж и плохо. Всё же этот день, такой чудесный и неповторимый, встречать одной мне никогда не приходилось. Зря, что ли, сына родила? Вот и я говорю, что не зря! Мой хороший мальчик, мамку никогда не бросит, и с удовольствием послушает все претензии и к создателю, и к простым смертным, и даже ни разу не пикнет и не заткнёт мне рот тортом. Ну, хотя бы по той причине, что никакого торта не предполагается... Зато предполагается любимое им и мной в особенности, наличие печенья «Безе». Да ни какого-то там купленного в супермаркете, а самого, что ни на есть настоящего, домашнего, с едва заметной коричневой, а если быть эстетом, то можно сказать даже с золотистой или кремовой корочкой. Лёгкого, воздушного, ароматного... (Ванилин на что?). И никаких тебе красителей, меланжа и всяких там «Е». И совсем не важно, что нынешние продукты оставляют желать лучшего, и что фабричные несушки питаются не понятно чем! А, вообще, я свято верю, что любовь, которую мы вкладываем, положительную энергетику, которую отдаём при приготовлении блюд из этих самых подозрительно больших яиц, избавит от злополучного ГМО и всей той дряни, которой нас так часто пугают с экранов телевизоров. Внимание! Предупреждение: телевидение зло, выйдите на улицу и прогуляйтесь на свежем воздухе! И за это вам скажет спасибо не только спина, ясная голова, но и многострадальная попа, которая, как всем нам известно, не может оторваться от насиженного места, чуть только видим перед собой диктора новостей, любимого героя сериала или популярную звезду современной эстрады.

Так вот, со всеми этими мыслями (нет, не с теми, что про телевидение и ГМО, а, как раз-таки, про коричневую или золотистую корочку, уж, как кому нравится) я и отправилась на рынок за свежайшими продуктами птицефабрики. Кстати, а вы знали, что на рынке до сих пор можно увидеть яйца не в пластиковых контейнерах, а в тех самых, картонных ячейках, так знакомым нам с детства? Я, если честно, не знала. И, вообще, не понимаю, какой чёрт дёрнул меня двинуться на этот рынок, да ещё и пешком! Видимо, хотела хоть как-то скрасить свой знаменательный праздник — тридцатидвухлетие. Да, мне тридцать два! И, на самом деле, пугает в этом не цифра, а сам факт несправедливости, тот самый, когда ты

спрашиваешь себя: «почему именно я, а не вон та восемнадцатилетняя особа?!» Скрипнув зубами, ссылаясь всё на ту же несправедливость, пришлось проводить недовольным взглядом привлекательных молоденьких особ. Но это так, отвлечение.

Я пошла на рынок и, знаете, подняла себе настроение: столько раз, что я красавица, не слышала никогда прежде. И это при том, что кроме умывания и увлажняющего крема, других стрессов с утра моя кожа не натерпелась. А вообще, стоило негодующе вздохнуть: чего только не скажут продавцы, чтобы завлечь покупателя, но ничего, не на ту напали и в зеркало на себя я перед выходом насмотрелась, потому и надвинула козырёк спортивной сыновьей кепки аж на самый нос. И нет в том, что попользовалась я его гардеробом ничего предосудительного, я ведь приготовлю любимые печенки и он мне всё простит.

Сегодня я, вообще, постаралась не выделяться из толпы и напялила неприметные старенькие джинсики, такую же джинсовую куртку, возможно, это даже комплект... был когда-то, беленькие кроссовочки, которые тут же стали грязно-рыженькие, как раз в тон асфальту, где я их и заляпала, пока пыталась перепрыгнуть лужу. Лужу-то я, разумеется, перепрыгнула, правда, при этом обрызгала себя и ещё какую-то тётеньку, лет пятидесяти, получила от неё лестный отзыв в виде выкрика «шпана малолетняя», улыбнулась последнему слову «малолетняя», но, вспомнив о её почтенном возрасте, поняла, что радость преждевременная.

Короче! Нет, это слово я не люблю и, как истинный ценитель русского языка, старюсь не употреблять, но что-то сорвалась... И если ближе к теме, то я штудировала рыночные ряды на наличие куриных яиц. Надо сказать, что, не бывая на рынках столько лет, многое потеряла и обязательно исправлюсь. Вот, прямо сегодня исправляться и начну. Напробовалась химического винограда, при этом по-настоящему беспокоилась, что как только отойду от лотка с фруктами, тут же получу нагоняй от продавца. Не получила, и на том спасибо, правда, улепётывала быстро. Мясные ряды привлекали мало, ведь есть свои надёжные поставщики, где могу лицезреть не только мясо в готовом виде, но и убедиться, что оно именно мясо! Глядя на то, как это самое мясо, только пока ещё на лапках или копытах скачет по полю, а не нечто наштигованное влагоудерживающими добавками. Да, у меня есть знакомой фермер, который, по совместительству, ярый борец за здоровый образ жизни, поэтому, покупая то самое мясо, я всегда остаюсь довольна. И вот, наконец, я добралась до яиц. Выбор огромен, но вот яйца не впечатлили, в отличие от тех самых картонных ячеек, о которых я упоминала чуть ранее... вот это да! Вот это находка! И, естественно, купила именно этот картонный лоток и категорически отказалась к нему в довесок брать пакет, куда эти яйца можно было бы потом переложить. Ещё чего! Разобьются ведь! И с этим лотком в руках, как с самым настоящим караваем для новобрачных, шла через весь рынок и меня ни разу не толкнули, не пнули и даже не задели сумочкой. Той самой дамской сумочкой, в которую помещается пять буханок хлеба, три бутылки молока и пирожок. И вся такая довольная, я открыла неоткрывающиеся двери, выслушала, как они недовольно скрипнули, несмотря на всю свою пластиковость, и опасно прихлопнулись за моей спиной.

И вдруг тут, о, горе, за честь случайно улетевшего от первого же порыва ветра чека на яйца, вступилась моя совесть и чистоплотность, будь она неладна! Как же, ну... ну, как же я могу пройти мимо, зная, что только что намусорила?! И ведь не прошла! Потянулась за этим самым чеком, который, на моё счастье, улететь далеко не успел, а приземлился в ближайшую лужицу. Подняла его, выписывая чудеса акробатики с лотком яиц в руках, как

порядочная гражданка нашей страны, выбросила в мусорную корзину. После чего, с чувством преисполненного долга развернулась, дабы направиться домой, но ведь это же я! Это же мой день рождения! Это же середина дождливого марта!..

Я стояла и разглядывала, как мои не случившиеся «безешки» растекаются по широкой мужской груди... Я сожалела, я мучилась, я едва не расплакалась от несправедливости в собственной жизни. Вот они, мои беленькие, с коричневой корочкой, растекаются, смешиваются со скорлупой, с непригодным для этого желтком... Смешиваются и теперь не будет моих любимых печенок, не будет положенного угощения на день рождения, но будет нагоняй от сына за то, что кепку его взяла, а взамен ничего полезного домой не добыла! Вот я так стою и разглядываю, думая только о своей беде, и далеко не сразу заметила из-под длинного, скрывающего пол-лица козырька, что неудачный день сегодня не только у меня, но и у того, кто сейчас стоял напротив. Стоял, истекая куриными яйцами, которые, несмотря на всю свою внешнюю надёжность в виду плотной скорлупы, безжалостно и бесповоротно испортили... Ух, испортили дорожное пальто. Знаю, что дорогое, сыну такое же присматривала, только он отказался, ссылаясь на то, что ещё не студент и респектабельность ему не с руки, и мы купили качественный и не такой дорогой пуховик. И вот смотрю я на эту жертву моего неудавшегося праздника, но взгляд поднять не решаюсь, хотя, не то, чтобы именно не решаюсь, скорее, просто не хочу. Не хватало ещё и тут разборок. Скривившись, приценившись, я глубоко и особо горестно вздохнула, но, не подумайте, сожалела всё о том же: о своих печеньках, но, зная, что виновата, не смогла уйти. Нерешительно посмотрела направо, налево, за свою спину, наконец, на губы незнакомца (а это всё то малое, что смогла рассмотреть в мужчине из-под кепки), и губы эти не пытались меня обругать и проявить чудеса русского языка, такого многогранного и многострадального. Они кривились, пытаясь выдать усмешку, но, видимо, так же, как и я, понимая, что пальто испорчено, не решались на это и хотели выразить какую-то скорбь, что ли... по утраченной чистоте одеяния. И хозяин этих губ терпеливо ожидал, пока я приму хоть какое-то более-менее здравое решение. Не торопя, не претендуя на что-то и, браво, дождались! Позади себя, слева от входа в рынок я заметила банкомат и, как нашкодивший школьник, опустив голову, поплелась к нему. Только потом догадалась, что мои действия могли быть инкриминированы как побег, но побег этот никто предотвратить не пытался. Глаза у меня, что ли, честные? И вернулась я к этому мужчине, стоящему в неизменной позе, не пытавшемуся отряхнуться от уродства на дорогом пальто. Ещё тысячу раз готова повторить, что оно дорогое, потому что от его цены с множеством ноликов рябит в глазах, а он молчит и не пытается вытрясти из меня душу. С ещё одним виноватым вздохом уверенно протянула ему пятитысячную купюру, понимая, что там хватит не только на чистку, но и на чай, буркнула негромкое «извините», и обошла стороной. Постепенно мой шаг ускорился, так как мысль о том, что с меня могут потребовать ещё и моральный ущерб, пульсировала с завидным постоянством. И лишь оказавшись за дверью родного подъезда, смогла нормально выдохнуть, пустила скупую слезу, которая тут же была уничтожена джинсовым рукавом куртки, и поднялась в квартиру.

— Что это было, ты сейчас понял? — Усмехнулся мужчина, глядя сверху вниз на яйца, стекавшие нарочито медленно, не желая покидать так полюбившееся им чёрное полотно.

— Кажется, о яйцах она сожалела намного больше, чем о твоём внешнем виде. — Хохотнул его спутник, окидывая взглядом бело-жёлтую «красоту».

— Мне тоже так показалось.

Мужчина, пытаясь не перепачкать ещё и костюм, снял пальто и кинул помощнику, ему же в руку сунул и купюру, которую до этого неуверенно мял пальцами.

— А кто это такая? Лицо знакомое. — Вдруг пробормотал, вспоминая забавную девчушку.

Улыбнулся своим мыслям, покачал головой, забавляясь комичности ситуации, и тут же о своём вопросе забыл, не обращая внимания на то, как помощник дежурным тоном отрапортовал «выясним» и скрылся с глаз.

— Гоша, ну, ты едешь? — Влетел в кабинет хмурый мужчина лет сорока, с возмущением глянул на копавшегося в бумагах друга и тут же уселся на стол.

— Я же сказал, что не поеду. Марат, не зли меня. — Рыкнул, не отрывая взгляд от бумаг, товарища со стола толкнул.

— Вот, кстати, если тебе бумажки дороже живого человеческого общения, почитай ещё. Мазур передал.

И перед мужчиной поверх бумаг плюхнулась тонкая папка.

— Что ещё?

— Сказал, твоё поручение. — Пожав плечами, ответил Марат и сам, не ожидая приглашения, сунул нос в эту самую папку.

— Раньше смотреть нужно было, теперь нечего. — Папку перед носом захлопнул и отвёл её в сторону, добиваясь уединения.

— У тебя явный недостаток ласки, Гош, давай вызову девочек, пусть плечи помнут. — Потянул Марат лениво. — Глядишь и успокоишься, а то и озвереть недолго.

— Я тебе сейчас озверю. — Шутливо замахнулся Гоша, но тут же глянул в папку и нахмурился. — И что это такое?

Подтянул к себе телефон внутренней связи.

— Мазур, я не понял... Что ты мне передал?

— ...

— Я просил? А ты ничего не путаешь?

— ...

— Ах, пальто, — Гоша тихо рассмеялся, припоминая вчерашний случай, — тогда... почему так долго?

— ...

— Ладно, не гунди, всё.

Глянул на Марата.

— Заняться им больше нечем!

Швырнул папку на стол и тут же притянул её к себе обратно — всё же любопытство взяло верх.

— Так... — Скривил губы, улыбнулся, снова скривился. — Читаева Лариса Витальевна... А ничего так, симпатичная. — Посмотрел критически на маленькое фото. Такое, как для отдела кадров, но снова улыбнулся, глядя на такую же улыбающуюся мордашку этой самой Ларисы.

— Как? Читаева? — Хмыкнул Марат. — Тогда факт симпатичности её единственное достоинство, с которым, кстати, тоже можно поспорить.

— Знаешь её?

— Имел неудовольствие общаться. К счастью, это было всего один раз.

— Что? Так страшна в гневе?

— И, поверь, не только в гневе. Зверь, а не баба. Помнишь, к нам обращался Филимонов, ресторатор?

— Так это года два назад было. — Нахмурился Гоша, припоминая, и тут же вскинул на друга заинтересованный взгляд.

— Так вот, он тогда пытался отбить территорию у этой самой Читаевой. — Марата заметно передёрнуло, чему он рассмеялся. — Видишь, — хмыкнул, — меня до сих пор трясёт, как вспомню эту мегеру. И, главное, ведь ничего такого не сказала, а осадила без шансов всплыть.

— Да, да, помню, этот Филимонов потом отказался от наших услуг. — Гоша напряжённо потёр виски.

— И это к счастью, иначе малой кровью мы бы не отделались. Эта коза тогда такие связи подняла, что Филимонов серьёзно подумывал из страны мигрировать.

— Такая блатная?

— Да нет, там люди-то не особо и влиятельные, но слишком конкретные и прямолинейные. С нами, конечно, не тягаться, но Филимонов сдрейфил. Коза, одним словом.

— Так, Лариса Витальевна, значит...

— И прекрати раз за разом называть её имя, оно меня раздражает! Бывают же такие отвратительные сочетания. — Выругался и натурально скривился.

— Мне кажется, ты предвзято к ней относишься. — Рассмеялся мужчина.

— Да стерва она.

— Стерва — это не диагноз, а недостаток любви. Любую стерву можно приручить. Главное ласки, ласки побольше. — Широко улыбнулся Гоша, вкладывая в свой голос эту самую ласку. — И, вообще, ты на встречу опаздываешь. Давай, топай.

— Что я им скажу? Всё и так ясно. Сколько можно одно и то же перекладывать с полки на полку?

— А я им что скажу?! Ты мой заместитель или кто? Иди, замещай. — Нахмурился Гоша и грозно зыркнул на Марата, а тот громко рассмеялся этой грозности, отсалютовал ладонью, отдавая честь, и скрылся за дверью.

— Лариса Витальевна, ты моего зама напугала, — усмехнулся он фотографии. — Тридцать два года, сыну пятнадцать... Мужа нет, работа есть. Стандартная современная женщина. — Вздохнул. — Засунуть бы вашу самостоятельность туда, откуда вы её достали, Лариса Витальевна.

Захлопнув тонкую папку, швырнул её в нижний ящик рабочего стола. Как раз туда, где лежат все ненужные безделушки, коньячные бутылки, утаившиеся от уборщицы, и пепельница с чьими-то окурками.

— Что?! Аня! — Прорычал по коммутатору. — Какая тварь курила в моём кабинете?!

— Марат Юнусович. — Последовал короткий ответ.

— ... Понятно. Как приедет скажешь.

Только расстроился не из-за того, что кто-то в принципе курил, а оттого, что сам-то он бросил, а вот такая провокация заставляет нервничать и вспоминать о пагубном пристрастии. Правда, удержался, перетерпел злость, обиду за подставу от, казалось бы... лучшего друга. Отдышался.

— Аня! — Крикнул на весь кабинет и дверь в приёмную тут же распахнулась. — Убери

здесь срач, я приеду через час, чтобы даже запаха не было! — Руками развёл и брезгливо поморщился.

Аня понимающе покивала, молча посочувствовала и тут же вызвала уборщицу, у которой как раз и припасён отличный освежитель воздуха, спасающий вот от таких форс-мажоров.

Глава 1

Не люблю жару! И дождь не люблю, и мороз. Но жару больше, потому что всё вокруг плавиться, излучая ещё большее, но уже переработанное тепло. Я по-настоящему мучилась душой и телом, пока добиралась от машины до спасительной прохлады ресторана. И совсем не важно, что там пройти-то всего ничего. Не люблю и всё! Вошла, нахмурилась, так как не увидела должной имитации трудовой деятельности, а мои сотрудники висели на барной стойке, словно сонные мухи. Будто не я, а они только что с этого пекла. На мои хмурые брови даже не отреагировали, и изнутри как-то сразу подскочила температура, в разы превышающая ту, что я только что перенесла.

— Какого чёрта?!

Скорее, возмутилась, нежели крикнула я, шмякнула сумочкой о ближайший столик, скрестила руки на груди и приняла угрожающую позу. Но, видимо, она была не такая уж и угрожающая, потому что эти «мухи» не то, что не испугались, они даже не пошевелились! Собственно, пугаться они и не должны, не этого я добивалась, но уважать могли бы и более наглядно, по крайней мере, раньше справлялись.

— Лариса Витальевна, нас закрыли. — Вымучено пискнула администратор Аллочка.

Милейшая особа, от одного вида на которую у большинства клиентов пропадают претензии, причём, как у мужчин, так и у женщин.

— Что значит закрыли, почему?! — Не меня позы я выделила её из толпы, бесповоротно определяя жертву. Аллочка как-то сразу подобралась и принялась активно жестикулировать в слабой попытке рассеять моё внимание.

— Приходил инспектор пожарной охраны, только не Дубин, который бывает обычно, а самый главный. Помните, тот, который с усами? Правда, он сейчас без усов, но всё такой же придиричивый и...

— Стоп! При чём здесь вообще усы?! Что он хотел? У нас масштабная проверка была две недели назад.

— Я ему так и сказала, а он всё пишет, пишет протокол, головой покачивая, отвечает, мол, внеплановая. Прошёлся по помещениям, черкнул что-то пару раз в блокнотике. От кофе отказался, от воды тоже, выписал какие-то квитанции и сказал, что мы закрыты до исправления несоответствий.

— Что значит несоответствий?! У меня всё по последнему слову техники! Почему не позвонили? Где Лёня?! — Метнулась в сторону кабинета директора, но вовремя осеклась.

— Леонид Михайлович с женой на курорте. Уже неделю как. — Заговорщицким шёпотом уточнила Аллочка, чем меня смутила: смотрела так, словно я в их постель влезла.

— Нет, а, подлец! — Махнула разом целый стакан воды, который Аллочка, подходя ко мне, предусмотрительно держала в руках. Нервно сглотнула, села на стул, который, видимо, так же, именно для меня стоял посреди зала, тут же презрительно огляделась: подхалимы! Наизусть знают.

— Он с документами приходил, всё по правилам. — Снова пискнула Аллочка, но под моим взглядом смолкла.

— Да я про Лёню! — Устало махнула рукой. — Почему у него три отпуска в году, а у меня ни одного? И как всегда не вовремя.

— Потому что нам без вас край, Ларисочка Витальевна.

— Подхалимы! — Озвучила я свои мысли, бурча куда-то в пол.

Решительно подскочила, бегло оглядела присутствующих, которые теперь осознали весь масштаб катастрофы и повжимали головы в плечи.

— Лариса Витальевна, вот, — протянула Аллочка небольшую квитанцию, — он оставил.

Мне предложили какие-то писульки с каракулями на них, которые некто наивно приравнивает к буквам. Но я прочла и, о чудо, даже поняла, чего же от меня требуют. Брови поползли вверх от удивления и я зло погримасничала над бумажками в своих руках.

— Негодяй! — Мстительно топнула каблучком.

— Это вы про Леонида Михайловича?

— И про него тоже. — Внимательно посмотрела на лица вокруг, вздохнула. — Значит так, сегодня второе... значит, до конца месяца все отправляются в оплачиваемый отпуск.

Тут же услышала вокруг себя нервные смешки, ахи и охи — радуются они. А кто бы не радовался, получив отпуск в самом жарком месяце лета, июле? Только идиот... ну, и я с ним за компанию.

— Но там дел на неделю всего...

— Я вижу, ты, Аллочка, в отпуск не хочешь. — Уставилась на девушку, давя ту взглядом, знаю же, что хочет, только не может: кредит, мама и маленький ребёнок, которого она, любя, зовёт спиногрызом. — Он оплачиваемый, если ты вдруг не расслышала.

— Я расслышала, но ведь кто-то вам должен помогать. — Вкрадчиво предложила она и хитро сверкнула глазами. Ну, плутовка, погоди.

— Я так понимаю, кто-то хочет получить сверхурочные?

— А что, можно ведь и сантехнику за этот месяц поменять, вы давно хотели.

— Помню, — враждебно покосилась на чрезмерно предприимчивую Аллочку, — я тоже об этом подумала... Ладно, оставайся.

Милостиво позволила, понимая, что этой лисе придётся заплатить двойной оклад. Но ведь и без помощника никуда! Подлец Лёня вместе с собой на отдых утащил мою лучшую подругу, бухгалтера и человека, который отвечает за мелкие организационные вопросы, в одном лице. А так же Люда приходится ему законной супругой.

— Ничего, я ещё устрою вынос мозга этому крохобору, бюрократу и чинодралу, — мстительно прищурилась я, холя и лелея свои ненавистные чувства. — Он у меня ещё попляшет.

Что именно собиралась сделать, ещё не придумала, но определённый план хотя бы для выяснения обстоятельств уже присутствовал и, махнув своими длинными ресницами (хотя чего скрывать, это единственная длинная часть моего убогого организма, поэтому уточнения излишни), топнула ногой. Разогнала по домам всех зевак, откровенно скучающих личностей и принялась за работу, а было её, несмотря на внезапное закрытие, вагон и маленькая тележка. Созвониться со всеми поставщиками, договариваясь о временном прекращении поставок, а это, как вы понимаете, срыв контрактов, но я ведь в меру обаятельная и привлекательная, да и ссориться со мной себе дороже, поэтому санкции даже по договору минимальны. А после личной беседы, пусть даже по телефону, и того меньше. В итоге цифры можно смело приравнивать к нулю. Ещё как-то нужно растасовать скоропортящиеся

продукты, что тоже весьма и весьма проблематично, в этой ситуации спасает сеть закусочных, недавно приобретённые Лёней. Ах, Лёня, Лёня, ну и нюх, ну и проницательность! Сам улизнул, но ходы для моего позорного отступления организовал. Спасибо тебе, Лёня, огромное, не зря ты когда-то предпочёл меня всем остальным и пригласил в кино.

Чтобы было понятнее, что в этом удивительного, поясню, что Лёня славился некогда как самый красивый парень института. Высокий, статный, с глубокими карими глазами, прямым носом и пухлыми губами. Жгучий брюнет под два метра ростом. А я, мелкая, невзрачная, метр шестьдесят два без кепки и других прибабасов, тощая, и без макияжа — настоящая моль. В довесок к такой вот замечательной мне, малютка (на то время) сынок, пришибленная на всю голову мама, дрянной склочный характер и двухкомнатная квартира в не самом лучшем районе города. Но Лёня молодец, Лёня мужик! И под многочисленные недоумённые взгляды в тот знаменательный день он подошёл ко мне, двигаясь, как ледокол «Ленин» сквозь толпу танцующей бесноватой молодёжи нашего института, сопровождаемый странными возгласами и громким свистом, остановился напротив и улыбнулся. Боже, этой белозубой улыбки я не забуду никогда!.. Как и разочарования, которое испытала чуть позже. Но в тот момент прибалдела и наслаждалась, как с завистью смотрят нам вслед, как меня сверлят взглядом его бесконечные поклонницы. Фильм, правда, подвернулся не самый удачный, но Лёнино присутствие скрашивало все шероховатости того прекрасного весеннего вечера. И после, когда он провожал меня домой на такси, ведь в одиннадцать в этот район автобусы уже не ходили, скромно улыбался, нежно гладил ручку, а на прощание спросил:

— Слушай, Ларис, ты ведь меня познакомишь с Люсей?

В тот момент моё сердце разбилось о гранит его непонимания и я ответила:

— Конечно, Лёня, когда тебе будет удобно.

Вежливо улыбнулась и тут же выдала всё, что о нём думаю. Он помялся с ноги на ногу, торопливо извинился... раз пятнадцать, а потом попорхал на крыльях любви домой, так как пока мы выясняли отношения, а это было бурно, громко и неповторимо, таксист свинтил, якобы забывая, что молодой человек уже оплатил обратный путь.

Оказалось, что Лёня Краморов, безнадёжно влюблён в единственного человека, который мог вытерпеть всю тяжесть общения со мной, в Людочку Голубеву. Ту самую, идя с которой по улице, мы нередко смахивали на маму с дитём. Она — высокая, крупная, сероглазая блонди с длинными ножищами, сорокового размера стопой и беззаботной улыбкой несмотря на абсолютное отсутствие личной жизни, и я, хотя про меня вы уже слышали. Так вот, влюблён в неё он был ещё с первого курса, только вот Люда не замечала его в упор (но это по Лёнькиному мнению), а на самом деле, так же сохла по Лёнчику, как и вся прекрасная половина института. И в этот вечер я поняла, что судьба в очередной раз обошла меня стороной. Поняла, вздохнула, пожалала тощими плечиками, посмотрела ему вслед и окончательно убедилась, что мой бывший муж, такой же недоделанный внешне, как и я, был идеальной парой, только недолго. И на Лёниной с Людой свадьбе я была главным действующим лицом. Но не только потому, что числилась подружкой невесты, а потому что Лёнин друг, такой же красивый и здоровенный, как-то решил, что весь вечер сопровождать свидетельницу ему ни к чему. Да, и решил он это как только мы вошли в банкетный зал и стал нагло ухаживать за кем-то из гостей. Уже через две минуты он и эта гостья о таком неправильном решении пожалели. Был безжалостно избит мной же, как, впрочем, и гостья, а ответить не посмел, потому что меня убил бы первый щелбан. Тогда Лёня сурово нахмурился

и я, как маленькая пиявка, повисла на плече свидетеля... он уже не был против. С того знаменательного дня со свидетелем мы не виделись. А вот с Лёней дружбу продолжили. И не только потому, что Люда пригрозила ему своим внушительным кулаком, просто он по-своему меня любил... наверно... я на это очень надеюсь.

Вскоре после выпускного я не пошла искать работу по модной в то время профессии менеджера, а поступила в кулинарное училище. Это хоть и не было моей давней мечтой и идти в училище после ВУЗа смешно и глупо, но это нервное... я была должна.

И вот, дослужилась до шеф-повара ресторана за кратчайшие сроки. Талант, что тут скажешь! А когда предыдущий начальник семь лет назад рискнул ущемить меня в правах, я махнула на него рукой, хвостом и громко хмыкнула. Правда, этот звук был заглушён не менее громким хлопком двери, которую я не удержала, уходя. Напоследок поскандалив, я простила его и забыла навсегда. А ещё я не позволила вякнуть Лёне, который на свою голову решил заделаться ресторатором, что у него уже есть шеф, а вездесущая Люда меня в этом полностью поддержала. И вот я та, кто я есть. Но теперь ещё и совладелица, потому что Лёня не захотел меня отпускать на вольные хлеба. Прикипел, наверно. Ну, просто никогда не поверю, что в этом был какой-то корыстный умысел...

Но я отвлеклась, к делу! С продуктами я разобралась, с бухгалтерией разберётся Людка, когда приедет, с новой сантехникой определилась, с требованиями пожарников ознакомилась, служащие довольны и Аллочка благоразумно не мозолит глаза. Конечно, это далеко не всё, но остальные подробности пусть останутся моей профессиональной тайной. И пока я разгребала образовавшийся завал, план внезапных действий влез в голову сам собой. Так забавно... он там так уютно устроился, словно ничего прежде в этой голове не водилось. А план сам по себе был до неприличия прост: довести инспектора пожарной охраны до белого каления.

Для начала я отправилась в ту самую пожарную инспекцию, дабы лично убедиться в целесообразности внеплановой проверки и не суть важна, что это незначимая на данный момент деталь, мне она необходима. Секретарь вежливо сообщила, что начальник сейчас обедает, показала все необходимые документы, «обрадовала», что нормы ужесточены, чем и вызвана проверка и, как раз под это ужесточение мы и попали. В ответ на все бессмысленные возгласы, будто об изменениях нас должны были уведомить в письменной форме и, желательно, заблаговременно, она отправила меня на три весёлых буквы. Но не на те, которые неприличные, а в кафе «Луч», расположенное за углом. То самое, ставшее временным пристанищем главного пожарного инспектора города.

Заметив это кафе, и никак не за углом, а на противоположной стороне улицы, я трижды отплевалась на секретаря, которая меня дезинформировала. А что, если бы я начала кружить вокруг здания, в поисках этого кафе за углом?! Полная безалаберность и безответственность и нет ничего удивительного, что с такими работниками у нас плохие дороги. Не в тему, но сейчас я готова припомнить всё.

Глава 2

Добравшись до нужной кафешки, весьма милой как внешне, так и внутри (я там прежде бывала), поправив своё в меру и в тему красное, обтягивающее платье длиной до середины колена, уверенно вскинула голову. Взбила руками причёску, которая благодаря умелым рукам мастера из мышинового хвостика превратилась в объёмное волшебство с затейливыми завитками, движением губ расправила на них губную помаду, тоже красную, и вошла. Нет, влетела, потому что порог оказался неожиданно низким, а предупреждения о ступеньках я как-то не заметила, но вспомнила, что в предыдущий раз так же споткнулась. Ещё и с администратором поругалась, и отобедала как дорогой гость, ничего при этом не заплатив. Об этом, конечно, не просила, но милостиво согласилась, когда счёт предъявлять отказались. Их право.

Первым, кого я заметила, был тот самый администратор. Молодой мужчина улыбнулся-скривился, готовясь к моральной атаке, но сегодня было не до того. И только после этого я окончательно распрямилась и окинула взглядом зал в поисках нужного человека, который, как доложила Аллочка, теперь без усов. А вся прелесть моей мести заключается в том, что я-то его знаю, а он-то меня нет... Довольно улыбнувшись этому факту, выцепив из удивлённо раскрытых глаз нужные, решительно направилась к столику. Мужчина, понимая, что попал, передёрнулся, опасливо на меня покосился, наблюдая шествие, завис с донесённой до рта ложкой, но так и не проглотил прозрачное «первое», видимо, надеялся, что пронесёт... не понесло.

На самом деле, с инспекциями я не дружила, часто спорила, часто оказывалась права, за что меня не любили. В итоге приходили значительно чаще, чем к остальным, а когда Лёнчику это бесконечное нашествие саранчи осточертело, он отстранил меня от ведения подобных дел, хотя своё право я отстаивала, буквально говоря, с кулаками. И на тот момент, когда мужичёк с усами занял столь значительный пост, который сулил ему не только безмерное уважение, лесть, а так же и материальное состояние (взятки ещё никто не отменял), я окончательно сдалась и при любой проверке позорно пряталась в подсобке, чтобы не бросится с кулаками и на них. Взятки, на самом деле, давали не для того, чтобы замаскировать недостатки, у нас всё было на уровне, потому что ресторан популярный и относящийся к сливкам этого вида искусства, а для того, чтобы нас проверками не мучили, не мешали работать и зарабатывать.

Усатого таракана я разглядела на камерах видеонаблюдения, долго возмущалась его наглости, пока лично не добилась того, чтобы к нам приходил прежний инспектор, красивый и стоворчивый Алексей, по отчеству я его даже и не знаю. С Лёшей даже мне удавалось найти общий язык, потому что он был человеком понимающим и профессиональным. Но чёрт дёрнул Лёшу как раз сейчас уйти в отпуск (тоже инфа от секретаря безусого).

— Занято. — Предусмотрительно и как-то трусливо выкрикнул он, как только моя рука взялась за спинку стула напротив, а я усомнилась в том, что меня здесь не знают.

Присмотрелась к «таракану» повнимательнее, отметила, что без усов его вполне можно признать симпатичным, в глазах увидела абсолютное непонимание и некую растерянность,

успокоилась: не знает.

— Надеюсь, вы занимали для меня? — Невозмутимо уточнила, приподнимая и красиво изгибая бровь.

Вы не подумайте, я не какая-то там замухрышка и за десять лет уразумела, что важно не быть красавицей от рождения, а уметь правильно себя подать, а так как уродиной меня не посмел бы назвать даже смельчак, то в «подании» себя я весьма преуспела и частенько этим пользовалась. Элегантно присела.

— Нет.

Мужчина проглотил остывшую жижку с ложки, булькнул ею в тарелку.

— Девушка, извините, но вокруг полно свободных столиков.

— Глупости, — отмахнулась я, — по глазам вижу, что вам скучно и одиноко, и практически уверена в том, что вы терпеть не можете есть без компании.

По ответному молчанию поняла, что попала в точку, однако он не признал и не опроверг моих слов.

— Девушка, извините, но вы не в моём вкусе.

— Ну, вы ведь не собираетесь меня есть. Нет?

— Я хотел бы пообедать в тишине.

— А что может быть привлекательного в тишине? Скука смертная. А, может, у вас что-то случилось? Так вы скажите, не стесняйтесь.

Мой участливый взгляд, незначительный наклон туловища вперёд и его тягостный вздох сдерживаемого раздражения.

— Ничего у меня не случилось, но вы мне мешаете.

— Чем, если не секрет?

— Своим присутствием! — Взвизгнул собеседник и деликатно хлопнул ладонью по столу.

— Так вы ещё и хам?! — Намерено громко изумилась я, прикладывая руку к груди и озираясь по сторонам: взглядом искала поддержки у окружающих. — А с виду такой культурный мужчина. — Добавила, причитая, обнаружив поддержку у милой дамы преклонного возраста.

Настроения вокруг мужчина оценил правильно и притих.

— Вы что-то от меня хотите? — Неуверенно уточнил он, внимательно разглядывая меня на предмет узнавания или хотя бы чего-то смутно поясняющего ситуацию.

— Хочу! Хочу украсить ваши серые будни!

— А вы так уверены, что они у меня серые?

— Да вы на себя в зеркало смотрели?!

По взгляду поняла, что ответить ему не терпится, но общественность на моей стороне и всё приходится оставлять при себе. Обидно. Инспектор нервно постучал ложкой по краешку тарелки и вздохнул, набираясь терпения. Глянул на часы.

— Послушайте, а вам, случайно, на работу не пора?

— Не выдумывайте! Я безработная. — Легко отмахнулась я, чем повергла нового знакомого в шоковое состояние, кажется, он начинает серьёзно опасаться.

— Допустим, но чем вам могу помочь я?

— Вы верите в любовь с первого взгляда? — Я довольно взвизгнула, а «тараканище» шарахнулся, испуганно глядя в моё открытое декольте. Лето ведь, товарищ! — Я тоже не верю, поэтому предлагаю узнать друг друга получше.

— Что?

— Говорю, давайте познакомимся! — Чуть прикрикнула, делая вид, что грешу на возможности его слуха.

— Георгий. — Кивнул он и нахмурился, всё же надеясь понять, в чём заключалась шутка.

— Очень приятно, Лариса.

Я протянула руку, предлагая поласкать её тёплым дыханием, но мужчина, осторожничая, пожал концевые фаланги наманикюренных пальчиков и тут же свою руку одёрнул. В этот момент подошёл вышколенный, наверно, специально для меня, официант, и я по памяти выбрала то, что приглянулось в прошлый раз. Стесняться не стала, заказала по полной программе, хотя аппетита не было. На что мальчик-красавчик в фирменной одежде кивнул, глядя на моего спутника, сочувственно поджал губы, улыбнулся и отправился исполнять.

— Лариса, извините, что я спрашиваю, но вы, случаем, не ошиблись?

— В чём?

— В компании. Мы с вами не знакомы и...

— Так мы вроде познакомились или вам интересны какие-то подробности моей жизни? Так вы не стесняйтесь, спрашивайте.

— Да я не стесняюсь, просто не совсем...

— О, спасибо. — Громко, намеренно перебивая разговорившегося, как его... посмотрела мужчине в глаза... вспомнила! Георгия! Приняла закуску и бережно ковырнула, не желая испортить скульптурную композицию из овощей.

— Лариса, вы меня ни с кем не перепутали?

— А вы считаете, что могла?

— Ну-у... — Неоднозначно потянул он. — Вы так эффектно влетели, мне показалось куда-то спешили...

— Да. К вам.

— Э-м... чем обязан?

— Хочу украсить вашу жизнь, сделать её более разнообразной, яркой, надеюсь, вы не откажете.

Мужчина совсем поник, а я удивилась, как он с такой нерешительностью вообще занял подобный пост, может, подыгрывает мне?

— Извините, но я против случайных знакомств. — Замявшись, отметил он.

— Да? А по мне, так случайные знакомства это лучшее, что с нами может случиться в жизни.

— Хотелось бы уточнить, где я так нагрешил? — Грустно усмехнулся Георгий, а мне захотелось рассмеяться в голос.

— Есть одно местечко. — Хмыкнула вместо этого в ответ.

— Извините, а с чего вы взяли, что мне это необходимо?

— А как увидела вас, так и поняла. Сидите здесь один, хлебаете постные щи. Опущенные плечи, потухший взгляд — сразу видно, мужчина нуждается в моральной поддержке, а я ведь не могу пройти мимо, если во мне кто-то нуждается. — Я воодушевлённо распинаясь, пока мой спутник всё глубже оседал в стул.

— Вы волонтёр?

— Работала в сфере обслуживания, потому привыкла, что люди нуждаются в моём

внимании.

— А где именно работали? — Встрепенулся он, а я отмахнулась.

— Георгий, а вы женаты?

— Это имеет значение?

— Конечно! Если не женаты, то помощь необходима экстренная, а если женаты, то тут нужно и мозгами пораскинуть.

— А что, есть чем?

— В смысле, мозги? — Прищурилась. — А вы подозреваете, что их у меня может не быть?

— Я этого не говорил! — Отрицательно закивал мужчина, уловив угрозу в голосе.

— Мне так не показалось. — Зло разворотила я салат, накалывая на вилку ломтики болгарского перчика.

— Не женат. — Всё же ответил он на вопрос. — А вы, извиняюсь, замужем?

— Ой, что вы говорите, мужу со мной крайне повезло!

— Да?!!!

Ой, а отчего столько удивления в глазах, или это от облегчения? Рано, друг мой, рано.

— Да. Мы прожили вместе душа в душу полтора года, после чего он не выдержал моей бьющей через край энергии и сбежал.

— Меня это почему-то не удивляет. — Без доли иронии и сарказма посочувствовал моему мужу (очень сомневаюсь, что мне) Георгий и грустно посмотрел в тарелку с окончательно остывшим «первым».

Я кивнула официанту, дежурившему у нашего столика, то ли подслушивая, то ли боясь упустить этот жест, в общем, подбежал он быстро, заменил «первое» на «горячее», и удалился на пост обозрения.

— Напрасно вы грустите, Георгий, со мной вам будет весело, обещаю. — Внезапно я разнервничалась не понятно отчего, скривилась, чем вызвала у бедного Георгия очередную волну паники. — Георгий, почему у вас такое длинное и такое невыразительное имя? Давайте как-нибудь покороче, Жора, например, и на «ты». Меня, кстати, можете звать Лара.

— Я, пожалуй, воздержусь. А друзья меня зовут Гоша.

— Гоша? Мне всегда казалось, что это из другой оперы, нет?

— Не знаю, они так привыкли. Так что там с вашим мужем?

— А что с ним? Наверняка кусает локти и бьётся в истерике, но обратно я его не пущу, пусть не надеется.

— А что, уже просился?

— За пятнадцать лет? — Гоша странно-удивлённо кивнул. — Ни разу. — Покачала я головой и улыбнулась. — Надеюсь, ты ничего не имеешь против детей? У меня взрослый сын.

Гоша только криво усмехнулся одним уголком рта, шумно сглотнул, посмотрел на котлету, потом, более жалобно, на официанта, и всё же решился его позвать.

— Молодой человек, подскажите, а есть вариант, при котором вот эта дама...

— Лариса. — Напомнила ему я.

— Да, да, вариант, при котором Лариса пересядет за другой столик?

— Извините?

Мальчик почему-то посмотрел на меня.

— Ничего, Гоша шутит, идите.

И Гоша убийственно-жалким взглядом и протяжным стоном проводил возможного спасителя. За столом воцарилось молчание, я расправилась с салатом, насладилась вкусом и уже получила заказанное второе блюдо, а мой собеседник совсем погрузился.

— Лариса, признайтесь, вам что-то от меня нужно?

— А ты мне это дашь? — Удивлённо уставилась на мужчину, не понимая, почему тот так быстро сдался.

— Смотря что. — В нём явно загорелся огонёк надежды и голос приобрёл не только бодрость, но и мужественность.

— Перепиши на меня свою квартиру.

— Что?

— Квартиру. Свою. Перепиши. — Сделала жалобные глазки и похлопала ресничками, демонстрируя их природную длину и пушистость.

— Вообще-то у меня дом. — Серьёзно ответил он.

— Не важно, главное, чтобы ты был готов с ним расстаться.

Вот тогда до бедного дошло, что я шучу и он впервые за весь обед улыбнулся.

— Ну и шуточки у вас. — Пожурил, и с аппетитом принялся за пюре.

— Гоша, а ты мог бы жениться на такой энергичной и живой женщине, как я?

— А вы считаете, что мне в жёны больше подходит неэнергичная и мёртвая? — Хмыкнул, чем продемонстрировал улучшившееся настроение и заел пюре котлетой.

— Я этого не сказала, но ты какой-то... замудоханный, извини за выражение.

— Да ничего, я и сам знаю. Новая должность, знаете ли, требует большого внимания, авторитета, уверенности, вот и выбился из сил.

— Значит, я пришлась как раз кстати?

— Видимо, да. И всё-таки, почему вы развелись с мужем, ведь, насколько я понял, у вас общи сын?

— Он сказал, что у меня плоские шутки, упрекнул, будто совершенно не умею готовить и выжить рядом со мной может только неандерталец и то, лишь потому, что не поймёт ни единого моего слова.

На самом деле, он именно так и сказал, но ещё добавил, что, то варево, которое я так убедительно обозвала супом, с удовольствием вылил бы мне на голову, если бы я не была матерью его сына. Хлопнул дверью и даже не забрал свои шмотки со съёмной квартиры, в которой мы жили с маленьким Андрюшей вот уже три месяца. И научиться готовить стало для меня идеей фикс. Я её осуществила, только вот теперь мне некому утереть нос этими способностями, так как Эдик ушёл бесповоротно и я действительно не видела его все пятнадцать лет, как, впрочем, и алиментов на сына.

— А вы не умеете готовить?

— А я произвожу впечатление домохозяйки? — Встречный вопрос и Гоша снова ко мне присмотрелся.

— Нет. — Уверенно кивнул он. — Вы похожи на деловую самодостаточную женщину, единственное, чего я не пойму, так это вашего интереса ко мне.

— Так, я такая и есть. — Откинулась на спинку удобного стула, закинула ногу на ногу и, если бы не была за рулём, то непременно выпила бы хорошего вина. Здесь есть, я знаю, меня угощали.

— А я?

— Что ты?

— Вы не ответили на мой вопрос про интерес.

— А-а, так я поспорила, что в меня влюбится и женится любой мужчина.

— Поспорили?.. — Недоумение помноженное на растерянность, равно Гоша в квадрате.

— Вижу, слово «жениться» испугало тебя гораздо меньше. Это хорошо.

— В смысле... То есть как жениться? Вы в своём уме?

— Ты уже спрашивал и я предложила перейти на «ты».

— Я помню. — Зло отозвался он и ковырнул котлету так, что её кусочек улетел за соседний столик. — Извините. — Выдохнул, краснея, и закрыл лицо руками. Нет, он однозначно несчастный человек и с этим надо что-то делать.

— Что-то не так?

— Да, Лариса, не так. Я устал бороться с вами.

— Это значит, что ты уже согласен?

— На что?

— На свадьбу. — «Удивилась» я его вопросу и даже перестала болтать ногой, которая была в свободном полёте последние несколько минут.

— Вы издеваетесь? Нет, точно, вы издеваетесь, только не пойму, почему я?

— Не знаю. Ты мне приглянулся. Я и первый раз так замуж вышла. Вيني, види, вици! — Нагло сфальшивила по латыни.

— Что?

— Пришёл, увидел, победил! Гоша, тебя нужно встряхнуть, нельзя так грузиться. Предлагаю продолжить знакомство в более уютном месте.

— Скажите только, у меня есть шанс отказаться? — Выдохнул он, страдальчески.

— Только в случае твоей смерти. — Заявила я и мой несчастный подавился последним кусочком котлеты.

— Кажется, я уже к этому близок.

— Не волнуйся, всё пройдёт. — Похлопала я его по спине, перегибаясь через стол, и ещё подробнее продемонстрировала свои пусть и не выдающиеся, но вполне аккуратные формы в декольте.

— А как...

— Я тебя сама найду. — Заверила, вставая, и, расправляя платье, поймала хоть и уставший, но, тем не менее, восхищённый взгляд.

Именно восхищённый, ведь к сожалению Гоши, природа поскупилась на дары при его рождении и сделала хоть и высоким, но шупленьким очкариком, а не брутальным меном, поэтому я вполне могла претендовать на роль его дамы сердца и это не вызвало бы диссонанс у общественности. Послав мученику воздушный поцелуй, подошла к официанту, черкнула тому свой номер и громко, во всеуслышание, заявила, что несчастный Гоша мой друг, а именно дружеской наша беседа выглядела со стороны, и высказалась:

— И если это жлоб откажется платить за меня, позвоните, я рассчитаюсь сама. — И послала якобы жлобу такой взгляд, что едва ли он решится отказаться от счёта, по крайней мере, эта самая общественность, которая с таким азартом наблюдает за моим уходом, не оценит.

С выполненной программой максимум на сегодня отправилась в свою обитель, в свой любимый ресторан, который без меня осиротел, выглядел мрачно и тускло. Аллочка уже успела обзвонить всех, кто заказывал столики на сегодня, завтра и на ближайший месяц вперёд, отчиталась, что приезжали дизайнеры, делали эскизы туалетных комнат и они

сошлись в цене, что редкость.

Аллочка, которую жизнь была часто и больно не привыкла уступать даже в копейке, поэтому в материальных вопросах проще было договориться со мной, нежели биться о стену непонимания администратора. Обычно о нас так и говорили: двое из ларца, одинаковых с лица. Мы с Аллочкой действительно были похожи, но если её внешность всем казалась ангельской, а глазки несчастненькими, то по отношению ко мне таких иллюзий никто не питал.

Выгнав Аллочку домой и пригрозив, что если ослушается, то более я её на порог не пушу, заперлась в Лёнькином кабинете и плеснула в бокал его любимый коньяк. Занялась осмысливанием жизни, или, говоря проще, бездельничала. Коньяк я не любила никогда, но наливала, чтобы чувствовать себя аристократкой с белоснежной кожей и белокурыми кудрями, а не загорелым рыжиком, как меня назвал всё тот же Лёня. Подобное прозвище он придумал после того, как я, побывав на очередном кулинарном конкурсе, на несколько дней расслабилась и полежала на пляже. Он мог назвать меня и рачком, потому что кожа не успела прийти в норму после солнечного стресса, но, видимо, побоялся за сохранность зубов и ограничился тем, что, собственно, и сказал. Вопреки природным нормам, несмотря на то, что я была рыжей, кожа моя от аристократической белизны не страдала, но и постоянных веснушек не было, спасибо и на том.

Так же, как и бокал коньяка, моё воображение здорово возбуждал вид женщины с длинной тонкой сигаретой, вставленной в красивый мундштук, но меня лично смущала длина этой сигареты в мундштуке, и я себе, по сравнению с этим аксессуаром, казалась карликом, поэтому от подобных маневров воздерживалась.

Сидела я так, сидела, думала, вспоминала, а ничего хорошего так и не вспомнила. Жизнь пронеслась как один миг, а что в ней было стоящего?.. В школе я была настоящим заморышем, которого все дразнили, но это в первом классе. Причин для одного было много, начиная с года обезьяны, в котором я родилась и заканчивая моей удивительно подходящей фамилией: Читаева. И самое забавное в этом то, что обезьянами по гороскопу в классе были практически все, а вот «Мартышкой» почему-то, любя называли только меня. Были и смельчаки, которые решились назвать меня ЧИта, но так просто им это с рук не сошло, за что некоторые имели в своём архиве подбитые глаза и разбитые губы, а я получила славу драчуни. Но уже во втором классе всё исправилось и меня стали называть никак иначе как ЧИТА, точнее, чередовали это с Мартышкой, но я не обижалась, потому что во мне от предков-обезьян было гораздо больше, чем во всех остальных ровесниках. Я была живой, подвижной, задиристой, не любила и не желала отмалчиваться. Меня за эту правду, которой я кормила всех на завтрак, обед и ужин, невзлюбили учителя, завучи и даже директриса, но это уже было во мне, и изменить я ничего не могла.

Много чего было, но я помню один случай за который сейчас действительно становится стыдно: мы в младших классах ездили в санаторий, а так как фотоаппараты были тогда в диковинку и плёночные, то фотографий оказалось нещадно мало и деньги на их печать наша классная руководительница собирала с желающих приобрести кусочек истории. Прошла неделя, за ней другая, а потом на классном часу нам сообщили прискорбную весть о том, что плёнку, деньги, а вместе с этим и наши надежды на память о проведённых каникулах, бессовестно умыкнули из учительской сумочки в автобусе. И это мне показалось такой глупостью, мол, зачем кому-то наши фотографии, да ещё и не сделанные, что я не поверила, возмутилась (к сожалению была единственной), и спросила:

— А когда вы вернёте наши деньги?

Не знаю кто как, а я заказала полный набор и для меня, не работающей школьницы девяти лет, это были неплохие финансовые возможности. На мой вопрос учительница покраснела, но ничего не ответила, так как дальше пошло безразличное отвлекающее жужжание уже на другую тему и мой вопрос забылся. Правда, потом, учительница отвела меня в сторону и из своего кошелька достала нужную сумму, а я без зазрения совести взяла, ведь это моё! Правда, потом поняла, что деньги вернули только мне, но не расстроилась, просто не стала распространяться о «счастье», свалившемся на голову. Сейчас глупо полагать, что учительница действительно решила прикарманить наши копейки, но, зная их учительскую зарплату, да ещё немного накатив алкоголя, мои сомнения временно рассеиваются.

В шестнадцать лет я познакомилась с Эдиком, смазливый, стройный, хоть и чрезмерно худым задохликом. Внешность обманчива и на поверку он оказался натренированным и крепким, просто конституция такая. Для тех, кто не знает, конституция — это не только основной закон государства, но и особенности телосложения. Понапридумывают... будто слов им мало, а люди потом путаются. Так вот, быстренько забеременев, мы под шумок последнего звонка расписались и начали недолгую совместную жизнь. Сейчас я понимаю, что Эдик терпел меня слишком долго и его нервная система истощилась и пришла в упадок, но тогда мне казалось, что он во всём виноват, особенно в том, что не может обеспечить семью достойным существованием. Но когда Эдичка ушёл, я поняла, что жили мы не так уж и плохо, потому что стало ещё хуже. Дотянув последний оплаченный месяц на съёмной квартире, если так можно было назвать эту комнатуху, я вернулась в родные пенаты на радость маме. Она радовалась долго и, что важно, громко, поэтому, пока буря не утихнет, я оставила Андрюшку у добрейшей соседки Марь Ивановны. И только после этого поселилась с ним на положенных по закону семнадцати метрах двухкомнатной квартиры, свергнув маман с уже обжитой после моего переезда жилплощади.

Радовало во всей этой ситуации лишь то, что я не додумалась бросить институт и старалась везде успеть, с моим-то запалом и характером, я бы потянула и больше, да больше никто не предлагал. На скромную стипендию, пенсию по утрате кормильца (условно я называла это пособие матерям-одиночкам именно так), которую мне назначили до конца обучения, и детское пособие, я и содержала нашу маленькую семью из двух человек. У мамы деньги не брала принципиально, демонстрируя свою независимость, пока не получила мокрой половой тряпкой по лицу со словами:

— Я тебе что, чужая?!

Больше не выпендривалась и жить мы стали намного лучше. Про Эдика слышала, будто он уехал в Москву, но особо не мечтала по этому поводу, не такой он человек, чтобы дважды в один и тот же комсомол вступать. Его родители тоже не волновались, как там их кровиночка, единственный внучок поживает, а я и не расстроилась. Нисколько. А когда пошла на работу поваром, всё вообще стало замечательно, так вот замечательно и до сих пор.

Взгрустнула, едва не всплакнула, губы поджала, а на часах уже половина одиннадцатого. Пока всё закрыла, добралась до дома, так и вовсе полночь. Андрей спал, видимо, нагулявшись, а я отправилась в царство Морфея вслед за ним, чтобы уже следующим утром, а пташка я ранняя поэтому и утро наступит очень скоро, отправиться на завоевание или, правильнее сказать, на осаду крепости по имени «Гоша», с последующим заключением его в надёжные оковы под названием «дружба». И направиться туда я собиралась не с

пустыми руками.

Встав на заре, срочно выехала по месту работы, привела себя в полный боевой порядок: убрала полосы под непроницаемый колпак, тщательно вымыла руки и улыбнулась новому дню и это не блаж, а неизменный атрибут успешного повара. Только душевное спокойствие и равновесие помогает сосредоточиться и из просто вкусного блюда сделать шедевр кулинарного искусства.

Шедевр сегодня обещал быть острым и очень острым. Одно полюбившееся мне мексиканское блюдо, название которого я не могу вспомнить, а рецепт не могу забыть, придётся как нельзя кстати. Я буквально под пытками выведала его у повара из жаркой Мексики, спойв его нашей водочкой да под солёный огурчик. Бедный мучачо не только английский язык забыл, но и родной, который я всё равно не знала, поэтому все секреты приготовления он выдавал мне исключительно в момент приведения себя в божеский вид под ледяным душем.

«— Выпусти меня, пожалуйста. — Кричал он, корчась под упругими струями воды.

— У тебя есть только два варианта выбраться отсюда живым. — Отвечала я ему.

— Что ты хочешь? — Плакал он, понимая, что живым действительно не выберется. Ничего не напоминает? Даю ассоциацию: Гоша, Гоша...

— Говори. — Крикнула я и он сказал. Сказал всё, даже то, что говорить не планировал, правда, потом удивлялся, как такая хрупкая и безобидная на вид русская, могла вытянуть из упрямого и сильного мексиканца то, что не могут вытянуть из него уже много лет подряд лучшие рестораны мира.

Рецепт оказался редким, с секретными ингредиентами, которые он же мне и поставляет по «старой дружбе» и это блюдо умеют готовить уже два человека в мире: он и я.

Заранее выяснив расписание «любимого» инспектора, приехала в офис, неся перед собой ароматное и горячее блюдо. Глупая официантская привычка нести всё перед собой, которая однажды стоила мне вкуснейших печенек на этот раз не принесла непоправимых последствий. Я всё донесла в целостности и сохранности, без приглашения, минуя секретаршу, завалилась в кабинет, аккуратно поставила блюдо на рабочий стол, выгоняя опешивших посетителей, и, прикрыв попкой дверь, обворожительно улыбнулась.

— Я думал, что вы пошутили, Лариса. — Понуро вздохнул Гоша и уставился на источающее божественные ароматы, но пока ещё загадочное для него блюдо.

— По поводу?

— По поводу того, что найдёте меня.

— С чего бы мне шутить такими вещами? — Тут я прищурилась. — Или ты всё-таки не оплатил вчера мой счёт?

— Что ты, как я мог?! — Резко перешёл он на личности, хотя до этого пытался держать дистанцию. Видимо, уже свыкнувшись с той мыслью, что я не отстану. — Ты на меня так посмотрела, что я бы не осмелился.

Сейчас я поняла, что голос этого хлюпика, хотя таковым он и не был, приятен, более того, кажется, за эту ночь не только он свыкся с этой идеей, но и я сама. Но у меня долг перед родным рестораном, я обязана быть стойкой и выносливой, поэтому быстро разогнала рой ненужных мыслей и принялась организовывать обед на одну персону. Почему на одну? Да потому что я не могу себе это позволить, всем вокруг объясняю, что сижу на диете и это будет жестоким ударом по ней, но мы-то с вами знаем, что мне, тощей от рождения, полнота не грозит. А на самом деле воздерживаюсь оттого, что не могу остановиться, когда пробую

это чудо и сметаю всё в гордом одиночестве, не давая остальным шанса даже попробовать. А организовать обед это вам не щи в тарелку наплескать, здесь всё должно быть разложено по своим местам. Поэтому, красиво выложив обед на тарелку правильной формы, украсив это зеленью (которая в рецепте не предусмотрена, но блюдо выглядит лучше, чем без неё), с нужной стороны положила вилку, с другой — особого рецепта лепёшку, налила в стакан горячий напиток, который идёт в комплекте и помогает потушить жар в желудке, если вдруг кому-то не пошло острое. В процессе заметила его настороженный взгляд, и при этом азартно горящие глаза.

— Надеюсь ты не страдаешь ЯБЖ? — С тоном врача с двадцатилетним стажем уточнила я.

— Нет, а что это?

— Ну, нет, значит, нет, если бы страдал, то уже знал бы об этом наверняка. Приятного аппетита.

— Спасибо. — Улыбнулся Гоша, сверкая едва заметными ямочками на щеках и я растаяла, как примерная жена подпёрла подбородок кулачками, локти при этом упирались в столешницу, а на лице тупая улыбка, которую, как ни хотела, скрыть не могла.

Сын уже давно привык, что готовлю я хорошо, поэтому особо не восторгается, а видеть то, как поглощают мою стряпню посетители ресторана я не могу, потому что не отхожу от плиты и разделочной доски. И в редких случаях, когда меня всё же вызывают, чтобы поблагодарить за труды, но это, чаще всего, особо культурные европейцы, у которых так принято, я могу посмотреть на довольные мордашки. А вот наши люди другие, у меня иногда складывается такое чувство, что они приходят пожрать и им всё равно, что я положу на тарелку. Но это ненужное отступление, поэтому вы можете его пропустить мимо глаз и ушей, это говорит обида, но она моя, личная, и больше никого не касается.

— Вкусно? — Улыбнулась, пялясь на то, как он доедает.

— Очень. — Улыбнулся Гоша в ответ и я разомлела. — А ты же говорила, что не умеешь готовить. — Опомился он и... что я там говорила? Разомлела? Забудьте, это в прошлом, я снова вспомнила, зачем сюда пришла.

— А я и не готовила, я заказала это в любимом ресторане, просто захотелось побаловать тебя. — Невинно водила я пальчиком по столу. — Ты ничего не имеешь против ресторанной еды?

— Я ничего не имею против вкусной еды. — Уточнил мужчина, вытер губы льняной салфеткой и смотрел на меня с обожанием. — А ты пришла только для того, чтобы меня накормить?

И вот мне интересно, он спросил это, потому что ему со мной хорошо и он хочет чего-то большего или, наоборот, опасается, что просто так я его не оставлю?

— Нет. Я хотела, чтобы ты привыкал ко мне.

— Уже привык, — добавил улыбку, которая меня расслабляет, — но сейчас мне нужно работать. — А это уже так серьёзно, что я почувствовала уколчик совести, за то, что отрываю от работы такого важного и делового сотрудника.

— Тогда я зайду к тебе завтра. — Пропела напоследок и снова послала прощальный поцелуй.

На выходе погремела уже пустыми площадками, поморгала секретарше, давая понять, что её шанс устроиться в жизни она безнадежно профукала и удалилась в неизвестность, в которой не знаю: ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ!

Несмотря на опасения, работёнка нашлась быстро, даже слишком. Не успела я выйти из здания инспекции, как позвонила Аллочка и предупредила, что нам уже везут сантехнику, нужно принять. И я приняла. Потом всё подписала, потом раздавала ЦУ, вызванивала уборщицу, которая готова в течение недели убирать за рабочими, потом ещё много-много всего по мелочи и день закончился.

Глава 3

На следующее утро встала с ещё более увесистым настроением, приготовила Гоше рыбку по одному французскому рецепту, который хоть и не выпытывала, но тоже им безумно горжусь. Ведь сам мастер, преподнёсший урок, сказал, что я превзошла всех его учеников, а всё оттого, что с любовью, а не ради галочки в дипломе. Гоша остался доволен и уже сам уточнил, приду ли я завтра, и как только услышал положительный ответ, засиял своими ямочками на щеках, потёр руки и попросил прийти пораньше, потому что на обеде будет глобальная проверка на одном из предприятий. Я пришла пораньше, мне не сложно, он снова всё съел, смотрел на меня с благодарностью дворняги, которую угостили докторской колбасой, а потом неожиданно так, погладил по руке и спросил:

— Лариса, ведь у тебя ресторан русской кухни, так, почему ты меня балуешь заморскими разносолами? — Я было попыталась выдернуть свою руку из захвата, но куда там, металл. А жук этот улыбается и ничуть не огорчён, а деже наоборот, хочет решить всё миром.

— И давно ты знаешь? — Так же, не расстраиваясь, выдохнула я, устраиваясь поудобнее, тем более, что мою лапку уже отпустили из оков.

— С первого дня, как ты пришла в офис. — По-доброму улыбнулся он и мне стало с ним легко и даже немного совестно, что называла тараканом. — Аня, секретарша моя, спросила тогда, как приручил такую мегеру, и я понял, что чего-то не понимаю. Ты обиделась на меня из-за штрафа?

— Нет, не из-за штрафа, а из-за того, что ты закрыл мой ресторан, и я уже несколько дней маюсь дурью, несу материальные затраты, а мои клиенты страдают от недостатка вкусной пищи.

— Нормы стали строже. — Виновато глянул он и вздохнул, я же изобразила обиженную и даже подумывала о том, чтобы всплакнуть, но на заказ как-то не получилось, поэтому только пыхтела, словно злой ёжик.

— Но ведь можно было предупредить, проконсультировать, не знаю... договориться как-нибудь. Нужно уметь быть человеком даже на такой собачьей должности, как твоя.

— Я умею, но так было нужно.

— Кому? Тебя кто-то подкупил? Я так и знала! — Не дожидаясь комментариев, сама себя настроила, сама себя ввела в заблуждение и не знаю, как сдержалась от членовредительства.

— Нет, ты не правильно поняла. Ужесточились не только требования, но и меры ответственности. С такими нарушениями как у вас, приостановка работы заведения до полного исправления недостатков.

— Но у нас всё идеально!

— Лариса! — Строго прикрикнул Гоша, но тональность при этом не изменил. — Это разговор слепого и глухого. Он не имеет смысла. Всё, что касается моей работы, я делаю в соответствии с нормами, как и ты следуешь рецепту, при приготовлении блюда.

— Я следую не только рецепту, но и голосу разума! И если мои рецепторы твердят, что

нужно больше соли и меньше масла, я плевать хотела на этот рецепт и делаю так, как будет вкусно, а не слепо следую, как ты сказал, нормам и уставам. И, вообще, с чего это ты решил признаться, что всё знаешь, вчера ведь так хорошо поел, ещё и добавки просил, м-м?

Он не то, чтобы покраснел, но порозовел однозначно. Интересно, интересно, что там задумал, кроме раскрытия моей хитрости?

— Ну, как сказать, в твою любовь с первого взгляда я и так не поверил, но ты усердно играла свою роль и подкопаться было не к чему, а потом, когда всё это выяснилось, стало ещё проще. Пользоваться твоей добротой и далее было кощунством и...

— Про доброту ты загнул, но в целом мне нравится ход твоих мыслей, — оскалилась, перебивая, проигрывать я не люблю.

— Да. В общем, я хочу предложить тебе работу.

— Исключено, не хватало ещё, чтобы конкуренты сказали, будто после того, как закрыли мой ресторан, я пошла побираться.

— Я неправильно выразился. Скажем так, я предлагаю тебе сделку. Взаимовыгодную. — Добавил тут же, чем заинтересовал меня окончательно. Я наклонилась над столом.

— В таком случае внимательно тебя слушаю.

Наверно он думал, что меня ещё придётся поуламывать, но находить ключевые слова из всего словесного поноса окружающих я умею сходу, так что вперёд и с песней, мяться уже поздно! Примерно эти же мысли я передала своим взглядом и он решился.

— У меня есть брат. Двоюродный. Он бизнесмен. Довольно-таки успешный, но когда от него ушла жена, то Максим совсем сник. И вот такой человек как ты...

— Боже Гоша, а так и не скажешь, что ты сутенёр. — Усмехнулась я и напряглась, ход его мыслей нравится мне перестал. Однозначно.

— Ты снова не так поняла. Ничего такого от тебя не требуется, ты сама по себе взрывоопасна и ударная волна от твоего присутствия летит на километры вокруг. И не нужно делать такие круглые глаза, после твоего ухода из кафе «Луч», я поговорил с администратором, он сказал, что ты была у них примерно год назад, но запомнилась надолго и теперь я понимаю почему.

— Допустим. — Снова приняла я деловой вид, если уж интима не предполагается, то можно и послушать этот бред до конца.

— Вот... и если ты хоть немного побудешь рядом с ним, — на мой грозный взор Гоша вскинул руки, защищаясь, — исключительно в качестве секретаря. То, возможно, он как-то оживёт, придёт в себя. В конце концов, он её и не любил, просто сам по себе факт, что его бросили, ну, ты понимаешь.

— Понимаю. Не услышала пока, какую выгоду ты сулишь мне, кроме заполненного времени.

— Твои выгоды на поверхности: я начальник пожарной инспекции, я хорошо общаюсь и имею влияние и авторитет между начальниками других служб, думаю, мы сойдёмся в цене.

— И ты не боишься говорить об этом вот так, вслух, в своём кабинете?

— А-а, — махнул рукой, — я просмотрел вашу историю: ни одного серьёзного нарушения, вас и наказывать-то не за что, это так, случайность. — Я нахмурилась. — И ещё я обещаю уведомлять тебя обо всех изменениях в законодательстве.

Я удовлетворённо выдохнула и согласно кивнула.

— Только у меня одно условие: ты не должна говорить, что пришла от меня, Макс не

любит, когда вот так бесцеремонно влазят в его жизнь, а попросить помощи или справиться самостоятельно не может.

— Тогда у меня к тебе разумный вопрос: как я, не зная делопроизводства и всех прочих секретарских штучек, и из всех профессиональных навыков могу воспользоваться только рецептом приготовлением кофе, попаду на такую завидную должность? Об этом ты не подумал?

— Мои знакомые напишут тебе рекомендательные письма.

— Но знаний от этого не прибавится.

— Я уверен ты быстро учишься и к тому же, будешь именно секретарём, а не секретарём-референтом.

— А в чём разница?

— Разница есть! — Наконец, воскликнул он, и спектакль под названием «нападающий-жертва» подошёл к концу, я перестала хмуриться и набралась побольше терпения.

— Тогда говори какая. — Теперь уже спокойно, без нападок, с милой улыбкой.

— Секретарь-референт это всё одно, что помощник, он и оформляет договора и осуществляет предварительную работу по контрактам, ведёт и контролирует рабочий график руководителя, в общем такой геморрой, что не позавидуешь. А вот секретарь, там уже всё проще. Телефонные переговоры, кофе, подготовка базовой документации и ещё кое-что по мелочи.

— Когда ты говоришь вот так: «ещё кое-что по мелочи», мне кажется, что дуришь по-крупному и не краснеешь. — Скрестила я руки на груди и вопросительно изогнула бровь.

— Лариса, там, правда, всё проще, чем кажется. Соглашайся.

— Ага, и зарплата в месяц такая, как у меня за один рабочий день.

— Я же сказал, фирма престижная. — Обиделся он.

— Нет, ты сказал, что он успешный бизнесмен, а это две большие разницы, но ладно. — Я выразительно посмотрела на своего будущего заложника, ведь мне отработать нужно всего ничего — месяц, а вот ему придётся дружить со мной всю оставшуюся жизнь. — Так и быть, я соглашусь, но только до конца месяца, потому что потом мы открываемся и мне будет не до развлекаловки.

— Поверь, ему хватит и недели рядом с тобой.

— С тебя резюме. — Кивнула в ответ, поднялась со стула, немного погремела посудой и распрощалась.

А уже завтра мне позвонили в шесть утра, наверно, на тот случай, чтобы я уж наверняка была готова к десяти, на которые назначено собеседование.

— Лариса, у нас ведь всё в силе? — Заговорщицким шёпотом выговаривал Гоша.

— Разумеется. — Отвечала я, стараясь, чтобы мой голос выглядел бодро, хотя сегодня встать с настроением что-то не срослось и я всё ещё валялась под пледом, без которого не могла уснуть даже в тридцатиградусную жару, видимо, особенности одинокой жизни сказываются на привычках.

Повесила трубку и, что бы вы думали? Проспала! И не проснулась бы дальше, если бы ни Андрей, который уточнил, не заболела ли я, ведь даже он уже встал. На часах восемь, ехать на другой конец города, а ещё заскочить в парикмахерскую, чтобы выглядеть человеком и всё-таки разодрать слипшиеся от невероятного количество часов сна, веки.

Любовь ко сну сделала своё дело и на место временной дислокации я приехала с опозданием в час. Девушка, временно заменяющая секретаря, а именно так я думаю, а не

иначе (в смысле, что пока я спала, взяли другую раззяву) окинула меня лёгким презрением и сообщила, что Максим Викторович уже заждался. Так и сказала «заждался», словно гендиру заняться больше нечем, как меня ждать, но, войдя в кабинет я поняла, что именно так оно и было. Передо мной, ссутулившись в кресле, сидел этакий здоровячок, ну, никак не тянувший на звания брата, пусть и двоюродного, этого Гоши, может, он меня так разыграть решил?.. Мужчина после нескольких секунд замешательства всё же глянул на меня вымученными красными глазами, а потом тяжело вздохнул, не раскрыв рта. И я решила брать быка за рога и, не дожидаясь приглашения, уселась на место. Следовала всем правилам желающего устроиться на работу, которые усердно изучала вчера, а именно: не складывать руки перед собой, не сцеплять пальцы в замке, не класть сумку на колени, а так же много всякой ерунды вроде того, что говорить и что одевать, отчего, собственно и опоздала. Приняв правильную позу, я минутку поскучала, а потом напонила о своём присутствии деликатным покашливанием. Раз пять. После разуверилась в его вменяемости и командным тоном, который обычно использовала только на кухне, сказала:

— Так вы меня берёте? — И посмотрела таким взглядом, словно он уже провёл собеседование и сейчас обдумывал решение.

Только мой взгляд не помог, мужчина опомнился, выпрямился, посмотрел на меня и уточнил:

— Вы Лариса Читаева?

— Я.

— Вы опоздали на час.

— Не может этого быть! — Невозмутимо вздёрнула подбородок.

— Но сейчас одиннадцать, а вам было назначено на десять.

— А есть разница?

— Между десятью и одиннадцатью? — Я молчу. — Конечно есть, разница в час.

— Извините, что помешала вам спать. — Нагло заявила я, а он снова посмотрел на меня, словно впервые видит, так и ожидала его вопроса: «Вы Лариса Читаева?», но Викторovich воздержался и принял положенный ему по должности деловой вид.

— Так... значит вы опытный сотрудник...

— Моё резюме у вас на столе. — Напонила я, но он предложением не впечатлился.

— Что вы скажете о себе сами?

— А что вы хотите услышать?

— Это не верный вопрос.

— А какой нужно было задать?

— Вообще никакого, вы должны были рассказать о себе, как о работнике, грамотно выделив положительные стороны и завуалировав отрицательные. Вы что, впервые на собеседовании?

Да, правдиво могла ответить я, но это полностью перечёркнёт шаткое доверие этого человека ко мне.

— Конечно, нет! — Разумно соврала я и кивнула в сторону всё того же резюме. — Вон, какая толстая папка.

Он на неё всё же посмотрел, но, как и в прошлый раз, не притронулся.

— Так, что вы можете о себе сказать?

— А что тут скажешь, сотрудник я, как вы заметили, опытный. С в/о, без в/п, с ж/п. — Вспомнила старинный анекдот, но Максим Викторович снова не отреагировал, а лишь

посмотрел на меня как на травмированную в детстве.

— В смысле, с ж/п? — Всё же решился он на вопрос и приклонился ближе, так как до этого в азарте сел на угол стола рядом со мной. — Это что-то неприличное?

— Нет, это значит с собственной жилой площадью.

— А-а... — Загадочно потянул, но больше к щекотливой теме не возвращался, видимо, было стыдно не знать азов юморески.

— Что-то ещё?

— Да, за что вас уволили с предыдущего места работы?

И так уверенно он задал этот вопрос, что я ему поверила. Вот, честно. Отчего, мысленно сетуя на подлого Гошу и его «хороших» знакомых, вкрадчиво переспросила:

— А меня уволили? — И получилось отчего-то шёпотом.

— Это вы у меня сейчас спрашиваете? — Красиво улыбнулся Максим Викторович и я поняла, что передо мной не зомби, а вполне себе симпатичный, но замученный мужчина.

— Нет, но и утверждать я бы так не стала. Скорее, я ушла сама.

— И всё-таки, почему?

Ну? И что мне отвечать, уважаемый Гоша, что ты там понаписал?

— Скажем так, — задумчиво потянула я, и на самом деле думала, за что можно уволить сотрудника или почему я могла уволиться сама? Вспомнила своего первого работодателя и выдала частичную правду. — Я развела в предыдущей конторе такую бурную деятельность, что директору стало стыдно передо мной за свою несостоятельность, как руководителя, и он предложил мне продолжить свой путь на более высоких постах.

— Видимо, вы его не послушались.

— Почему?

— Ну, вы, как и прежде, секретарь. Будете. Если я всё же приму вас на работу.

— Вы не учли того факта, что как мой непосредственный начальник, не будете компрометировать себя тупостью и проявите чудеса эрудиции и деловой хватки. Не так ли, Максим Викторович?

На неприкрытую лесть он отреагировал как надо, то есть пропустил её мимо ушей, но мысленно плюстик мне поставил.

— Хорошо. Допустим, я вас возьму на работу, но моё условие будет не опаздывать.

— Я очень исполнительна. — Слишком поспешно ответила я.

— Но это разные вещи. Я хочу приходить на работу и чтобы меня встречала чашечка горячего кофе.

— Предлагаю брать кофе в термосе из дома, тогда ваше желание всегда будет осуществимо.

— Вы мне дерзите?

— Я предлагаю разумный выход из ситуации, которая может плохо отразиться на моей зарплате.

— Но это входит в ваши обязанности.

— Никогда не видела такого пункта в трудовом договоре.

— Тогда это будет моя личная просьба за которую вы будете получать премию — Не успокаивался он, чем меня заводил всё больше. Люблю неподдающихся.

— Пусть вам жена готовит кофе.

— Но у меня нет жены. — Без особых эмоций сообщил мой будущий начальник, что означало одно: мысленно он уже свыкся с этим фактом, осталось только подобраться и

привыкнуть к жизни без неё. Всё не так плохо.

Я внимательно посмотрела на Максима Викторовича, поняла, что он очень даже ничего, покосилась на плотное бедро, которое находится в непосредственной близости от меня и заявила:

— Тогда я не буду с вами работать.

— Отчего же?

— Вы не соблюдаете дистанцию, ведёте себя непозволительно развязно для неженатого мужчины и смущаете меня своими формами.

— Вы не интересуете меня как женщина.

— Тогда уговорили, я согласна. Когда приступать?

Он рассмеялся. Натурально, заразительно, красивым мужским смехом, но ответила я только открытой улыбкой.

— Так значит, это я вас уговаривал всё это время? — Вытирая набежавшие слёзы, спросил начальник.

— А вы считаете, что должно быть как-то иначе?

В этот момент зазвонил телефон, Максим Викторович отвлёкся, а я бессовестно подслушала.

— Да, Гош, да, — говорил он с моим покровителем, — да, нашёл, можешь никого не присылать. Да, меня устраивает. — Он начал раздражаться. — Не рассказывай мне сказки, я лучше знаю, кого хочу видеть при входе в приёмную! Разговор окончен.

И, повесив трубку, уже для меня пояснил:

— Брат двоюродный звонил, подсуетить кого-то хотел на ваше место.

— Но вы сражались как лев, спасибо, я слышала.

— Надеюсь, вы оправдаете мои ожидания?

— Даже не сомневайтесь. — Кивнула я, встала, чтобы пожать эту мужественную руку и даже позволила себе подержать её чуть дольше положенного.

— Вы можете приступать к своим обязанностям прямо сейчас, Зиночку выгоняйте обратно в отдел кадров, она достала меня своим кислым видом. Надеюсь, вы будете мне улыбаться? — Прищурился шеф.

— Если вы будете этого заслуживать. — Порадовала его ответом и отправилась на покорение новой, секретарской вершины.

Кроме полнейшего бардака за рабочим столом и разбросанных в хаотичном порядке документов, в мои владения ничего существенного не входило и за час работы кроме наведения непосредственно рабочей атмосферы, я смогла ещё и составить список необходимого, успела познакомиться с далеко нескромным штатом сотрудников. Ко мне даже местные кроты-программисты забежали на огонёк, получили пилюлю за нерабочий компьютер и обещались к вечеру сделать. Но, собственно, ничего другого им ответить и не было позволено.

— Лариса, кофе. — Вымученно промычал начальник через громкую связь, дождался моего «угу» и отключился.

Кофе из того, что я нашла, приготовить крайне сложно, поэтому пришлось воспользоваться услугами обычного чайника и растворимой гадости, и нести всю эту бурду в кабинет, но мой начальник обрадовался даже такому пойлу, вежливо поблагодарил и обещал работать как зайчик из рекламы батареек: день и ночь.

Так бы я и умирала от скуки, но боги услышали мольбы мученицы и ближе к концу

рабочего дня моё сердце забилося в припадке от расстройства: в приёмную зашёл он. Нет, не так. Зашёл ОН. Мужчина. Настоящий. Такой, о котором я всю жизнь мечтала. Высокий и меру (уж для моих-то метр с кепкой...), брюнет, с широкими бровями и заострённым на кончике прямым носом. Если говорить красиво, то с чувственными губами и выразительными глазами, мощный, но не толстый, а такой сбитый, плотный, у которого есть за что подержаться кроме стандартного рычага, и я мысленно застонала, получая зрительный оргазм. И взгляд его меня пригвоздил, но не лишил способности мыслить логически и разговаривать, но я всё же подозреваю, что он просто не ставил перед собой такой цели. Позволив оценить свою внешность и строгий костюм несмотря на жару, а так же идеально начищенные туфли, он довольно и хищно улыбнулся, двинулся на меня, разбивая сердце как когда-то сделал Лёня, хотя сегодня я понимаю, что жить с таким человеком как он, я бы не смогла даже будучи немой.

Я могла бы посмотреть на незнакомца томным, с поволокой взглядом, призывно приоткрыть искусанные от желания губы, невинно провести по верхней из них кончиком языка и тут же залиться краской, как девственница, а он бы чувствовал себя героем. Но он для меня не герой. Эти мужчины... такие, которых хотят все без исключения, красивые и опасные, умные, знающие себе цену и бессовестно пользующиеся производимым на женщин впечатлением. Те самые, которые для меня всегда оставались в зоне недосягаемости, потому что я не могу допрыгнуть до уровня их взгляда, отчего оставалась за бортом... Они не существуют для меня как класс, поэтому никаких тебе взглядов и никаких приоткрытых губок. Козёл! А незнакомец, меж тем, неспешно шествовал к моей стойке, за которой я перестала имитировать бурную деятельность, чему научилась у своих подчинённых, и с улыбкой ожидала, когда же он подойдёт. И как только мужчина приоткрыл свой рот, я его прервала.

— Вы что-то хотели? — Недопустимо громко спросила я, чем, естественно, ввела его в ступор, он ведь ожидал что-то вроде: «Привет, я Лариса, а ты?..».

Запоздало осознав, что только что произошло и, разгадав мой хитрый замысел, он снова открыл рот и я снова его перебила.

— Вы к Максиму Викторовичу?

Он вытянул губы трубочкой, которые отчаянно пытались отвоевать желаемую улыбку, разглядывал меня из-под полуопущенных ресниц, благо рост позволял делать это без всяких там интимных намёков, увиденным почему-то остался доволен и только после снизошёл своим величием во всех смыслах этого слова до простой смертной меня.

— К Максиму. — Медленно, с выражением, хотя куда он там его пристроил я только удивилась, будоражащим сознание голосом, тихо, почти интимно сказал он, и я замёрзла от количества мурашек снаружи и горела от силы возбуждения изнутри. Особенно жаловалось на этот голос моё нижнее бельё, которое не рассчитано на такие испытания.

— Одну минуту, я посмотрю.

И принялась листать разложенный на столе ежедневник, пока не нашла нужную страницу. Медленно, как настоящий тугодум, провела пальчиком по полупустым строчкам: видимо, развод сильно ударил по Викторовичу, встреч для успешного бизнесмена, как рекомендовал его Гоша, маловато, но на пять записан Филипп Аркадьевич. Я подняла взгляд, чтобы прицениться к незнакомцу, вынесла свой вердикт и уверенно заявила.

— Тогда вам придётся подождать, на пять у него назначена встреча с Филиппом Аркадьевичем.

— Да вы что? — Снова заставив моё сердечко трепыхаться от своего голоса, прошептал этот, как я понимаю, именно Филипп и подтянул ежедневник, разворачивая его к себе. — Да, действительно, Филипп Аркадьевич, на пять.

Он посмотрел на меня смеющимися глазами, но не отошёл, не нагрубил, а всё так же продолжал играть в придуманную мною игру.

Красивый, однозначно, сводит меня с ума. Хочу, безумно, но не могу этого показать, потому что не привыкла проигрывать, а на любовном фронте делаю это с завидной регулярностью. И для себя уже давно решила, что пусть это будет единственная неудачная область применения моих способностей, согласилась со своей участью и на чужой каравай рот не разеваю, даже не пытаюсь.

Не дождавшись моей реакции, но я ведь не специально, я себя утешаю, он улыбнулся.

— Что, на Филиппа Аркадьевича совсем не похож? — Сделал он бровки домиком и губки трубочкой, я мысленно облизнулась.

— Если честно, то не очень.

Он и правда не был похож. На Жору похож, на Мишу и наверняка на Федю, но на Филиппа не тянет. Да, хорош, одет с иголки, пахнет от него одуряюще восхитительно, не не Филипп. Вот такая ирония судьбы.

— Однако, так уж случилось, что это всё-таки я. — Словно и сам сожалел об этом, развёл руками. — Так что, я войду или мне предъявить документ?

— Лучше не стоит, потому что если я узнаю точный адрес вашей прописки, боюсь не сдержаться и караулить под подъездом.

— А может я и не против? — Хитро прищурился он и приблизился, нарушая моё личное пространство.

— Вы безжалостны, Филипп Аркадьевич, — чётко, выговаривая каждую букровку замысловатого имени, улыбалась я, а он скривился, кажется, ему и самому не нравилось это сочетание.

— Но я бы приютил. Обогрел.

— Обобрал. Нет, спасибо, идите уже к Максиму Викторовичу, сегодня я выяснила, что опаздывать к нему чревато последствиями.

— Что? Кричал? Уверен, он бы не посмел.

— Не кричал. Он уснул, не дождавшись меня, поэтому прошу. — Хозяйским жестом пригласила его к двери и была настолько благосклонна, что сама открыла её, нажав на резную ручку.

Закрыв за посетителем дверь, позволила себе расстроиться, так, как давно не позволяла. Скривила лицо, вытянула губы и была как никогда близка к слёзотечению. Вот так всегда: разбередят душу, позаигрывают, поулыбаются и сделают ручкой с шикарной длинноногой блондинкой и Люда здесь вовсе ни при чём.

Не успела прийти в себя, как меня приглашали зайти, чтобы получить заказ на напитки, но я-то знаю, что выбор у нас небольшой, поэтому без особого напряжения шагнула в кабинет.

— Я вас слушаю, Максим Викторович.

— Замечательно, — видимо, у кого-то поднялось настроение, сияет такими же ямочками на щёчках как и его братец, который не удосужился ни разу позвонить за весь день, уточнить, как мне тут работается. — Лариса, мне кофе, а Филиппу... что тебе, говори сам.

— Я и хочу... кофе.

Только на меня это его «хочу» не подействовало, даже румянец не заалел на щеках.

— Кофе нет, есть растворимый кофейный напиток.

— А почему кофе нет? — Улыбнулся Филипп, забыв, что мы уже не наедине.

— Потому что предыдущий секретарь была ленива и безответственна, а Максим Викторович слишком хорошо воспитан, чтобы ей об этом сообщить.

— Но для Максима Викторовича кофе есть? Почему нет для меня?

— Потому что Максим Викторович уже в курсе, что я принесу, и готов на такое самопожертвование, а вас я решила предупредить заранее, чтобы избежать жертв в последствии.

Хотела ещё добавить, что с таким именем и отчеством, нужно пить кофе только от профессионального бариста, но воздержалась, мало ли, может, имя — это его ахиллесова пята, подозреваю, что так и есть, но он и сам догадался о моих злых помыслах.

— Хоть моё имя вас так смущает, всё же принесите мне кофейный напиток, как и вашему начальнику, давайте сегодня ориентироваться исключительно на внешность, раз уж вас это настолько волнует.

— Две минуты. — Непринуждённо улыбнулась я, стараясь не замечать, как трясутся коленки в его присутствии.

Горячий напиток с интересным химическим ароматом я принесла и поставила на стол, расположив рядом сливки, сахар и ложечки для желающих воспользоваться этими изысками.

— Так значит, Максим, у тебя новая секретарша? — Не удержался от укола Филипп и пригубил яд в чашечке.

— Да, Лариса Витальевна мой секретарь.

— Даже так? Что же твой секретарь так плохо воспитана? Может, одолжишь мне её на недельку, перевоспитаю? — Ещё один его глоток, а для меня как ножом по сердцу: как такое можно пить?

— Что же так долго, Филипп Аркадьевич? — Заступилась я за себя сама, потому что мой начальник от такой наглости гостя завис.

— Не долго. Шёлковая вы у меня станете уже к вечеру первого дня, а остальное время я буду наслаждаться своими трудами, глядя как вы работаете.

— Вы случайно не владелец стрип-клуба?

Викторович подавился, Филя хмыкнул, а я поочерёдно смотрела на этих двоих, ожидая, когда же меня отпустят. Викторович сжалился первым.

— Идите, Лариса, дальше мы без вас.

А пока я закрывала дверь, подслушала тихое бурчание шефа.

— Ну, что ты, в самом деле, в кое-то веки попался толковый секретарь, а ты тут хвост распушил. Молчи уж, ты же знаешь, что я без секретаря как без рук.

— Не ворчи, она и правда невоспитанна.

Дальше слушать не стала, уселась за свой стол, но «косынку», которую, по слухам, раскладывают все офисные бездельники, открывать не стала, а зашла в интернет почитать, что там пишут о нашем ресторане. Увиденное огорчило, но я постаралась не волноваться, поняла, что решение делать перерыв на месяц отчасти было опрометчивым, но, с другой стороны, сантехнику ведь менять всё равно нужно. А сезон... так у нас что ни день, то сезон. И пока я себя успокаивала, совещание закончилось и Филя незаметно подкрался к моей стойке. Конечно, он, в принципе, не может быть незаметным, этот бугай, но я была настолько погружена в раздумья, что пропустила эффектное появление.

— До свидания, Лариса Витальевна. Завтра зайду на обещанный кофе. — Проворковал, лаская улыбкой.

— Я вам ничего не обещала. — Больше не балую его улыбками и намёками. Ставлю перед суровым фактом моей действительности.

— А я всё равно зайду. — Прошептал этот негодяй, и, слегка покачивая портфелем из кожи несчастного крокодильчика, удалился, оставив меня наедине с собственной совестью.

С одной стороны, никакого сверхъестественного интереса к моей персоне он не проявлял, стандартный набор заигрываний с заведомо недалёкой секретаршей (уж извините меня секретари, носящие это звание по заслугам, я не о вас). Не понятно отчего пропущенный шлепок по попе, который я бы в старости вспоминала со сладким щемлением в сердце, и на этом всё. А вот с другой, той самой стороны, которая нравится мне намного больше, он снизошёл, он меня заметил, выделил целых две минуты своего драгоценного времени и обещался быть завтра-с. Понятно, что по делам, но не думаю, что Викторовичу он так же эротично нашёптывая, сообщил данную весть. Я ему понравилась, точно! Буду тешить себя этой мыслью долго и упорно, пока Филя не приложит меня этим мечтательным пяточком о свою суровую действительность, где он царь и бог, покоритель женских сердец и большой начальник, а я... я это я, без излишних комментариев.

Глава 4

До конца рабочего дня оставалось ещё полчаса и я осмелилась всецело посвятить его очередному анализу своей жизни. Не удивляйтесь, я анализирую всегда в свободное время, благо его у меня не много, оттого и мозги не загружены всяческой лабудой. Я уверена, что всегда на высоте, я убеждена в счастливом конце и, вообще, у меня всё отлично! А вот сейчас, когда вдруг образовался месяц безделья, вполне можно додуматься до чего-то нехорошего. Вот сейчас, к примеру, мне вдруг вспомнились мои любовники. Хотя нет, не вдруг, есть одна причина: я представила в своей постели (заметьте: я, в своей постели, а не себя в его, это имеет значение!) Филиппа... не нравится мне его имя, поэтому уверенно сокращаю до Фили, так и выглядит проще, и слух не режет. И представила я себе этого Филю, задумалась. Он, конечно, крепкий и выносливый, рабоче-крестьянский класс забрался в его гены слишком глубоко, чтобы исправить этот факт грамотным именем и отцом для этого самого ребёнка. Тут нужно стараться и стараться, потому что его широкая кость, чуть смуглая кожа и тяжеловесность, в хорошем смысле этого слова, зашлифуют ещё не одно поколение. Но при всей своей внешней положительности, Филя уже не мальчик, ему явно перевалило за тридцать пять, хотя, я искренне верю, что он и на границе этой цифры может стоять уверенно. И морщинки его не портят, и косые шрамы на каждой из бровей придают определённого шарма и ощущение, что рядом с тобой не хлюпик или даже качок, а самый настоящий хищник. И гордость за любимого тут же начинает расти, и планка становится выше. Но, повторяюсь, он не мальчик, и каковы его способности в самом интересном месте? Вот я, например, не смогла представить, потому что полагать, что он в постели ураган, было бы глупо, а в мужскую слабость верить не хотелось, да и держится уверенно, такие с женщинами на «ты», значит, всёж-таки ураган.

И вот на фоне этих мыслей я и вспомнила своих любовников, сразу всех, но не пугайтесь, это не моя память так хороша, а количество жертв неприлично мало. Я, натура мужчинами не увлекающаяся, хотя сама подозреваю, что вопрос тут скорее в партнёрах, а не во мне. Вот не было у меня такого, чтобы сердце щемило, чтобы дух захватывало, а были так себе, ничего, со скуки не помрёшь, но и удовлетворённой не будешь. Так и получалось, что мои мачо испарялись быстрее, чем я успевала им сообщить, как они никчемны. При этом всегда оказывалась брошена, а причину столь скоропостижного расставания всегда вешали на мой характер, чем отпугивали остальных желающих, а может, так защищали территорию, кто же их знает, этих самцов недоделанных? Только последнего я опередила, но тут был просто предел моего терпения. Ничего страшного, не подумайте, просто он не любил выбрасывать после себя презервативы, а я физически не могла выносить вида их содержимого. Прежде таких вопросов и не возникало: наследил — убери, а вот этот, который последний, взбрыкнуть вздумал, убеждая меня, что всё его внутри, а всё моё снаружи. Не убедил. Не понял. И после очередной стычки титанов, наотрез отказался убирать следы преступления, за что тут же был навсегда убран из моей жизни, телефонной книжки и из квартиры, которую снял на три часа, а пробыл в ней всего час.

И вообще, в отношениях с мужчинами я всегда была слишком радикально настроена, никаких тебе послаблений. Он — отдельно, я — отдельно, и никаких стирок, глажек и

уборок. Я даже за сыном не убираю, он у меня дюже самостоятельный, а тут, на тебе, дитя великовозрастное. Оттого и отношений серьёзных ни разу не случилось, если не считать неудачное замужество. Но я не огорчена, а совсем наоборот, абсолютно уверена, что оказывалась права во всех случаях, да и не было среди них настоящего мужчины, который и сына моего заставит себя уважать и его мужчиной сделает. А Андрюха не страдал, он и сам знает, что нужно делать, чтобы стать независимым. С двенадцати лет подрабатывает, суется, и дошло до того, что к своим пятнадцати, в моей материальной опеке не нуждается, при этом особо не напрягаясь. И я его за это уважаю и независимость его ценю, но подарки делать не отказываюсь, у нас ведь не товарно-рыночные отношения, любить сына я буду всегда.

Викторович проскользнул мимо меня практически незаметно, вместо должного прощания только махнул рукой, видимо, боялся, что начну клянчить аванс, но я-то знаю, с кого мне сбить положенные дивиденды, поэтому пугать моего мужичку-начальника не буду. Всё закрыла, выключила свет и ушла раньше на целых пять минут. Такая приятная мелочь, которая подняла настроение.

А вот какой рецепт использовать для Фили, я всё же решила. Мужчина он интересный, в чём-то кажется мне необычным, поэтому и кофе будет соответственным: с чесноком и душистым перцем. Зная кое-какие секреты и следя за пенкой, которая бежит быстрее, чем у молока, из этих, на первый взгляд диковинных ингредиентов, можно сделать отличный напиток. Для думающего мужчины самое то. С самого утра, ведь опоздать дважды мне не хочется, я снарядилась всем необходимым: из личных запасов извлекла старинную турку с «историей», историю не помню, но турка мне нравится, помолола кофейные зёрна из далёкой Бразилии, специи на свой вкус, а всё остальное можно найти и в офисе. Ах, да, ещё я захватила две специальные чашечки, которые мне дарили как раз к той самой турке, и в полном боекомплекте отправилась на работу. Производить впечатление теперь было на кого, можно немного и потрудиться над внешностью.

Фили не было до самого вечера, я уж подумала, что хитрый жук так надо мной подшутил, на нервах сгрызла колпачок от хозяйской ручки, сплюнула, когда поняла, что именно тяну в рот, и тогда уже заметила смеющийся взгляд карих глаз. И снова неспешная дорожка до моего стола, выразительный взгляд в ежедневник.

— Филипп Аркадьевич, к Максиму Викторовичу на четыре. — Отрапортовал он, но смутить меня не получилось, я добросовестно покопалась в записях, ничего такого не нашла, но одобрительно кивнула и зачем-то ещё добавила:

— Он вас ждёт.

Филя улыбнулся, кивнул моему милостивому дозволению и перед тем как войти в кабинет, стал в пол-оборота, тяжело вздохнул.

— И я жду обещанный кофе.

— Десять минут.

И как только дверь кабинета закрылась, метнулась на кухню, ведь десять минут для этого кофе не предел, стоит поторопиться. Немного усилий и горячий, ароматный напиток готов к употреблению.

Вошла в кабинет не постучав, за что удостоилась косых взглядов и гнетущей тишины, за время которой мне предстояло не расплескать кофе из миниатюрных чашечек, несколько раз вильнуть бёдрами, обтянутыми неприлично узкой юбкой и при этом не потерять контроль над ситуацией.

Так же быстро я вышла, но успела заметить, что один глоток Филя всё-таки сделал. Целый час тишины, и ведь даже не позвонит никто, не придёт, чтобы меня отвлечь, хоть бы напечатать что-нибудь втюхали, не сидеть же как истукан целый день! А когда дверь слишком резко и очень уж неожиданно распахнулась, я пожалела об отсутствии занятости вдвойне, не в потолок же мне плевать, в конце концов, а они пялятся, что-то хотят.

— Лариса Витальевна, зайдите в мой кабинет. — Тихо-мирно проговорил Викторovich полу в приёмной и юркнул обратно.

А вот Филя остался стоять, пилить меня взглядом, теперь уже не весёлым, а слишком серьёзным и настойчивым. Кое-как протиснувшись в дверной проём, который практически полностью загораживал собой этот мужчина, я закрыла за собой дверь и уверенно присела на ещё тёплое после чьей-то попы кресло. Оставшись с начальником наедине постаралась сдержанно улыбнуться.

— Я вас внимательно слушаю. — Кивнула с серьёзным видом и удивилась наличию в руках блокнота, когда только схватить успела? Видимо, профессиональные навыки вырабатываются.

Внушительно повторив свой кивок, я занесла карандаш (ну, не нести ведь стрызенную ручку) над бумагой и уставилась на расстроенного Викторovichа, который уже и разговаривать не хотел, а позвал меня, казалось бы, для отвода глаз.

— Что-то случилось, Максим Викторovich? — Добавив сочувствия в голос, я даже брови сдвинула, этим самым обещая накостылять любому, кто обидел юродивого.

— Нет, нет. Всё в порядке. Вот, возьмите документы. — Слегка дрожащими пальцами он подкинул мне стопку ничем не скрепленных листов и окончательно поник, когда они посыпались на пол, путаясь и теряя форму.

— Я подниму. Что это?

— Это? Это договор на поставки. Я занимаюсь металлом, а вот Филипп Аркадьевич является совладельцем одного из металлообрабатывающих производств.

— И откуда столько трагизма в голосе? — Уже успокоившись, что речь пойдёт о Филе улыбнулась я, откинулась на стуле и принялась слушать.

Говорил Викторovich устало, убито и так, словно он масло, которое размазали по бутерброду. Из всего лепета я выделила основную часть: ему ставят невыгодные условия, на которые он вынужден согласиться, потому что вариантов практически не оставили. В документах я всё равно ничего не смыслила, а вот развесить уши всегда готова.

— Так, в чём проблема? Скажите, что на таких условиях вы работать не намерены. И пусть этот ваш Филя идёт тихим ходом. У вас авторитет, — начала убедительную речь я, — у вас качество, у вас то, что им нужно, в конце концов, по самой приемлемой цене в городе. Я не вижу проблемы. — Эмоционально развела руками напоследок.

— Ох, Лариса Витальевна, если бы всё было так просто... Филипп — это не просто бизнесмен. Это один из сильнейших людей нашего города. И пусть в открытых отношениях с криминалом он никогда не состоял, связываться решаются немногие.

— А вы зачем связались?

— Да я и не связался. Это он ко мне пришёл. Поставил свои условия, дал время на раздумья, а вот теперь время для заключения договора.

— Надо же, а каким приличным казался. — Сказала я вроде бы для Викторovichа, но думала совсем о другом.

Теперь весь расклад относительно Фили полностью менялся и от обиды хотелось

реветь. Это я к тому, что раскатывать губы на авторитетов с крылышками не в моих интересах, а как хотелось. Но тут же над головой загорелась воображаемая лампочка: а почему бы и нет, если он не боится пересуд, силен духом и крепок нервами, вполне может приключиться курортный роман, правда, времени у меня меньше месяца, никакого опыта в охмурении мужчин (обычно они сами приходили) и нежелание в чём-то уступать.

— Что? — Переспросила я, когда заметила, как Викторovich шевелит губами, но звуков при этом не было.

— Да, это я сам себе. — Отмахнулся и отвернулся, возвращаясь к своим мыслям.

— А я считаю, что вам нужна женщина.

— В каком смысле? Я же сказал, что вы не в моём вкусе.

— Так и вы не в моём. — И огорчилась, и заново обрадовалась я, не хватало мне ещё и таких тютей на пути.

— Это не ваше дело. — Взвился его голос к фальцету и мягкий хлопок ладони по столу нарушил интимность момента.

— Конечно, не моё, это исключительно в ваших интересах. Я не думаю, что вы построили свой бизнес, как оказалось, серьёзный, находясь вот в таком расположении духа. Вы говорили ушла жена? Думаю, это вас и подкосило. Вам нужна другая женщина, которая будет знать, что с вами сделать.

— Да не нужно ничего со мной сделать. — Раскраснелся Викторovich, но потом снова поник и уже удобнее устроился в кресле. — Но на самом деле вы правы, с Наташей получилось нехорошо.

И Викторovich бросился в воспоминания, которые я, по большей части, снова пропустила мимо ушей. Смотрела на него и находила всё больше и больше сходств с Гошей. Не внешних, скорее, сходств характеров. И один, и другой уверенные в себе личности, спокойные, уравновешенные, но слишком слабы для защиты в моменты нарушенного равновесия. И если Гошу сбить с толку смогла я, то Викторovichа уход жены. И он потерялся в незнакомом мире. Странно, конечно, для человека, который занимается бизнесом, он наоборот должен быть стрессоустойчивым, но всякое бывает, я ведь точно не знаю, как давно он вот так себя ведёт.

— Только вот где мне её найти? — Услышала я окончание фразы и заметила морщину по центру лба, которая говорила о серьёзном мыслительном процессе.

— В театре. — Выпалила и тут же засмеялась. — А что? Там собираются женщины интеллигентные, образованные, не пигалицы, которых вы обычно снимаете в своих клубешниках.

— Лариса Витальевна...

— А что такого я сказала?! — С нажимом в голосе уточнила я, чем сбила всякое желание сопротивляться. — Я завтра закажу вам билет, а вы не вздумайте там обратить внимание на молоденькую блондинку в красном платье с разрезом во всю спину.

— А она там будет? — Нездорово загорелись глаза этого Казанова и на меня снизошло озарение. Взгляд метнулся к краю стола, на котором стояла чашечка чуть отпитого кофе.

— Будет, — совсем уж мстительно пообещала я, но мстить собиралась не Викторovichу, а тому павлину, который дал моему кофе пылиться на столе практически нетронутым. И в голову влезла уже другая мысль, ещё более радикально настроенная, чем первая. — Ждите билетов, а с контрактом не спешите.

Остывшую жижу я со злостью вылила в мойку, в урну под ней хотела отправить и

чашки, но сдержалась, всё же они тут ни при чём, а как отомстить Филе, уже знала, и поможет мне в этом Аллочка.

Надеюсь, вы помните Аллочку, та самая, которая работает администратором в моём ресторане, та самая, которая ангельски красива и дьявольски сурова со своими мужиками? Мельком я упоминала, что у неё мама и маленький ребёнок, вот только жертвой Аллочка не была никогда, за что и была взята на работу, и успешно разводит на ней бурную деятельность. Аллочка из таких женщин, которые рождены управлять, а чем управлять, таким женщинам не важно, важен сам факт. И она управляла. Сначала первым своим мужем, потом вторым, потом сотрудниками ресторана, которые боялись её и уважали практически так же, как и меня саму. А сейчас Аллочка находится в активном поиске следующей жертвы. И эту самую жертву я для неё уже нашла. Викторovich мне ничего плохого не сделал, но сейчас находится в моральном упадке, что чревато для его бизнеса. Аллочка возьмёт его в ежовые рукавицы, направит, проконтролирует и мужик вспомнит, что он мужик и будет своего ангелочка носить на руках до следующего грехопадения. Красное платье с разрезом во всю спину у неё есть, а билет рядом с клиентом я организую.

Уже следующим вечером я направила Викторovichа на светлый путь исправления, а следующим утром лицезрела изменённого начальника во всей красе. Подтянутый, ровный, как струна, с гордо выпяченной вперёд широкой грудью, с задранной подбородком. О, да, так выглядят удовлетворённые мужчины и могу смело признать: так быстро Аллочка не обрабатывала мужиков никогда прежде.

— Лариса Витальевна, меня ни для кого нет. — И никаких вам унылых полутонов — строго, чётко, по делу.

А затем он на целый день закрылся в своём кабинете, а я узнала, что в нашей компании работает много народа, половина из которого кочевала между кабинетом директора и своими рабочими местами на протяжении всего дня. Уже вечером, в конце работы, Викторovich едва ли не ползком выбирался из своего кресла, уставший, но довольный. Проходя мимо секретарской стойки, положил на самый край стола стопку документов.

— Отправьте Филиппу Аркадьевичу, пусть изучает. Время для согласования нюансов ещё есть, а встречу назначь ему на конец недели, не раньше.

— А...

— И никаких поблажек! Ему моё предложение выгодно в первую очередь.

— Поняла. — Удивлённо приоткрыв рот, поддакнула я, а как только услышала из коридора шум уходящего лифта, побежала к окну, из которого хорошо виден центральный вход.

На стоянке уже стоял знакомый мне красный автомобильчик, а раненый в шинель Викторovich, как только вышел, так и поскакал молодым козлом, забывая о тяжёлых рабочих буднях. Я внесла изменения в исходники и отправила их по известному мне электронному адресу Филечки. А когда собиралась выходить, прослушала настойчивую трель городского телефона в приёмной, улыбнулась, как только он звонить перестал, и уверенным движением руки дверь захлопнула. До машины шла едва ли не в припрыжку, так мне понравилась эта затея с Викторovichем.

Утром телефонная атака не то, чтобы продолжилась, она началась с новой силой, и каждый раз поднимая трубку, я выслушивала один и тот же монолог Филиппа, который убеждал меня перенести встречу на «пораньше», каждый раз отвечала ему категоричным отказом и снова выслушивала заготовленную отрепетированную речь сначала. Викторovich

соизволил порадовать нас своим присутствием около одиннадцати.

— Меня ни для кого нет, Лариса Витальевна. — Только на этот раз на его губах был лёгкий мазок алой помады и загадочная улыбка. Эх, и ведь никто не скажет спасибо.

— Максим Викторович, Филипп Аркадьевич звонил три раза, ещё раз шесть, звонил его секретарь, спрашивают вас с завидным постоянством, обещаются прибыть лично.

— Что, в полном составе?

— Не в курсе. До этого я отвечала, что вас на рабочем месте нет и это правда, а что мне отвечать сейчас? — Шпарила на одном дыхании, пока Викторович не потеряет к разговору интерес и не скроется в недрах кабинета.

— А сейчас можешь отвечать, что я на важном совещании.

— Поняла.

— И... кофе мне.

— Сейчас будет.

Не успел Викторович закрыть свою дверь, как открылась дверь в приёмной и показался спокойный с виду, но со злыми чертами в глазах Филя. С порога окинул меня презрительным взглядом, вроде: «Ай-я-яй, как нехорошо, Лариса Витальевна» и без лишней грациозности и трепета отмаршировал ко мне, шлёпнул на стол папку, в которой я смогла разглядеть правленные давиче документы, поставил на стойку свои здоровенные ладони, расставив их одна от другой по меньшей мере на полметра, зыркнул так, что от возбуждения у меня потемнело в глазах, и молчал.

— Филипп Аркадьевич, а если я скажу, что у Максима Викторовича важное совещание это вас остановит?

— Кофе мне! — Ожидаемо вместо ответа выкрикнул Филя, я подскочила на месте, а он уже хлопнул директорской дверью.

Сварганив на скорую руку лабуду под стратегическим названием «Латте» в кофемашине, я без зазрения совести шагнула на горящую землю, а от напряжения там и впрямь всё могло воспламениться. Викторович сидел откинувшись на спинку кресла, вполне себе расслабленно, Филя в это время сверлил его грозным нагнетающим взглядом, а слева и справа двое мужчин, один из которых точно являлся нашим юристом. Моё появление вызвало некоторую суету, переключивание бумажек с обеих сторон заняло время и заполнило гнетущую тишину, а я в этот момент не удержалась и наклонилась к шефу.

— Если вы уступите ему хотя бы рубль, я перестану вас уважать. — И подмигнула, на что получила одобрительную усмешку и взгляд, говорящий: «не ссы, детка, всё под контролем».

Как мышь я просидела за своим столом не меньше часа, после указанного времени из кабинета, оттягивая и послабляя галстуки, вывалились юристы, по вискам которых едва ли не пот катился, а ещё через тридцать минут Викторович в обнимку с Филей. Они ещё с минутой о чём-то заговорщицки перешёптывались и только после этого мы с Филей остались наедине. Как интимно сейчас сказала, аж у самой зубы свело...

А вот Филя, видимо, о интимности думал меньше всего. Не отпуская моего стремящегося удрасть в сторону взгляда, он подошёл к стойке, облокотился, а если быть точной, то буквально повис на ней.

— Лариса Витальевна, за что вы меня так не любите?

— Громкие слова, Филипп Аркадьевич, не имеющие с вами ничего общего.

— А вот в предыдущий раз мне ваш кофе действительно понравился. Пощадите

несчастливого, не подсовывайте более сегодняшнего пойма. — Притворно тяжело вздохнул и устало улыбнулся. И всё-таки красивая у Фили улыбка, так и призывает ответить.

— И... ещё, — пару раз моргнул, добиваясь моего полного внимания, — про «... я перестану вас уважать», мне очень понравилось, правда.

Не дав прилюдно залиться румянцем, а в моём случае побагроветь, Фили удалился, ни разу не обернувшись. Так же, стоя лицом к двери, выкрикнул «до скорой встречи!» и вышел, а меня загрызла совесть. И с чего вдруг я сорвалась? Вот он не очень-то на меня и обижается, хотя потери в случае новой формы договора с его стороны едва ли не многомиллионные, а он о кофе... Стыдно, Читаева, стыдно. Не дал моей совести окончательно покончить с хозяйкой телефонный звонок. Звонила Аллочка и я естественно ответила. Оказалось, Викторovich так впечатлился Аллочкиному наряду, и с заявлением, что это судьба, повёл её чуть ли не под венец, уже ночью признался в своих сомнениях по бизнесу и неминуемо наткнулся на суровый женский взгляд, после которого согласился на решительный шаг противостоять напору сторон и, судя по увиденному мной сегодня, выиграл.

— Ой, чуть не забыла, Лариса Витальевна. — Уже вешая трубку, услышала я и помедлила.

— Ну, что ещё?

— Ещё звонил Леонид Михайлович, долго кричал, допытываясь, что вы там устроили. грозился всех уволить, сетовал, что до вас вечно не дозвониться и клятвенно заявил, что порвёт при встрече на клочки. Но суть была в том, что на конец месяца у нас, как оказалось, — хмыкнула Аллочка и вполне оправданно, ничего на конец месяца у нас не намечалось, — какой-то крутой перец из Москвы заказал банкет. Леонид Михайлович сказал, что мы как хотим, но вечер должен быть организован по высшему разряду. Дал контакты его представителя в нашем городе и так как мы сейчас в опале, приказал непосредственно вам явиться с предложением на ковёр.

— Аллочка, а ты ничего не путаешь? Мне явиться на ковёр? С каких пор я курьер?

— С тех самых, как к нему с жалобами обращаются уважаемые люди города.

— Не те ли это люди...

— Те. — Опередила ход моих мыслей Алла и я сжала кулак на свободной руке.

— Диктуй номера и адреса, я всё улажу.

Глава 5

Кто звонил Лёне, я поняла сразу. Есть в нашем городе один очень нехороший дядя, которому не даёт покоя моя независимость. Дядя женат, имеет благополучных детишек в составе трёх штук, я дружу с его благоверной и однажды чёрт дёрнул обратиться за помощью. Тяжёлое тогда было время для нашего ресторана, на помещение в центре претендовало слишком много голодных до прибыли ртов. Лёня по своим каналам лишь узнал имя заказчика, своевременно, надо отметить, но связей, чтобы отбиться, явно не хватало. Вот и пришлось обращаться к сильнейшим мира сего, и выбрали мы для этой роли Давыдова Михаила, в миру Демьяна. Отбиться он, конечно, помог, долю свою за это срубил, но отказ в капельке любви и понимании не оставил уважаемого человека равнодушным. Человеком Демьян был приличным, насилие над женщинами не признавал, но довести этих самых женщин до отчаяния мог вполне. Меня обхаживает уже не первый год, проявляет чудеса терпения и упорства. Но я стойкий оловянный солдатик, в последней десятке из неподдающихся, предпочитаю свободную любовь и верную дружбу, как говорят,

закадычную. Я держу его за вышеупомянутый кадык, а он меня за упоминаемый на протяжении всей истории ресторан. И если сам впрягся, значит, дело действительно важное, нужно отметить.

— Максим Викторович, вы не против, если я отлучусь до завтрашнего утра? — Специально отзвонилась я по коммутатору, нечего на мои не умеющие просить глазки пялиться.

— Можно, только обязательно будьте вовремя. К десяти у нас официальная встреча: подписание договора. От вас требуется организация.

— Будет сделано! — Сколько есть во мне пионерского духу крикнула я, едва удержалась от известного всем жеста перед пилоткой и вздохнула.

Причин на вздохи было как минимум две: первая — я больше не увижу Филю, вторая — я не смогу пощекотать его нервы, но, вспомнив о предстоящей встрече, отпустила кнопочку, собрала нехитрый набор вещичек и отбыла в мир, где я царь и бог. И там, в хозяйском кресле, где чувствую себя куда комфортнее, чем на побегушках у Викторовича, быстро набросала план мероприятия. Созвонилась с секретариатом, как оказалось, одного из криминальных авторитетов нашего города, с ним лично я не знакома, но наслышана о крутом нраве. Хотелось сглотнуть на нервной почве, но времени на это уже не было — через сорок минут встреча. На место прибыла вовремя, и даже с тремя минутами в запасе, но только вот секретарь мне отрицательно покивала.

— Внеплановая встреча. — Улыбнулась она миленько-премиленько и кивнула мне в сторону мягкого уголка, при виде которого, время сглотнуть я нашла.

Красивый и уютный угловой диванчик из экокожи персикового оттенка, цветом был один в один с цветом кожаного новоприобретённого пиджачка. Сегодня хоть и лето, но день дождливый и прохладный, лишний раз шикануть не грех и вот я шиканула. Стою и думаю, что будет выглядеть глупее: отказаться от дивана и присесть на стул в противоположном углу, либо всё же согласиться и слиться с окружающей средой?

— Сочувствую. — Послышалось мне приглушённо из-за спины и я шагнула в сторону дивана.

С пиджаком у меня вообще была целая история. Купила его я не случайно, а очень даже целенаправленно, чтобы завуалировать свою любовь к головному убору или, как его называет Андрюша, картузу, того же персикового цвета. Он в моём гардеробе задержался ещё со времён спроса и моды на этот атрибут, и так полюбился, что пришлось в поддержку купить ещё и пиджак, чтобы на удивлённые взгляды разводить руками, вздыхать и говорить: «Ох, ну, раз уж так совпало...». А сейчас, сидя на милейшем диванчике я уже не думала ни о картузе, ни о любви к нему, а наоборот, вспоминала, как Андрей советовал раскрасить его в более жизнерадостные цвета и выступить вместо Карандаша на арене цирка.

Так прошло двадцать минут, полчаса, которые быстро переключались к часу, затем ещё минут пятнадцать и, о, чудо, дверь распахнулась, с силой толкнулась в противоударник, а из дверного проёма появились двое. Грозный Филя, заметив которого я уже порадовалась, что меня от дивана не отличить, подтянула ближе ноги, надвинула на глаза козырёк, а второй мужчина — милый пузанчик в брючках на подтяжках. Он жестами извинялся, соглашался со всем предложенным и разводил руками так же как и мысленно разводила я, объясняя наличие немодного головного убора. Филя был явно чем-то недоволен, звучно басил и метал молнии взглядом. Теперь у меня не было желания возбуждаться от звука его голоса, который, как оказалось, далеко не всегда такой уравновешенный и бархатный, и руки его

уже не нежные, как в моих неозвученных фантазиях, а такие, крепкие, надёжные, если вдруг кому-то шею свернуть или по печени настучать — то, что надо. С минуту, не меньше, он грозно шипел что-то милейшему пузану. Секретарша, как и я, желала превратиться в невидимку, а сам пузанчик со всем соглашался, не смея перечить. Из всего шипения я точно расслышала только угрожающее:

— Раздавлю, как клопа. — И не было в этих словах ни повышенного тона, ни злобы, но интонация не давала возможности неправильно понять.

А после этих слов Филя, не прощаясь, удалился, не глядя в мою сторону. Да, думаю, если бы он сказал так же как и мне сегодня днём, «до скорой встречи», три человека, как минимум, икнули бы. Ещё несколько секунд после финального щелчка замка мы молчали, а потом пузанчик как-то вдруг раскраснелся, распыхтелся.

— Курить бросает он один, а нервничать должны мы все! — Сетовал он секретарше, пока та не кивнула в мою сторону.

Мужчина тут же притих, взгляделся в меня, отсканировав с ног до головы. Зуб даю, искал Филиного шпиона, но, видимо, не нашёл, успокоился, блеснул белозубой, сделанной в лучших традициях российской стоматологии улыбкой, присмотрелся ещё разок и прямо на глазах расцвёл.

Я слышала, как секретарша, которая тоже заметила все эти преобразования начальника, шепнула ему мою фамилию и он на этом успокоился — на то, на что положил глаз Демьян, позариться в городе рискнули бы не многие, по крайней мере, из тех, кто в теме, а пузан был явно из таких. Я подскочила, чтобы и далее не разыгрывать немую сцену как в мыльной опере, уверенно шагнула в сторону пузана и взгляд того потух так же быстро, как и загорелся. Я так поняла, он думал, что лишние полметра от моих ног скрывались на его чудодейственном диване, а, увидев меня в реале, значительно поостыл.

— Лариса Витальевна, — дружелюбно, никак не угрожающе начал он, — а я вас представлял себе несколько иначе.

И тут же, не боясь меня смутить, резкими жестами примерно отрихтовал в воздухе то, что ожидал увидеть и, как я поняла, показывал он мне кого-то вроде Людмилы, моей подруги, та точно пришлась бы пузану по вкусу.

— Да, я Лариса, только вас мне рекомендовали не по имени.

— Да, да, Рудольф Виниаминыч, но все зовут Рудиком, чтобы язык не ломать.

Прям не братва, а созыв творческой интеллигенции, Филипп, Рудольф, кто ещё?

— Проходите, проходите, давно хотел познакомиться с женщиной, у которой такие золотые руки.

Я показательно засмушалась, что-что, а это умею. Немножко поскромничала, выслушала дифирамбы в свою сторону, а потом приступила к делу. И здесь уже не до штучек-дрючек, я имею то, что имею, не за красивые глазки, и Рудик понял это сразу.

— Я принесла наше полное меню, но засорять мозг излишней информацией не стоит, давайте сначала разберёмся с предпочтениями, и только после этого приступим к обсуждению блюд.

— А что тут, собственно, обсуждать? Еда она и есть еда. — Пожал узкими плечиками Рудик и уставился на меня непонимающим взглядом, видимо, несмотря на статус, мужик не зажрался.

— Как я поняла из послания, вы встречаете важных гостей и, разумеется, последним ответственным звеном в этой истории будем мы, наш ресторан, но вы, как принимающая

сторона, так же должны проявить интерес.

— Я полностью полагаюсь на ваш вкус. — Поспешил ответить Рудик и немного скривился от моей дотошности, хотя я ещё даже не начала.

— Так не пойдёт. Давайте пройдемся по основным параметрам заказа. Какой повод для встречи?

Тут Рудик немного замялся, сказать ему было что, но произносить это вслух не комильфо.

— Встреча бизнес-партнёров? — Вовремя подсказала я и Рудик благодарно кивнул. — Так, значит, преимущественно будут присутствовать мужчины или встреча будет носить официальный характер?

— Ну, как, женщины тоже будут, а что, это важно?

— Конечно, ведь в таком случае нам нужно будет угодить как мужчинам, так и женщинам, а здесь присутствует разность вкусовых пристрастий. Далее, с закусками проще, сделаем больше разнообразия, думаю, мы с вами определимся быстро, что по основному блюду: мясо, рыба?

— Лучше рыба. Знаете, с этой модой на морепродукты все скоро с ума сойдут. А женщины, так и вовсе в жвачных переквалифицируются.

— Рыба, хорошо. Значит, ориентируемся на здоровый образ жизни?

— Это в смысле вареное, жаренное?

— Скорее, на пару и запечённое. — Улыбнулась я.

— Лично я люблю крылышки в медово-горчичном соусе и только попробуйте проигнорировать эту прихоть. — Шутливо пригрозил Рудольф и задумался. — Давайте, наверно, запечённое... и по равной доле всего остального.

— Разумно. Десерт?

— О, а вот с этим можете действительно пользоваться своими предпочтениями, едва ли после количества выпитого, мужчинам захочется сладкого. Так что воздействовать будем на женщин.

— Понятно, с выпивкой, кстати, тоже нужно обсудить. Я оставлю вам винную карту, подберёте себе всё...

— Нет, ничего такого. Давайте так: к мясу красное, к рыбе белое, обязателен коньяк, водочка лучших марок, с ценами можете не химичить, мне важен результат.

— Снова мой вкус?

— Ну, не зря же вы работаете тем, кем работаете. И давайте уже будем смотреть, что там получилось. Сами понимаете, как встретишь, так и жить потом будешь.

Обсуждение, вопреки ожиданиям Рудика, немного затянулось, но не сказать, что он особо огорчился. Расстались мы если и не друзьями, то наверняка хорошими знакомыми. А так же бонус: я узнала, что Филя никакой не котик, а настоящий уссурийский тигр. Вечер и ночь ничем знаменательным не запомнилась, а вот подписание договора обещало ещё разочек перебраться с Филей острыми взглядами и словечками.

Банкетный зал меня не интересовал, оказалось, что в компании есть человек, ответственный именно за эту часть мероприятия, в такие моменты хочется спросить, что же этот человек делает оставшееся время? Но, как только я увидела гламурную диву, которая из всех закусок для мужчин выбрала только бутеры с красной икрой, а вот всё остальное если не диетическое, то низкокалорийное так уж точно. Блондинка была любовницей и, по совместительству, секретарём (и никак не наоборот) финансового директора. А на мне был

выбор минеральной водички, канцелярских приборов и всякой прочей чепухи. В назначенное время большие люди закрылись в зале заседаний, куда меня почему-то не пустили, хотя я бы очень хотела посмотреть. Вышли они оттуда довольные собой и жизнью в целом, ещё долго друг друга поздравляли. Голодные как волки набросились на малочисленные бутерброды, не позавидовали на свежих, но немного не к месту устриц, проигнорировали сок сельдерея, который был заранее разлит по стаканам, но зато кто-то вспомнил о припасённой мной минералочке и жизнь стала на один глоток легче. Далее наблюдать за всем этим действием не было никакого желания. Вообще не понимаю, как я там оказалась, ведь, как только что выяснила, готовить люблю больше, чем смотреть, как поглощают пищу другие. В приёмной оказалось на удивление просторно и свежо, даже дневная жара на солнечной стороне не смазала общее впечатление. Я подошла к окну, расслабилась, а когда за спиной отчётливо привлекли внимание покашливанием, уже и не сомневалась в личности гостя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вижу, не одному мне закуска стала поперёк глотки? — Приблизился Филя, соблюдая дистанцию.

— Меня на праздник жизни никто не пригласил. — Отходя от окна, улыбнулась я, а на самом деле ликовала и готова была разрыдаться от счастья: меня снова заметили!

— Как насчёт частного празднования? — Я выжидающе и вопросительно изогнула бровь, всеми силами демонстрируя интерес, но слова «приват» немного смутило. — По пиву и в сауну? — Хитро прищурился Филя, надеясь меня смутить, но чего-то подобного я ожидала и как-то даже обрадовалась: и мне кусочек женского счастья перепадёт, хотя девкой на одну ночь быть не хочется.

— С вас пиво. — Шокировала я бедного Филю, тыкая в него указательным пальцем, но он тут же исправился, подобрался и вернул виду прежнюю твёрдость.

— На Коммунистической, в пятницу в шесть.

— Замётано.

Ещё немного посмотрев на меня напоследок, он скрылся за дверью приёмной и на последующие вопросы «куда же делся главный действующий герой?» я наиграно пожимала плечами и удивлялась. Как? Куда? Он исчез? Какое несчастье!

До пятницы оставалось ещё два дня, а погреть свои косточки на тёплых полках, или рядом с чьей-то горячей тушкой я не прочь уже сегодня. Вся в предвкушении праздника тела, направилась на работу в ресторан, дабы не наброситься на случайного прохожего. Там всё шло на удивление гладко, с сантехникой уже разобрались, оставался лишь косметический ремонт помещения, хотя обещали возиться три недели. Профессионалы! С пожаркой так вообще дня за три управились, а Гоша, как и обещал, подписал акт даже без моего участия. Я заранее обзвонила главных действующих лиц нашей кухни, раздала указания, сделала поставщикам заказ и они были приятно удивлены нашим скорым возвращением на рынок услуг.

Вроде всё шло как по маслу, но приятной усталости давно не чувствуется. Андрей дома практически не появляется и я не могу отыгаться даже на нём. Вот так и понимаешь, что кроме как работать, больше ни на что не годен. Четверг и пятница рабочего дня прошли как в кошмаре. Викторович развёл бурную деятельность: встречи, переговоры, предварительный обзвон, и усталость накатила, но не такая, как обычно, когда расслабляющая истома расходится по всему телу, руки и ноги плавно становятся ватными, веки слипаются и ты

пропадаешь в темноте. Нет, эта усталость была ужасной: язык заплетается, голова гудит так, словно в ней поселился локомотив и каждую секунду громко-громко делает «ту-ту!», на пальцах мозоли от телефонных кнопок, ноги распухли от высоких каблуков и узких туфель, спину скрутило от неизменного сидячего положения и я взвыла в буквальном смысле. Поэтому вечер пятницы для меня был не только часом икс, но и долгожданным отдыхом. Сейчас погреть косточки в тепле было бы самое то, я даже за руль сама садиться не стала, заказала такси, а обратно выклянчила бы поездку у Фили, мужчина он или не мужчина, не зависимо от того, как далеко бы не зашёл наш «разговор тет-а-тет».

Такси остановилось около одного из крупнейших культурно-развлекательных центров города — губа у Фильки не дура. Возле стойки администратора стоял сладенький мальчуган лет двадцати, он улыбнулся мне как родной, поприветствовал едва ли не с поклоном, трижды отвесил реверансы и только потом с тяжким вздохом сообщил, что Филипп Аркадьевич очень извинялся, но приехать не смог. Само собой разумеется, что он всё оплатил: и сауну, и бассейн, и массаж, но мне-то этого мало! Но так как отступить не собиралась, да и спина моя давно требовала умелых рук, благосклонно кивнула, отпуская ни в чём не повинного мальчишку. Отдельная раздевалка, закрывающаяся на ключ, отдельная парилка с привилегиями в виде фирменных сланцев, полотенец и шапочек для парной и бассейна. Телефонный звонок застал меня в дверях.

— Лариса Витальевна? — Верх эротичности в голосе этого паршивца.

— Да, Филипп Аркадьевич, я вас внимательно слушаю. — Ничуть не уступая е соблазне, пропела я в трубку, лаская её своим голосом, как готова была отдаться самому...

Ответный вздох с грустной улыбкой на губах, пропитанный тяжким грузом вины, заставил меня улыбнуться, но выдать себя я не спешила.

— Работа. — Пояснил он кратко.

— Конечно, конечно.

— Надеюсь, у меня будет шанс реабилитироваться в ваших глазах?

— Не думаю, что такое возможно.

— Я умею быть убедительным.

— Ничуть в этом не сомневаюсь, Филипп Аркадьевич.

— Тогда до встречи?

— Не уверена, что она случится.

Добрый сдавленный смех его бархатного голоса заставил меня разомлеть и прислониться спиной к холодной стене. Мало ли, трубка ещё в руках расплавиться.

— Завтра вечером заказан банкетный зал на двадцать персон, Максим Викторович в курсе. Надеюсь увидеть вас в настроении.

— По какому поводу шабаш?

— Да всё по тому же... Лариса Витальевна.

О-о, как он произносит моё имя, словно во время оргазма, с придыханием, интимным полушёпотом, так и хочется застонать в ответ: «Да, да, Филипп Аркадьевич...».

— Но меня никто не приглашал. — Вместо этого строго вещаю я и упрямо задираю подбородок, словно это может кто-то оценить.

— А я, значит, персона не уполномоченная?

— То есть это сейчас было вполне официальное заявление?

— Рад, что мы поняли друг друга. Жду.

Ждёт он, можно подумать... и номер моего телефона выведал... Ах, как хочется снова

почувствовать себя женщиной! И, махнув рукой на все предрассудки, я постаралась забыть о дне сегодняшнем, о своём разочаровании, и полностью отдаться во власть специалистов. Что там у нас по списку... горячий сухой пар, прохладный душ, умелый массажист. В сауне и бане, в отличие от всех нормальных людей, я греюсь исключительно ногами вверх, так как считаю, что все болезни спрятаны именно в ногах. Переохладился в метро — простуда, вступил в лужу — ангина, и так далее по списку. И вот сегодня, так же, улеглась спиной на полочку, ноги задрала к потолку, стесняться некого, поэтому даже от полотенца отказалась, так, грудь прикрыла, чтобы не опалить нежную кожу и расслабилась, млея от повышенной температуры помещения, изредка постанывая при смене позиции.

От бассейна я по понятным причинам отказалась: сколько раз видела, как потные распаренные мужики сразу после парной, игнорируя душ, мчатся к голубой водице и плещутся там, как малыши-голыши. Но вместо него воспользовалась услугами местного косметолога, привела кожу в божеский вид, раз уж завтра нам предстоит мероприятие, о котором меня по какой-то причине уведомить забыли. Да, понятно, не того уровня пташка, чтобы по ресторанам пировать. И в этот момент вдруг закралась мысль, глупая, но всё же... а что, если Филя решил мне каким-то образом отомстить за контракт? Но в сауне, куда мы могли бы пойти вдвоём, это сделать намного удобнее, чем в многолюдном месте отдыха. Странно всё это, странно, но жутко интересно, особенно его внимание, его жаркие взгляды и чуть припухлые губы, которые мне снятся по ночам.

Часов в одиннадцать позвонила Аллочка и уведомила, так сказать, открыла глаза, что меня, как заводатора и первого интригана закулисья, пригласили в ресторан к шапке из начальства и прочей офисной шушеры, которые мнят о себе, как о царях. Местечко выбрали для меня знакомое с вполне приличной кухней, а я, напоследок, ну, прежде чем вернуться к работе Золушки на кухне, оттянусь по полной, возможно даже напьюсь. Выбрала чёрное платье в пол с разрезом с одной стороны до середины бедра, классическим верхом и пайетками на спине. Шпильки, чтобы создать впечатление дамы, а не грудного ребёнка, парикмахер изобразил что-то шедевральное на голове, превращая мои мышинные слёзки в причёску и я была готова.

Готова-то готова, это понятно, но как мне себя вести? Что говорить? Где промолчать? Раньше таким вопросом никогда не задавалась, была собой и меня это устраивало, а вот сейчас чувствую, что стараюсь казаться лучше. Плохо, очень плохо. Понимаю, что пытаюсь произвести впечатление, только вот не уверена, что оно кому-нибудь нужно. Снова взяла такси, так как планировала вкусить дары Диониса, и снять мальчика-красавчика на ночь. Метрдотель долго и непрофессионально пытал, куда же я всё-таки направляюсь, заявляя, что у них несколько банкетных залов и каждый на это время занят, и ведь не успокоился гад, пока я свою фамилию не назвала. А что теперь толку? Настроение испорчено, а, учитывая, что уже со входа я заметила как Филя вальсирует с какой-то гримзой, так и вовсе мне оно было ни к чему. Села на место у самого края длинного стола, которое предложил официант, попыталась найти среди присутствующих знакомые лица, но поиски не увенчались успехом, а значит, оставалось только пить, раз уж бокал полон, а из закусок на столе лишь крошки.

Всё было отвратительно до тех пор, пока меня не узнал кто-то из obsługi, а там дошло до администратора, и мою кислую рожу захотели умаслить, будто я ревизия какая. Маслили упорно, но настроение портилось в геометрической прогрессии, пока я не отказалась от столь пристального внимания окончательно.

Вскоре во главе стола появились Викторovich с Аллочкой под руку, там же местился и

Филия со своей дамой, а я, как сиротинушка, наблюдала за господами из-под лавки. Обидно, чёрт их раздери! Что они там вещают? Что строили, строили и, наконец, построили? Очень современный тост, а главное, как вовремя, у меня как раз бокал наполовину пуст. К подаче основного блюда вся гоп-компания собралась у стола. Теперь тосты лились рекой, как и вино, не самое лучшее, как я вам скажу. Мужчины налегали на горячее, поддавали водочкой, краснели, развязывали галстуки и встреча плавно переходила от официальной к вполне себе дружеской. Я старалась по сторонам не глазеть, но несколько раз всё же поймала на себе взгляд Аллочки, которая давно, а, может, и никогда, не видела меня в состоянии подпития. Она что-то нашёптывала Викторовичу, а тот кивал своей багровой от алкоголя рожей и неприлично ржал с набитым ртом. В такие моменты понимаешь, что отсутствие мужа не такая уж и большая проблема. По крайней мере, в гостях позориться за этого хряка не придётся.

В сторону, где прежде видела Филю, не смотрела намерено, не интересно мне было, хотелось танцевать. Только и этому желанию сбыться было не суждено: олух ди-джей ставил исключительно медленные танцевальные композиции, напрочь забыв о простых застольных песнях, под которые можно и водочки хряпнуть и польку сбацать. Как там у Лолиты?.. «Груды загорелые выпадают из, вот такой сюрприз...», но как только что-то смутно походящее на танцевальный хит восьмидесятых начало набирать первые аккорды, а я выдвинула пусть и не длинную, но ровную ножку, которая очень удачно вынырнула не только из-под скатерти, но и из разреза платья, путь преградило тело. Судя по наличию костюма и галстука, мужское. Здравствуй тело... Я подняла глаза, дабы поприветствовать желающего зазнакомиться, но как только увидела известную мне личность, губы вытянулись в расстроенную пьяную трубочку, а тяжеленный углекислый газ со свистом покинул лёгкие.

— Ну, здравствуй, друг ты мой прекрасный, чего ты хмур, как день...

— Хватит, хватит, я не сомневаюсь в твоих познаниях русской поэзии. Что хочешь? — Резко перебила, задвигая ноги на ходулях обратно.

Давний знакомый Русик, а если быть точной, то познакомились мы на каких-то курсах повышения кулинарного мастерства сразу после окончания училища, всю сознательную жизнь был для меня бельмом на глазу.

— Давно не виделись. — Не обращая внимания на явное нежелание общаться, Русик подсел к столу и уставился своими голубыми очами, источающими все чувства на свете разом.

— И тот факт, что увиделись, не осчастливил меня. Давай, топай, не хочу портить настроение.

— А оно у тебя ещё осталось?

— Ты в этом сомневаешься?

— А мне показалось, будто только что ты собиралась уходить. Нет?

— Нет. — Скривилась я. — Я здесь, как видишь, не одна.

— Да-а? — Издевательски потянул этот гад и так же показательно осмотрел пустующий стол. — И кто рискнул посягнуть на твою честь в этот раз?

— Что значит посягнуть? И что значит на это раз? Она у меня одна. Была. И её давно нет, так что и обсуждать нечего.

— Ну, мне же интересно, ну, Ларочка, ну, солнышко. — Канючил тридцатипятилетний детина, видом напоминающий Алёшу Поповича.

— Я здесь с мужчиной. — Стараясь не запутаться в сочетании шипящих и звонких

звуков, я усиленно изображала трезвую.

— И где он, этот несчастный?

— Там.

Невнятно и, скажем честно, весьма размазано махнула рукой в сторону. Наверно хотела попасть в танцующих, но проследила за долгим взглядом Русика и отметила на другом конце стола, куда и указывала моя пьяная ручонка, Викторovichа и Филю.

— Судя по тому, что рядом с первым сидит белокурая краля, против которой твой характер-танк не попрёт, то второй?

— Второй. — Уверенно кивнула я, надеясь, что Русик тут же испугается и исчезнет с горизонта.

— А что же он так далеко сидит? Да и компашка подобралась странная. Офисники, что ли?

— Что ли. — Удручённо кивнула, желая быстрее закончить бессмысленный разговор.

— А ты здесь каким боком?

— Говорю же, с мужчиной. — Увереннее кивнула я, да так, что пышная горка салата, которую недавно поднесли, мелькнула прямо перед объёмной чёлкой.

— А почему сидите не вместе? — Не унимался этот... этот, не буду выражаться кто.

— Да потому что он наказан! — Выкрикнула я и повторила пируэт рядом с салатом.

— А если учесть, что на галёрке сидишь ты, то ты и наказана. Га-га-га. — Заржал гусь лапчатый.

— Слушай Русик, мы, конечно, гхм-гхм, друзья, но наглеть тебе ещё никто не позволял. Ты же меня знаешь.

— Знаю, знаю, — махнул он на меня рукой, вытащил из салата веточку зеленушки и всунул её между зубов, — и про мужиков твоих знаю, и про возможности. Не понимаю просто, Ларка, неужто ты, самая принципиальная из всех, продалась за место шефа и за пару десятков акций?

— Ну-у, дорогой, их там не пара, а сорок девять. И продаваться больше по тебе, так что, уволь.

— И уволил бы! — Наконец, оскалился Русик и я его полюбила с новой силой. Терпеть не могу непрофессиональную игру.

— Да ладно тебе, чего так нервничать? — Чувствуя своё негласное превосходство, я свободно откинулась на спинку стула, который в один миг стал удобным, закинула ногу на ногу, не обращая внимания на то, что пришлось немного отодвинуться и слащаво улыбнулась. — Всё равно против меня не попрёшь, а нервничать тебе вредно, морщинки будут.

— Они у меня и так есть, и всё из-за тебя. Вышла бы замуж, нарожала бы себе сопляков-спиногрызов и слилась бы с горизонта. Ты мне дышать не даёшь, Читаева!

— И не тебе одному. Таких как ты, Русик, много, а я в своём роде одна. Так что давай, не будем ссориться при народе, иди к своему прилавку, ты ведь всё ещё здесь? — Махнула в сторону кухни, а Русик оскалился.

— Нет, Ларочка, уже не здесь.

— Ну и удачи тогда, дорогой.

Понимая, что ничего больше добиться не сможет, Русик добровольно отчалил, позволяя мне вспомнить некоторые события прошлой жизни. А вспомнить есть что. Русик всегда был амбициозным и пробивным, про таких говорят без мыла в ж... пролезут, и если на его

стороне всегда была удача, то на моей стороне талант, который никакой удачей не перебить. Вот и скрецивались наши клинки за право быть лучшим не единожды, а апофигеем этой битвы титанов стало моё лидерство, а Русик так и остался на вторых ролях. С тех пор стараемся не видеться, не пересекаемся и всячески минимизируем возможности встреч. А вот сегодня Русик осмелел, сам подкатил, думал если я подшофе, то и соображать перестану, слабость свою проявлю, а о том, что она есть, Русик, один из немногих, знал всегда. С того самого раза, как мы с ним расстались. Да, да, я же говорила, что питаю страсть к крупногабаритным мальчикам? Так вот и от Русика отказаться не смогла, когда он предложил «отношения». Разве я тогда могла предположить, что эти его отношения будут исключительно для отправки меня в нокаут? Нет, конечно. Вот и разрыдалась, когда увидела его с молоденькой красавицей-официанткой, истерику пыталась закатить, скандал устроить, но завершилось всё лишь тем, что меня обозвали курицей (причем суповой), линули в лицо водицы, чтобы остыла, а в завершение миниатюры «А очи здесь мокры», была выдворена за пределы совместно нажитой квартиры, вместе с несовершеннолетним сыном, который и оказался тем самым спиногрызом, о котором с такой любовью Русик вспомнил сегодня. Билась я не об заклад, конечно, о металлическую дверь, но тщетно, в итоге выяснила (в отделении милиции), что квартира является собственностью исключительно Русика, а прописана я там с его великого соизволения. Сын был прописан у моей мамы и это сыграло решающую роль: я осталась на улице. С тех пор точно знаю, что мои любимые габариты сволочи, как и их хозяева, но от случайного секса, как, например, с красавцем Филей, который отчего-то сейчас так на меня уставился, не откажусь. А... насчёт уставился... я ковырялась личной вилкой в общественной салатнице, выковыривая из общей массы креветки. Стыдно, но не настолько, чтобы краснеть, Филе я помахала ручкой, похлопала ресничкой и, заметив крупную креветинку, отвлеклась на излюбленный деликатес.

Понемногу достопочтенная публика стала прибывать за наш столик и с новыми усилиями сметать то, что принесли официанты, пошёл в ход и ограбленный мною на креветки, салат, надеюсь, завтра на собрании Филипп Аркадьевич не раскроет мою тайну своему коллективу? Завтра мне точно будет стыдно.

После небольшого перекуса, когда ритмы музыки стали приглашающими и вызывающими из-за стола, народ повалил обратно, и я снова осталась наедине с салатом, из которого розовым хвостиком махала... или уже не махала, свежеевыкопанная креветка, но что-то меня отвлекло. И это что-то, как оказалось, неизменная тройца во главе стола. Аллочка о чём-то загадочно хихикала, Викторovich сначала посмотрел на меня, затем на Филю и после этого что-то тому шепнул. Филя уставился на Викторovichа как на нездорового на голову человека, негромко прокряхтел что-то в ответ, но из-за стола всё же поднялся. И, извиняюсь за продолжение столь занимательной санта-барбары в моём исполнении, но подошёл вышеуказанный Филя ко мне, подошёл со спины, можно даже сказать, подкрался, поэтому в том, что я ткнула его вилкой в бок, нет ничего удивительного.

— Я всего лишь хотел пригласить даму на танец. — Вымученно крикнул он мне на ухо, на интимный шёпот, который так нравится мне в Филином исполнении не походило точно, но я согласилась.

— Раз вы так настаиваете...

И потащила пока ещё скрюченного после серьёзной травмы в виде вилочного прокола пиджака, болезного, в самый центр импровизированной танцплощадки. Песня была замечательная, одна из моих любимых, но кислая рожа Филя не давала покоя, поэтому,

стараясь углубиться в смысл слов, я улыбалась и слушала, слушала и улыбалась.

Помню рыжую осень у моря,

У подножия диких вершин.

Познакомился я с Ханумою,

И покоя себя лишил.

Осень стелет в ущельях туман,

Ханума ты моя, Ханума.

Боже мой, я схожу с ума.

Полюбил я тебя, Ханума.

Ты — мой опиумный дурман,

Я с тобой без вина пьян.

Свет ты мой и моя тьма,

Ханума ты моя, Ханума.

Я напевала знакомые слова, стараясь уложиться в мотив и поспеть за мелодией, прижималась сухонькой грудью к широкой мужской груди, к рёбрам, которые давно уже не прощупывались ввиду хорошего питания, к поджатому животику, который маскировался под продолжение груди. Мне даже в какой-то момент показалось, что Филя отвечает мне и прижимается в ответ, но, подняв взгляд выше (а с нашей разницей в росте примерно сантиметров десять, я ведь на шпильках, это не так уж и трудно), столкнулась с вымученной улыбкой, силой выдавленной из себя и меня словно окатили водой. Ледяной. И кусочки льда больно поцарапали самолюбие. Теперь всё было ясно: именно Викторovich попросил Филю потанцевать со мной, именно обо мне Филя что-то пропыхтел тому в ответ с недовольной физиономией, и именно поэтому смеялась крыса Аллочка, но ей-то я устрою райскую жизнь. Только вот сейчас не до этого, главное не расплакаться.

Мы встречались с тобой на закате,

Целовались за камнями.

Я дарил тебе лучшие платья,

Осыпал твои персты перстнями.

А потом, когда сошел туман,

Ты ко мне приходила сама.

Убегала из дома в ночь

От своих отца-матери прочь.

Весь второй куплет я старалась отгородиться от навязчивых мыслей, не наталкиваться на смешливые взгляды, не вспоминать, как нагло и, как выяснилось, беспричинно, я прижималась к этому интригану. А ещё я представляла себя в роли этой самой Ханумы из песни Гарина, и так мне было легче, только выдержки хватило ненадолго, я снова подняла робкий (робкий... в моём исполнении робкий, наверно, напоминал взгляд терминатора, обещающего, что он вернётся) взгляд на Филю, увидела всё ту же улыбку, которая казалась мне ещё более наигранной чем прежде, и пришлось сдаться. Я сбросила со своей талии его ручищи, показательно отступила назад, хотела, было, скрестить руки на груди, но что-то меня остановило, точнее не что-то, а кто-то. Русик не заставил себя долго ждать.

— Разрешите похитить вашу даму на пару танцев, — нараспев выговаривал он и уже потянул руки, как вдруг Филя уверенным захватом спрятал меня за свою спину.

— Дама не танцует. — Хрипло пробасил он.

— Ух, ты, а мне всегда казалось, что Ларочка отвечала за себя сама. Или стервам слова не давали? — Изогнул Русик свою красивую бровь, но судя по тому, как хрустнули кулаки Филя, я поняла, что он этими бровями сильно рискует.

— Это когда рядом с Ларисой такое чмо, как ты, она вынуждена отвечать за себя сама, а когда рядом я, разбираться с такими козлами, как ты, буду тоже я.

Без комментариев.

Русик изобразил что-то невообразимое глазами и испарился, не желая продолжать конфликт, а я, и не думая ожидать продолжения банкета, решительно направилась в сторону выхода, захватив по пути сумочку.

— Можно узнать, куда это ты собралась? — Догнал меня Филя и, чего уж там скрывать, недовольно и грубо развернул лицом к себе.

— Я устала. Хочу домой.

— Я тебя отвезу.

И ведь не возразишь! Филя шёл впереди, я не спеша шагала следом, в этот момент пожалела, что не курю, небольшой перекур был бы как раз кстати. Как истинный джентльмен он открыл и закрыл за мной дверцу авто, сам сел за руль и, не спрашивая адрес прописки и адреса проживания, двинулся с места, но мой мозг был слишком сильно отравлен алкоголем, чтобы хоть как-то реагировать.

— Вот, скажите, Филипп Аркадьевич, а почему вы ко мне так благосклонны?

— А почему нет? — Спустя пару секунд раздумий ответил он, недоумённо пожимая плечами.

— Ну, думаю не секрет, что я первая взбунтовалась по поводу невыгодного для нашей

компании контракта, убедила, так сказать, Викторовича, надавила. А вы танцуете меня, домой отвозите или это такой продуманный план? — Наконец, задала вопрос, который не давал спокойно спать по ночам. Нет, не подумайте, в здравом уме и трезвой памяти я не стала бы так откровенно нарываться, но сегодня же море по колено!

— Конечно, план, — вкрадчиво начал Филя и от его тихого голоса я сразу же подобралась, — вот я сейчас отвезу тебя в неизвестном направлении и буду долго и жестоко мстить. Как такой вариант, устроит?

— Нет. И вообще, почему мы на «ты», кажется, вы обнаглели, Филипп Аркадьевич.

— Ну, после того как мы чуть было не разделили одну парную на двоих и оттанцевали полтанца, я, как честный человек, просто обязан, — рассмеялся он, — так что предлагаю присоединяться.

— Ни за что. Как вы сами заметили, парную мы с вами так и не разделили, а полтанца и вовсе не считаются.

— Что же ты такая злая? Не нравлюсь?

— Что вы, очень нравитесь, — я постаралась добавить в голос побольше сарказма, чтобы громкий всхлип не спугнул потенциального любовника.

— Это хорошо. Какой подъезд?

— Где? — Неловко заворочалась я.

— У тебя, говорю, какой подъезд?

— А-а, четвёртый, но это с другой стороны, так мы не проедем.

Я начала пристально всматриваться в пейзаж за окном, пытаюсь определить, где точно мы находимся, но с косого глаза получалось не очень, и только лишь когда машина остановилась и двигатель был заглушён, увидела родной подъезд, с не менее родной лавочкой и клумбой, которую, под чутким руководством домоуправления, высаживала собственными ручками. Опомнилась, когда Филя потянул меня за эти самые ручки, помогая выбраться, а я, самым наглым образом воспользовалась ситуацией, притворилась гораздо более пьяной, чем являлась на самом деле, и повисла на могучей шее с приятным мужским ароматом. Вот, знаете, мужские духи бывают разными: пряными, даже сладкими, а этот резкий, грубый, обдирающий рецепторы изнутри, из самого аромата сочится сила ничуть не меньшая, чем у его обладателя. И я прибалдела, закатила глазки, блаженно улыбнулась, стараясь прилепиться пиявочными губами к этой самой шее, пока меня самым грубым способом, буквально не оттащили от неё, стараясь поставить на обе ноженьки, которые, то и дело, пытались соскользнуть с каблука. Разглядев напротив себя слишком трезвый и решительный взгляд, я отступила и даже поймала равновесие. Кто его знает, этого Филю, может, он человек старой закалки и до свадьбы ни-ни.

— Х-м. Хи-хи. Ха-ха, ха-ха-ха. — Тут же озвучила я свои мысли, но от дальнейшего музыкального сопровождения отказалась, посчитав его неуместным.

— Мне нужно возвращаться, меня ждут. — Пояснил Филя и я презрительно фыркнула.

— Это хорошо. — Сказанула, скрывая обиду, скрестила руки на груди и отвернулась, потому что пьяные слёзки это вам не шутки, они не подвластны разуму.

— Что хорошо?

Остановился Филя напротив капота, прекратив стремительное движение к водительской дверце.

— Что не все мужчины такие трудоголики как вы, Филипп Аркадьевич.

— Да что ты... Ты сейчас кого-то конкретного имеешь в виду?

— А это сейчас вы так ревнуете, да?

— Ревную. И проверять насколько я страшен в своей ревности не советую. — Рыкнул он, хотя я и не поняла подобного тона.

— Да бросьте, конечно же, никого конкретного я в виду не имею. Так, мечтаю, мечтаю... А, знаете, что?

— Что?

— Хорошо, что всё закончилось именно так.

— Как так?

— Никак. Так будет лучше.

— Ты сейчас о чём? Ты сама с собой говоришь, что ли?

— Ага, а вы призрак отца Гамлета.

— Какого ещё Гамлета?

— Классика, Филипп Аркадьевич, классика.

Он стоял, набычившись, и мысленно убивал меня всеми известными ему способами, а, судя по взгляду, знает он их немало, и мне нравился этот взгляд... и эти желваки на скулах, и блеск в глазах, жаждущих крови и зрелища. И я рискнула, снова приблизилась, провела указательным пальцем по щеке — он не шевельнулся, по губам, намеренно задевая внутреннюю поверхность нижней — он взглядом не повёл. Провела по груди, по животу, зацепилась ногтем за брючный ремень и была поймана вражескими ручищами и снова отвергнута.

— До двери проводить? — Вместо страстного поцелуя услышала в ответ.

— Спокойной ночи... Филипп Аркадьевич. — Выдохнула я, стяхнула его руку со своего запястья как самую отвратительную букашку и, не дожидаясь ответа, вошла в подъезд. И сегодня всё было на моей стороне: даже чип от двери нашёлся в привычно бездонной сумочке мгновенно.

— Импотент несчастный. — Буркнула в закрытую дверь, послушала шелест шин отъезжающей машины и своим ходом поплелась вверх.

Глава 6

Выходные провела в работе. Через восемь дней у нас важное мероприятие, а я вся в расстроенных чувствах. Аллочка не явилась и вместо того, чтобы добить её своим тяжёлым, неподъёмным настроением, я позавидовала девушке чёрной завистью: она-то просыпается в объятиях мужчины, а не как я, в объятиях похмельного синдрома.

Итак. Я работала, работала, а Филя всё не звонил. Не позвонил он и в понедельник когда я снова пришла на работу в офис, на этот раз для того, чтобы написать заявление об уходе. Будем считать, испытательный срок я прошла, но от столь выгодной диспозиции решила отказаться, такой расклад для меня наиболее приемлем. Но в приёмной место обычного сухого буднично-рабочего «Здрасти» встретила восторженный вопль Аллочки, сухонький (видимо, чтобы любовница не приревновала) букетик Викторовича и благодарственную улыбку Гоши.

— Ну, вот, такой момент испортили. А я хотела шокировать Максима Викторовича сообщением о скором отбытии. У вас хорошо, но в ресторане лучше. Ведь, кака я поняла, Аллочка оказалась трепушкой. — Глянула я на вмиг примолкшую красотку.

— Лариса Витальевна, ну, не могла я Максюше врать. — Она натурально надула губки, так, словно выпрашивает новый браслетик вон с те-е-ми камушками.

— Надеюсь, несмотря на раскрытые явки, наше с тобой, Гоша, соглашение остаётся в силе?

— О чём речь! — Bravo отозвался тот, но тут же примолк, понимая, что лимит доброго расположения духа в этом месяце я исчерпала.

— Лариса Витальевна, там сегодня заморозку привезут. Вы помните?

— Я-то помню. А помнишь ли ты, о, чудное создание, что в этом месяце претендовала на два оклада?

— Лариса Викторовна, я как раз хотела...

— Хотите, Алла Васильевна, вы будете в постели дома либо после того, как я увижу на своём столе ваше заявление об уходе и его подпишу. Разумеется, если на тот момент у меня к вам не будет никаких претензий. Вы меня хорошо поняли?

— Но продукты питания...

— Если в течении минуты вы не отправитесь исполнять свои прямые обязанности, нужную статью трудового кодекса я знаю наизусть и по номеру.

— Лариса Витальевна. — Викторович укоризненно посмотрел, в ответ я посмотрела не менее требовательно.

— А вас, Максим Викторович, я попросила бы не вмешиваться.

— Тогда, может, и вы приступите к своим прямым обязанностям? — Он повысил тон, покрылся красными пятнами, но увы и ах.

— Я увольняюсь.

— А как же положенные две недели отработки?

— В отличии от вас, я в совершенстве владею информацией по трудовому кодексу и минуту назад об этом упоминала. Для вас отдельно скажу ещё: я находилась на испытательном сроке, а значит, предупредить нанимателя об уходе обязана как минимум за

три дня, что я и сделала в четверг в отделе кадров. Заявление написано мной и подписано начальником отдела кадров в двух экземплярах. Расчёт я хочу увидеть уже сегодня и не советую медлить. В память о нашей дружбе, — на последнем слове сделала намеренное ударение, сегодняшней день меня расстраивает, — нашла для вас замечательного профессионального секретаря, которого уже сегодня введу в курс дела, тратя своё личное время. Надеюсь, вы меня услышали?

— Стерва. — Беззлобно отозвался Викторovich и покосился на Гошку. — Как ты с ней договаривался, небось, три шкуры содрала? — Это уже брату.

— Не без этого. — Ответила я, влезая в разговор. — А сейчас заканчивайте этот балаган и освободите помещение.

— Мне кажется, я уже начинаю радоваться вашему уходу.

— Сплюньте, Максим Викторovich, я ведь могу и передумать. — Едкая улыбка заставляет Викторovichа задуматься.

И что бы вы думали? Сплюнул! Ещё никогда меня так не оскорбляли.

Всякое было: и за дверь выталкивали силком (я никак не соглашалась с номенклатурой, утверждая, что борщ может быть и из капусты, главное, чтобы ложка стояла), было и такое, что начальство предпочитало сделать вид, что никого нет дома. В институте сколько раз мне на дверь указывали, призывая сменить специализацию на что-нибудь юридическое, но чтобы вот так, как от чёрта, со мной это впервые, а всё Филя виноват, гад! Кстати, он не позвонил и в среду, не позвонил и в четверг, а вот в пятницу мне было не до звонков, приехал Лёня со своим главбухом и давай меня строить. Едва появилась на пороге ресторана, как из холла услышала вопль раненного бабуина.

— Чего тебе надобно, старче?

Я вошла в кабинет под ужасающим молчанием Лёнчика, Люда сидела в углу и усердно делала вид, что её здесь не стояло, я же, не взирая на все стоп сигналы, шла напролом к законному месту напротив главного акционера.

— Явилась?! — Снова взревел Лёня и теперь я поняла, почему он ассоциировался у меня с бабуином: видок с перекошенной от злости физиономией, плюс загар, равно бабуин.

— Лёня, ну, вот чего ты кричишь? — Спокойно поинтересовалась я, оценивая длину своих ногтей. Да-а, распустилась, теперь под ними можно вынести стратегический запас нашей кухни, срочно к маникюру!

— Ты на меня смотри, Читаева. Ты видела наши убытки? Ты видела отзывы на форуме о беспределе?

— А ты видел отремонтированные туалетные комнаты, до которых у тебя руки не дойдут уже полтора года? Ты видел в акте сдачи-приёма работ то, что трубы мы поменяли, пока сан станция не погнала нас поганой метлой? Ты видел, что у нас на два месяца вперёд расписаны заказы, которые с лихвой покроют расходы не только этого, но и следующего месяцев с добавочным процентом?

— С каких пор ты у нас переквалифицировалась в бухгалтера?

— И не думала даже. Это Люда мне сметы и варианты реабилитации рассчитала.

Лёня уставился на жену, а та невозмутимо так, волосы назад откинула.

— Нет, ну, а что ты мне прикажешь делать? Ты день и ночь на пляже, одну на экскурсии не отпускаешь. Конечно, я созванивалась с Ларой и с удовольствием ей помогла.

— А какого чёрта я узнаю об этом последним?!

— Разумный вопрос. Может, оттого, что ты ни черта не работаешь, а только снимаешь

сливки?

Такого выражения лица я у Лёни не видела уже давно. Да, бесспорно, он талантливый управляющий и всё держится на его могучих плечах, а с моим характером только гвозди на стройке выравнять, но не сдержалась, задела за живое.

— А ещё, — стараясь сгладить конфликт, вспомнила я, — я подружилась с нашим пожарным инспектором.

— Ты? Подружилась? — Лёнчик с недоверием покосился на меня и сел на место, с которого вскочил, когда я вошла. — С усачом?

— Усы в прошлом. Он их сбрил и следом отправил свой дрянной характер, оказался классным мужиком и теперь, как мой вечный должник, обязался нести верность до конца своей службы в пожарной инспекции.

— Чудненко, — хохотнул Лёня, устроил ладони на подлокотниках кресла, — и что, действительно всё это сделала?

— И не только, — самодовольно откинулась на стуле я, — ещё я устроила Аллочкину личную жизнь и теперь она задолбёт тебя отпрашиваться.

— Я знал, что всё идеально не бывает. А теперь скажи мне, любимая Лариса, когда из бессрочного отпуска выйдут наши повара? В воскресенье ужин.

— Завтра и выйдут на неполный рабочий день, а во вторник я планирую открытие. Кстати, именно на вторник заказаны все столики. Что скажешь? — Премиленько заулыбалась. — Я молодец? Ты продашь мне один процент акций? Мы станем равноправными владельцами? Ты клянёшься до конца года найти мне мужа? — Сыпала я вопросами под скептический взгляд любимого начальника.

— Иногда мне кажется, что проще сделать тебя равноправным компаньоном, чем выдать замуж. Хотя... я не удивился бы, если бы ты за это время влюбилась.

Лёня взялся обеими руками за голову, взлохматил волосы.

— Люда, — жалобно начал подвывать он, — Люда! О чём я думал, когда ты уговаривала меня взять на работу твою подругу?

— А теперь-то что? — Наконец, отозвалась Люда, которая до этого сидела с ехидной ухмылочкой. А всё дело в том, что муж запрещал ей заводить котёнка, оттого она и любит, когда его самого (Лёню), с таким азартом толкают в «дела».

— А теперь я думаю, что в этот раз устроит Демьян.

— Ничего не устроит. — Уверенно заявила я. — У него жена приехала на днях.

— Когда она ему мешала?

— Как раз в такие моменты, когда приезжала неожиданно. Он попался и теперь будет вести себя, как мышь, ближайшие месяца два.

— А это ты когда успела узнать?

— Пока вы свои косточки на солнышке грели, Леонид Михайлович. А вообще, когда принимала заказ у Рудольфа Виниаминыча, слышала его разговор по телефону.

— Тогда хорошо, жить можно. — Выдохнул Лёня, жестом указал жене налить ему коньяка.

Но как только дверца бара была раскрыта, сразу понял, что кто-то трогал его любимую бутылку и пил из его коллекционного бокала, хотя по мне, так нет в нём ничего особенного (что в бокале, что в напитке). Посмотрел на меня с укором, но потом махнул рукой, сделал несколько крупных глотков.

— И когда я уже не буду ощущать на себе твои косяки, Лариса Читаева?

— Хочется сказать, что когда будешь лежать в белых тапках, но чутьё мне подсказывает, что тапок не будет. Туфли. Лакированные. Хочешь, помогу выбрать? — Издевательски прищурилась я, ожидая, пока до него дойдёт.

— Вот коза. Пожалела бы мои седины.

— Но, но, но, но! Поаккуратнее с выражениями, ты всего на пару лет меня старше. А я ещё молода и прекрасна.

— Своему будущему мужу это расскажешь. А теперь иди. Иди, с глаз долой.

— И я тебя люблю.

Не успела подняться со стула, как на весь кабинет прогремел звонок, именно моего телефона. Да, музыкальные вкусы оставляют желать лучшего, но меняться я не намерена. Номер неизвестный, в душе тут же зародился лучик надежды, ведь номер Фили я не сохранила, и, со сладкой улыбочкой и томным голоском, который только ради него я готова поискать на задворках своей души, ответила.

— Лариса Читаева у телефона. — Лёня обалдел от сладенького голоска, но высказаться я ему не дала, поэтому все эмоции выразил взглядом.

— Добрый день. — Тут же поприветствовал меня сухой старческий голос на другом конце трубки. Настроение на ноль, улыбку прочь, томный голос — подожди до лучших времён.

— Я вас слушаю. Представьтесь, пожалуйста.

— Я директор спортивной юношеской школы Сергей Владимирович. Сейчас в моём кабинете сидит молодой человек, ваш сын, и нам предстоит серьёзный разговор. И, так как он несовершеннолетний, ваше присутствие я считаю обязательным.

— Да? И что такого могло случиться? Моему мальчику нужно подтянуть штанишки? Так, утром вроде справлялся сам. Или помощь нужна непосредственно вам?

— Что вы себе позволяете?! Да они тут всё разгромили! А вы смеете иронизировать?! Учтите, я могу и полицию вызвать, для того, чтобы зафиксировать всё документально.

— Я не понимаю, чего вы хотите от меня? Если он что-то сломал, выпишите счёт, Андрюша пополнит благотворительный фонд.

— Вы меня слышите?

— А вы меня? Я вам в который раз говорю, разбирайтесь сами! Андрей взрослый и самостоятельный человек, способный решить любую проблему. Дайте ему трубку.

— В общем так, Лариса Витальевна, или вы забираете сына из школы, или из отделения полиции. В любом случае, у вас всего час. Всего доброго.

Ответить я не успела — псих бросил трубку. Который раз названивает мне, требует чего-то. То боксерскую грушу они размолотили и из неё посыпался песок, то казённые перчатки изгрызли, то травушку-муравушку вытоптали у крыльца. Мне всё время кажется, что этот директор просто жаждет со мной познакомиться, пообщаться, так сказать, в дружеской неформальной атмосфере.

Всё дело в том, что Андрей мой сам записался в эти спортивные секции, обманным путём выудив мои подписи в согласии на тренировки. Знает ведь, жук, что я не читаю писульки его классного руководителя и готова подписаться под чем угодно, только бы не дёргали. Хотите жалюзи во всех кабинетах — пожалуйста. Кондиционеры? Да не вопрос! И дело не в том, что я не интересуюсь жизнью сына, всё, что мне нужно, а именно: что Андрюша не пьёт, не курит, презервативами пользуется и ни на какие компромиссы не идёт, слабого не обидит, а сильного готов в любой момент вызвать на серьёзный поединок. За

свои косяки расплачивается собственными средствами, а всё, что касается школьных занятий, знает на отлично. И дело здесь не столько в воспитании, сколько во взаимном доверии и принятии самостоятельности другого. Он знает, чего хочет от жизни и как этого добиться, я знаю, как помочь ему и что в моих силах повлиять на его решение, всё остальное — проблемы повседневные и решаемые. Мухи отдельно, котлеты отдельно — принцип нашей с ним небольшой семьи.

— Что там случилось?

— Опять в спортивную секцию вызывают, что-то Андрей накуролесил.

— С тобой съездить? — Нехотя подал голос Лёня, но я сегодня добрая, отказалась.

— Сама, всё сама. Вдруг моя судьба решиться, а тут ты, свидетель. Я, если ты помнишь, при свидетелях не люблю.

— Тогда езжай, я здесь всё проконтролирую.

— Ох, и что бы я без тебя делала?.. Контролёр.

Так как в этой школе я никогда не была, и адрес здания, которое находится во дворах помнила смутно, пришлось покрутиться. Немного потасканный фасад, трава... смотри ты, действительно вытоптанная, толстенный вахтёр, курящий на входе. Несколько автомобилей элит-класса на стоянке. Интересно, какой из них директорский? Попробовать себя в догадках мне не дали, настороженный взгляд вахтёра, который даже пепел стряхнуть забыл, так бдел на рабочем месте, завидев злостного нарушителя границ, то бишь меня.

— Здравствуйте! — Громко поздоровалась я, опасаясь, что вахтёр может оказаться глухим.

— Добрый день. — Совершенно спокойно, в нормальной тональности отозвался тот и мне сразу стало легче.

— Меня вызвал директор вашей конторы на свидание. Куда пройти?

— На свидание? Х-м, ну, ну. А который из нарушителей ваш?

— А что, их несколько?

— Двое. — Пожал плечами вахтёр, а я задумалась.

— Мой тот, который выше.

— Андрюха, что ли? Хороший малец. А что же отец не приехал? Батяка у парня кремень, оно сразу видно. За первым так сразу отец явился, с полчаса уже брюки просиживает, только вас и ждут.

— А что же вы тогда меня допрашиваете, если, как говорите, ждут?

— Интересно стало, что такая мадама в нашем захолустье делает.

— За мадаму, конечно, спасибо, но куда всё же пройти, раз уж меня ждут?

— А прямо по коридору до самого конца, там и кабинет директора. Все там собрались, шумят что-то, может, вы их успокоите. При даме-то, вроде как неприлично ругню разводить.

— Это да, это вы правы. Спасибо.

Батя кремень, ага, и вы этого кремня только что воочию видели, дяденька вахтёр.

Стараясь не всматриваться в многочисленные настенные фотографии, я, цокая каблуками, которые даже меня в оглушающей тишине раздражали, уверенно шагала навстречу неизвестности. Кубки, почётные грамоты с золотым теснением, многие из которых мой Андрей и добыл, украшали длинный коридор, и, по совместительству, комнату славы. На соревнованиях я бывала частенько, когда график позволял, а вот так, в закулисы побываю впервые. По шуму, доносящемуся из-за директорской двери, я и так поняла, где меня ожидали. Кричал при этом только сам директор, его противный голос я узнала сразу,

поэтому эффект неожиданности решила не откладывать и шибанула дверь со всей силы, да так, что та от стены отлетела, открываясь, и едва не пришибла ещё и меня на обратном ходу. В воцарившейся тишине я видела лишь одно противное лицо и была уверена, что не ошиблась.

— Ну, это вам пустышку в слюнявый ротик заложить надобно? Или там что-то про подтягивание ползунков было, вы как-то не вдавались в подробности?

Пока ошарашенный директор смотрел на меня как на новые ворота, прошла вглубь кабинета, уселась на его стол и, не отпуская взгляда, продолжила.

— Ну, не молчите, только что так ярко распинались. А теперь-то чего? Какули в подгузник закатились? Так я их быстро вытрясу, не бойсь.

— Вы... вы кто такая? Я вас не вызывал. — Отходя от моей нескромной наглости просвистел он сорванной от крика глоткой.

— Как раз меня вы и вызывали. Вон, мой оболтус сидит.

Глянула на сына. Скривилась, оценивая багровеющий синяк под левым глазом, разбитую губу и ещё один синяк, на скуле, плавно переходящий в тот, о котором упомянула ранее.

— Мам, ну, мы бы и сами договорились. — Вякнул, было, мой архаровец и я умилилась: весь в мать.

— Слышала я, как вы тут договаривались. Вон, хрустальные кубки только-только успокоились от децибел. Только вот до сих пор не поняла, кому нужна скорая помощь? Как вас? — Это я уже обратилась к директору, и неуважение или его отсутствие тут ни при чём — правда, запомнила.

— Сергей Владимирович.

— Да, Сергей Владимирович. Вы так давно добивались аудиенции и теперь так неприлично долго молчите, что я начинаю подумывать, а не контузия ли у вас. А? Нет? Вы кивните хотя бы. — В растерянности развела руками.

— Это у вас контузия, причём на всю голову! Что вы здесь несёте?

— Пока бред, исключительно словесный, но могу и яйца, если продолжите так же кричать.

— Да я вас, да я... — Продолжал свистеть директор, пока я вежливо, смилостивившись над болезненным, не протянула ему полный стакан воды.

— Спасибо. — Отдышавшись от первого глотка вздох, вспомнил он.

— Ну, и кто тебя так отделал? — Глянула весёлыми глазами на сына, хоть и больно за него, но и тот факт, что не сопляк, меня радует. — Этот что ли, малахольный? — Перевела взгляд на тощего мальчика в другом углу кабинета, он, так же, как и мой, стоял, опустивши буйну головушку, вряд ли от стыда, скорее, от комичности ситуации. Два крепких бугая, мой, правда, покрепче, и не могут разрешить спор! И только внимательно оглядев мальчугана и не обнаружив на теле значительных повреждений, узрела папашу за его спиной. Даже искренне удивиться не получилось. Завидев Филиппа Аркадьевича, смотрела так, словно всегда знала, что у него жена и стая ребятишек.

— Этот. — Отозвался Андрей и отвлек моё внимание от многословного взгляда Фили.

— Чего дрались-то, ребята? — Пользуясь временным тайм-аутом в виде передышки от директорского крика, продолжила я.

— Девушку они не поделили. — Отозвался директор и плюхнулся на своё кресло. Сначала хотел согнать меня со стола, но потом махнул рукой, позволяя оставаться

неподвижной.

— Так это же хорошо!

— Что хорошего?

— Хорошо, что не мальчика. Знаете, какой случился бы конфуз? Только вот одного не пойму, где та, кого вы так усердно делили?

— У неё парень оказался. — Буркнул мой Андрей и опустил голову ещё ниже.

— Ну и лопухи-и! Кто же так поступает? Нужно было собраться вместе и отметить того парня.

— Так он же их и разнимал! — Вклинился директор.

— Клоуны. Ну, с вами понятно, а меня зачем звали?

— Так, определиться с материальным ущербом. — Цокнул языком директор, вскочил с места и едва ли не за руку поволок меня следом.

Минув длинный коридор славы и почёта, в котором несколько раз остановились и директор похвалился предо мной достижениями и заслугами, мы оказались в столовой. В этой самой столовой из целой мебели осталась только табуретка дежурного, которую этот самый дежурный своей попой, скорее всего, и грел во время погрома.

— Четырнадцать столов, семьдесят два стула, посуду мы даже не угли.

Директор всё зудел и зудел, а я ловила на себе взгляды Фили, призывавшие отвлечься на него, правда, половину из них я оставила без внимания, а вторую половину проигнорировала вовсе. Когда это жужжание над ухом, а так же вид пропитанной потом бледно-розовой рубашки довёл меня до нужной кондиции, словесный понос я посчитала необходимым закончить.

— Значит так, когда всё учтёте, тогда и созвонимся. Но беспокоить меня во второй раз не советую. Вот, Андрей. — Я толкнула в спину сына, который тут же шагнул вперёд. — С ним и решайте все наболевшие вопросы. А вы, — обратилась уже к двоим участникам разборок разом, — в следующий раз будьте умнее, и решайте спорные вопросы на ринге. Это будет по-взрослому. А сейчас вы как базарные девки, в волосы друг другу вцепились и катаетесь на полу на радость случайному зрителю. У меня всё.

— Э-э, Филипп Аркадьевич?

— Без комментариев. — Ответил как всегда немногословный Филя и первым удалился из помещения.

Прочитав сыну небольшую лекцию о вреде драки за заведомо чужих девочек, я отпустила его в раздевалку и вышли из здания школы мы вместе. Филя, держась за своего подопечного, стоял у крыльца, тоже, видимо, учил жизни.

— Лариса...

— Нам не о чем говорить. — Тут же прервала я будущую тираду, развернулась на месте и ушла, подталкивая сына вперёд.

Уже стоя возле машины, потрепала его за густую шевелюру, пока он милостиво склонился, позволяя мне побаловаться. Сын у меня высокий, ростом с Филю, если не больше, плечистый, широкий, в общем, совсем не в меня, редко позволяет проявить мне свою нежность на людях, вот и приходится делать вид, что я зверь в юбке. И только в такие моменты, когда он провинился, могу оторваться и побаловать его и себя нежностью. Потаскала его за чуб, погладила по плечам, шлёпнула по попе ремешком от сумочки и тут же сама и пожалела. За всеми этими замысловатыми действиями наблюдал и Филя со своим отпрыском, и директор из окна кабинета, а я просто наслаждалась жизнью, которая в

очередной раз оказалась ко мне несправедлива. Конечно! Разве могло быть иначе? Чтобы Филя, да не женат?! Обиделась, и обязательно чем-нибудь покрою свою обиду, но не сегодня.

Глава 7

Больше у нас с сыном разговоров по поводу происшествия не случилось, уже по пути домой он попросил остановиться и выскочил к друзьям. А что? Он у меня парень занятой, что не школа, то соревнования, что не мальчики, то девочки, так и носится как волчок, весь в родителей. Муж мой всё мечтал предпринимателем стать, при мне не стал, а сейчас уже не интересно. От балласта в виде семьи он избавился вовремя и вполне возможно, что всё и выгорело, а так... махнуть рукой, сплунуть и забыть.

Меня вообще-то сейчас больше занимал другой вопрос: вот, Филя, он же так смотрел, словно что-то сказать хочет. Ага, мол, это племянник, сын моей дорогой сестрёнки или вообще соседский мальчик, но суть не в этом. Щенячьим взглядом он посмотреть сумел, мой отказ общаться принял достойно, но, люди, а как же золотое правило: если женщина сказала «нет», то это то же самое «да», только позже. Неужели кто-то ещё не в курсе? Я всё это к тому, что уже час прошёл, а от него ни строчки, ни звонка. Всё же я надеялась на извинения, многократные игнорирования трубки с моей стороны, настойчивость и упорство — с его. Но нет, он спокоен и наверняка уверен, что я переживаю, и ведь переживаю, а! Всегда думала, что я бронетранспортёр, танк, локомотив, который прёт напролом к своей цели, а вот встретила какого-то Филю и сама вспомнила, каково это, скулить в уголке. Это, конечно, образно, но, чувствую, до крайности не далеко. Успокоилась я только часам к десяти вечера, когда он всё же позвонил, к слову, номер я его вспомнила, он как в той песне: «Номерок блатной, три семёрочки...», вот и Филе под конец подфартило и, разумеется, я не ответила, с достоинством выдержала пиликание, которое так и хотелось прервать сексуальным «Да-а...». Но сексуально — это ведь не ко мне, в такие игры я играть не умела никогда, поэтому и воздержалась. А в пять утра, с полными штанами счастья отправилась в распростёртые объятия работы. Это вам не дуру гонять, косить под начальника, здесь результат нужен, да и процесс пропускать не рекомендуется. И не важно, что банкет на воскресенье вечер, в субботу тоже дел предостаточно, вы ведь не думали, что вам реально из куса замороженного мяса за двадцать пять минут готовят маринованную телятину, нет? Вот и я о том же, заготовки делаются задолго до того как. И здесь вам и высшая математика, и точный расчёт, и анализ данных: как часто, что, и с какой периодичностью заказывает клиент, и попробуй только прогадай — вылетишь в трубу. Ресторан это не дешёвый фаст фуд, у меня на кухне всё свежайшее, и никакого выковыривания огурцов из позавчерашнего салата, и майонезу бой! В общем, работёнка ещё та. Вот и принялась я гонять своих разгильдяев, которые все как один загорелые, довольные, как коты после бабушкиной сметаны и даже не отличишь, кто на огороде, кто на даче, а кто на Мальдивах парился.

— Почему чеснок всё ещё с сердцевинкой?.. Кто мнёт базилик?.. Кто оставил рыбу в морозильной камере?!

И такая дребедень круглый год и целый день. Домой вернулась за полночь, чтобы завтра опять же, в пять утра, окунуться в атмосферу жарки, парки и неэтичной профессиональной ругани. Ближе к обеду в ресторан прискакал и Лёнчик с Людкой, она его никуда не отпускает, но скажу честно, такого красавца и я бы не отпустила. Так вот, начальник, он обязан быть, руку каждому пожать, оказать почёт и уважение, не забыть похвалить новое кольцо дамы, поэтому мне иногда проще прикинуться обычным подсобным рабочим, чем

лебезить перед чинами и их семьями. Так и сегодня, нос из своей кухни не высовывала, а когда гости прибыли, устроились, началась стандартная рабочая атмосфера, можно было выдохнуть спокойно. Я закрылась в каморке, которую, явно завышая значимость помещения, называю личным кабинетом. Кабинет так себе, скорее, комната, где можно побыть одной, у Лёни там не побалагуришь, ноги на стол не забросишь, а у меня ведь работа стоячая, нужно входить в положение, а не объяснять всем и каждому, что кровь по венам течёт медленно и ей нужно ускорять отток путём поднятия нижних конечностей вверх.

Я как раз расслабилась, пошевелила десятком нижних пальцев, мысленно произнося: «Кайфф», потянула ароматный кофе из малюсенькой чашечки, которую когда-то спёрла у знаменитого бариста из Венесуэлы. Отдавать по-хорошему он, видите ли, не хотел, укради, говорит, тогда твоя. И ведь украдала, да так, что пропажу он заметил уже на другом континенте и не поленился, позвонил, разрешил пользоваться по усмотрению и дал целую инструкцию по уходу. Кофе я отхлебнула, глаза закатила, представляя как нежусь на палящем солнышке той самой Венесуэлы, как вдруг:

— Лариса Витальевна, вас Леонид Михайлович спрашивает. — Протараторила Аллочка, буквально ворвавшись в моё уединение.

От этого крика, я едва не испортила и чашечку, и свой рабочий костюм.

— Ты с какого дуба упала, так в кабинет к начальству заходить?! Ты забыла кто тебя на работу нанимал? Давно резюме своё не рассылала? Я тебе устрою...

Бурчала, понимая, что все мои угрозы теперь этой фифе глубоко фиолетовы, у неё в руках металлургия, а тут я, со своими капризами. Не солидно, нужно другую угрозу придумать. О! Например пригрозить, что её Викторовича уведу! Тогда она по-другому запоёт и вспомнит, в какую дверь следует стучаться перед тем, как войти.

— Ну, Ларисочка Витальевна, давайте не сейчас, а? — Положив руку на грудь, просительно уверяла меня она. — Там этот, столичный, видеть вас желает. Что-то ему там баранина не угадила, что ли. Кулачками сучит, шурится, грозитя порвать Лёню Михайловича на британский флаг, если вас не увидит.

— Кого-кого? Какого ещё Лёню?

— Ой. — Блондинка закрыла аккуратный ротик ладошкой. Ага, я уже почти поверила. И ведь как давно мечтает замутить с Лёнью, и жена не смущала, а теперь и вовсе оговариваться стала.

— Я тебе сейчас дам, ой! Иди давай, сейчас, я докурю...

— Вы же не курите.

— Так покурю перед смертью. Иди.

И, вытолкав неугомонную за дверь, села допивать успевший остыть кофе.

— Гадость... — Перекосило меня и с такой перекошенной физиономией я и появилась перед званным-не-званным гостем.

— Кому тут баранину затолкать в... — Не сбавляя оборотов после воспоминания о кофе, рыкнула я, издали завидев знакомый бритый затылок.

— Я тебе её сейчас сам затолкаю в...

С таким же наездом услышала в ответ, и теперь уже могла разглядеть не только лысину, но и золотые фиксы, нос картошкой, бегающие чёрные глазки, да, впрочем, и всего Пашку.

С Пашкой мы познакомились лет шесть назад на одном черноморском курорте, где я его и накормила точно такой же бараниной, пытаюсь поразить воображение и покорить пусть и не с одного взгляда, но с одного укуса точно. А когда он окончательно потерял голову и

влюбился, я испарилась как осенний туман в ущельях гордых вершин. Видно покорила я его неслабо, если и через столько лет вспомнил вкус.

Смотрю, этот с лысиной и зубами лыбится, Лёня в а*уе, Людмилка хлопает ресничками и уже готовится ко взлёту, а я всё так же сурова и непоколебима.

— Ну, вот я и нашёл тебя, конспираторша хренова.

Повёл амбал плечами назад, улыбаться перестал и в два шага преодолел немалое, на первый взгляд, расстояние между двумя точками пространства. Меня он не то, чтобы скрутил, но придушил однозначно, зажимая хилую шейку в своём нехилом локтевом сгибе. Теперь осталось чуб потеревить костяшками пальцев и чёлка «Карлсон на вылете» мне обеспечена.

— Эй-ей, как нашёл, так и потеряешь, кто ж тебя кормить-то будет? — Запищала я, делая более жалостливый голосок, только Пашку жалость не берёт.

— Раз в пять лет — это не кормёжка. — Заныл он и хватку ослабил, позволяя мне высунуть язык и подышать как собачке. — Давай, признавайся, пойдёшь ко мне? Я тебе не этот жлоб, — кивок в сторону Лёни, — королевой ходить будешь, в долю войдёшь. — С корабля на бал начал Пашка, заглядывая своими нечестными глазами в мои полузакатившиеся.

— Я и здесь в доле. А если ты ещё и заставишь этого жлоба, — снова косой, но теперь уже мой взгляд в Лёнькину сторону, — продать мне всего один процент акций, то буду равноправная владелица.

— А мне что с того? — Искренне удивился амбал.

— А я скажу волшебное слово. — Заманчиво пообещала я.

Что там за волшебное слово, Пашка просёк сразу, только никому вокруг не признался. Он, личность хоть и авторитетная, но весьма разносторонне развитая. И когда я сказала «влюбился», то имела в виду не себя (к счастью), а влюбился мужчина пятьдесят четвёртого размера с ростом метр девяносто в мою баранину. Как истинный ценитель, кулинар и просто человек, любящий плотно поесть. Секретный ингредиент я ему отказалась просто сказать, не продала и, уж тем более, не подарила стратегическую информацию заведомо конкурентной особи. Пашка во времена перестройки урвал себе крупный кусок земли и кое-что по мелочи, как говорил он сам, а со временем предприимчивый молодой человек удачно провернул несколько сделок и, как следствие, преумножил капитал. И к времени близкому к дню сегодняшнему, побаловал себя и открыл ресторан, затем образовалась сеть, а вот баранину толком никто готовить не умел.

И сошлись мы с ним неспроста и даже не на спор, хотя доля азарта присутствовала. А дело было в том, что мы одновременно оказались в небольшом ресторанчике, где каждый заказал себе шашлык из баранины. Я съела молча, хоть мне и не понравилось, а вот Пашка разошёлся и принялся скандалить, вопить, мол, его обманули. Особой цели в этом скандале, как выяснилось позже и уже наедине, не было, просто человеку иногда становится скучно и хочется побузить. В тот раз поводом стал шашлык, в меню презентованный как «Шашлык по-восточному с травами и смесью перцев». Но ни трав, ни смеси перцев гость не узрел и вот тут начались претензии. Я, заметив, что мужик разошёлся ни на шутку, а молоденький поварёнок стоит ни жив, ни мёртв, решила вмешаться и обещала накормить самца бараниной по особому рецепту. Накормила на свою голову, две недели потом за мной ходил, всё выпытывал что я туда ТАКОГО положила. Да ничего! Просто знаю, как правильно приготовить, вот и всё, а он не понимал. Я и сбежала, оставив оплаченную ещё на четыре

дня комнату. А сейчас вот, встретились.

После моего обещания, глаза Пашки загорелись синим пламенем, локоть с моих плеч дематериализовался, а обращение превратилось на «Вы» и шёпотом. Коротким кивком и сопровождавшим его «Пошли», мы направились в хозяйский кабинет, в котором Паша мне посочувствовал и разрешил-таки закинуть ноги на Лёничкин красивый резной стол.

— Там ещё про процент акций было...

Напомнила я, заметив как Пашка удобно устроился напротив, вырвал лист из фирменного ежедневника и вооружился карандашом.

— Будет тебе процент, торгашка, давай, надиктовывай.

Надиктовала. Таких счастливых глаз я не видела со времён Андрюхиного десятилетия, когда я подарила ему горный велосипед. Но любоваться зрелищем долго мне не позволили: тут же став суровым Пашей-Паровозом, мужчина кликнул Лёньку, который обомлел во-первых от тона, которым его позвали, а во-вторых, от моей наглости, ноги со стола я так и не убрала.

— Сделаешь так, как скажет, и в накладе не останешься. — Было велено Лёнчику.

— Вы её плохо знаете. — Закатил он глаза, понимая, к чему ведёт равноправие.

— Да я её вообще не знаю! Знал бы, давно бы увёл. Всё, оставайтесь, разбирайтесь, если что, у тебя, Ларёк, мои номерочки есть. — Паша посмотрел на Лёню, намекая на то, что это «если что» относилось именно к нему.

Когда мы в кабинете остались вдвоём, Лёня самым бесцеремонным образом сначала сбросил со стола мои ноги, потом, подняв меня за ворот пиджака, словно шкодливого кота, вышвырнул на диванчик неподалёку и меня саму. Вальяжно уселся в своё кресло, упёрся локтями в столешницу, принимая самый деловой вид, сдвинул брови и вздохнул.

— Надеюсь, ты понимаешь, что всё сказанное мной под давлением, за чистую монету принимать не стоит? — Снисходительным тоном начал он.

— Да? Ты тогда здесь посиди, никуда не уходи, думаю, дядя Паша ещё не ушёл, я сейчас...

Я, было, подскочила с диванчика, приняла позу «готовность номер раз» и...

— Стоп!

Я села как и сидела, моргая так часто, что видео перед глазами стало похоже на набор слайдов.

— Лариса, мы с тобой друзья, но подобные манипуляции переходят всяческие границы. Ты это хоть понимаешь? Откуда ты вообще берёшь все эти знакомства? При мне ты идеальна мама, идеальный повар, а стоит только отвернуться, как становишься идеальным искателем приключений на свой тощий зад!

— Попрошу без оскорблений. — Надулась, скрестив руки на груди.

— Это я тебя прошу. Заканчивай концерт и возвращайся к своим прямым обязанностям.

— А акции? — Сползая с дивана, обречённо уточнила я.

— Помечтаешь в следующий раз. — Стало мне ответом.

И вот так, не успев даже представить себя начальством, я потянула ноги из кабинета. В коридоре встретила впечатлённого Пашу, который уже нахваливал одному своему приятелю мой рецепт, потягивал дорогую сигару и мечтательно закатывал глаза. Глянул на меня, поманил пальцем, а когда я подбрела, всё так же, как и при встрече, уложил на плечи тяжеленный локоть, который стал точкой в моей внешней защите и я рухнула ему на колени, бесцеремонно вжимаясь в грубое мужское плечо.

— Ну, почему так? — Задала я риторический вопрос. Приятель Паши странно на меня посмотрел, а вот тот всё понял.

— Что? Отказал?

— Отказал.

Я опустила голову ещё ниже и смотрела на свои белые балетки. Что-то внутри перемкнуло, захотелось чувства защищённости и полной зависимости от сильного мужчины, очень удачно на эту роль подходил Паша.

— Лариса, ты нормальная баба, просто сильно хитро сделана, вот он тебя и боится.

— Лёня? — Практически сопливо уточнила я.

— Лёня. Все бояться перемен, а ты одна сплошная переменна. Придёт время и всё разрешится.

— Обещаешь?

— Жизнь покажет. — Философски изрёк Паша и я уткнулась сопливым носом в дорожную сорочку.

— Бля, Паш, просил же тебя не дымить.

Заговорил некто за моей спиной голосом Филя и я обомлела.

— Иди уже, не мешай ребёнку утешать. — Весело отозвался Паша.

А у этого самого ребёнка, то есть меня, сердце колотилось как у кролика, которого держат за уши. Я тут же прекратила соплепускание и вжалась во вмиг сроднившееся со мной тело, зажимая ткань рубашки обеими кулачками. Меня тут же успокаивающе погладили по голове и немного небрежно потрепали по волосам.

— Ага, только ты смотри, чтобы тебе потом этот ребёнок тест с двумя полосками не принёс. У них это случается. — Хохотнул кто-то ещё противным ехидным голосом, но когда Паша топнул ногой, все смешки и переговоры прекратились и послышались удаляющиеся шаги.

Я немного отдышалась, ещё чуток повисела на плече, а затем бодренько так подскочила.

— Мне нужно работать. — На бегу бросила обалдевшему от такой прыти Паше и услышала вслед что-то о бабских слезах. Да, да, мы, женщины, такие непостоянные...

Пока бежала по коридору, чувствовала себя относительно спокойно, и дело было не в том, что Филя мог увидеть меня в компании другого мужчины, нет, чуток ревности ещё никому не помешал, но тот факт, что я не секретарь, положение бы подрихтовал прилично. И не было бы более этой непринуждённости в беседе, да и прямых взглядов. Паша прав, мужчины боятся сильных женщин, им проще окучить такую, которая на порядок глупее их самих. Ну, или ту, которая таковой притворяется. А я притворяться не хочу, хватит, с мужем я притворялась, результат всем известен, и в чём, спрашивается, смысл?

Минув коридор, выглянула в зал, в зоне видимости из моего положения ничего подозрительного не заметила, зато на входе в кухню стоял помощник и явно выглядывал в зале меня. Ринулась к нему как ледокол, на ходу извиняясь перед теми, кого растолкала, но как только достигла столика с пирамидой бокалов с шампанским, краем глаза разглядела подозрительное шевеление на входе и, доверясь интуиции, упала на колени. На четвереньках проползла всё расстояние за столиком, до кухни всего ничего, пять шагов, но на коленях далеко не уползёшь, а голос Филя я слышу всё отчётливее, и его недовольство не является секретом ни для кого из окружающих.

— Я сказал хватит! — Угрожающе рыкнул он собеседнику, лица которого я не разглядела, что-то пробормотал себе под нос и из зоны слышимости скрылся, а я, пользуясь

временной передышкой, прошмыгнула на кухню под оглушающее молчание своих подчинённых.

— Всем работать. — Отряхиваясь и пытаясь отдышаться, взвизгнула неприлично высоким голосом и бросилась в свою подсобку.

— Лариса Витальевна, соус. — Вошёл следом за мной помощник.

— Сейчас иду.

— Через пару минут подавать. — Поторапливал он, чем начинал нервировать.

— Иду! Что за... кто здесь главный? Когда я скажу можно, тогда и будете подавать.

— Но...

— Достал... — Простонала я, резко развернулась и, минув его, вернулась на кухню.

Руки хотелось мыть долго и тщательно, но времени действительно не хватало, поэтому, как опытный стоматолог чистит зубы, так и я вымыла все подозрительные зоны, насухо вытерла, выкинула из головы все глупости и только после этого принялась за работу. Перерыв окончен, клиент требует продолжение банкета. И только лишь когда очередная запарка подошла к концу, я смогла выдохнуть, стащить с головы колпак, но в этот раз не добрела даже до своего кабинета, так и рухнула на небольшой стульчик для официантов.

— Лариса... — Вкрадчивый голос над головой выдернул из сладкой дрёмы. — Ну, Лариса, вставай, рассказывай.

— Что? — Потирая глаза, спрашивала я. — Кто? А-а, Людка, — я снова прикрыла глаза, успокоившись, — чего тебе надобно, старче?

— Давай, подруга, колись.

Людка присела передо мной на корточки и теперь мы были примерно на одном уровне.

— Кого колоть?

— Не кого, а колись. Сама.

— Давай без этих твоих загадок. — Зевнула я, и даже не потрудилась прикрыть рот рукой, надеясь, кроме Людки этого более никто не видел.

— А что тут гадать? Рассказывай, от кого ты удирала из зала на карачках?

— А-а... — Я слащаво улыбнулась и спать перехотелось, перед глазами так и стоял Филя.

— Ни «а-а», а давай, показывай. Они там все уже в нужной кондиции, на тебя внимания не обратят, пошли.

И мы пошли, пробираясь через пустую кухню. Выглянули из-за двери, я осмотрительно перепроверила информацию о состоянии опьянения гостей и нашла её недалёкой от правды. Высунулась полностью и теперь могла лицезреть недовольного Филю во всей красе. Он сидел в гордом одиночестве, набычившись, весь как натянутая струна. Пиджак висел на спинке стула, из-под манжеты выглядывает массивный браслет часов, строгий галстук красивого синего цвета. Я неприлично облизнулась и опомнилась только когда Людка ткнула меня в бок, а, учитывая разницу в комплекции, этот тычок был более чем ощутимым. Недовольно потеряв рёбра зыркнула, но должного эффекта не получилось.

— Говори давай, который. — Напомнила она о цели мероприятия.

— Вон тот лось. — Кивнула я в Филину сторону.

— Который? Здесь все, что не лось, так медведь. Поконкретнее.

— Да вон, один который сидит, в синем галстукке. Видишь?

— Вижу, вижу, ничего такой, серьёзный тип.

— Эй, подруга, ты тут не мурлычь! — Ткнула в бок Людку теперь уже я. — И вообще, он

женат.

— И что? Я тоже замужем. Ты посмотри, посмотри, недовольный какой. Ты видела, что он тут устроил?

— Устроил?

— Не видела? — Глаза у Людки блеснули азартом и она оттащила меня в тень, чтобы точно уж не быть пойманными. — Он едва ли всю эту шоблу не разогнал. Причину никто из наших не понял, но он тут мерялся силой с этим, лысым, которого ты знаешь.

— В смысле?

— Ну, вроде как конфликт у них на бытовой почве. Потом, правда, пили вместе, как лучшие друзья. Но это потом, а тогда мы с Лёней на полном серьёзе подсчитывали убытки. И не лыбься ты, если бы они сцепились, ты же знаешь, здесь бы места живого не осталось. Но... обошлось.

— А что Лёня говорит?

— А что он скажет? Сам тут зубами скрежетал. Этот твой и его на разговор вызывал в самом начале вечера. Что они там обсуждали я не в курсе, Лёнька говорит, вроде как мероприятие и всё такое. Но я ведь этого козла знаю, врёт, как дышит, так что здесь не всё чисто.

— Так, ты поузнавай, интересно же.

— Он и сам молчит, и мне велел не распространяться. Так что ты с Лёней это не обсуждай, а то скажет потом, что я сплетница. Так вот, он вроде как серьёзный тип, Демьян, кстати, сегодня тоже недоволен.

— Всех прижал?

— Ага, ты, что ли, напела, кого за шиворот трясти? С чего, кстати, взяла, что он женат?

— Да ничего я не пела! Я с ним вообще на «вы» и шёпотом. А насчёт жены, так сын его с моим Андреем в одну секцию ходит, парни сцепились недавно из-за девчонки, вот и встретились.

— Хорошо, что не из-за пацана. — Повторила Людка мои слова, чем вызвала улыбку. — Только это ни о чём не говорит. Не забывай, в какое время живём, кто сейчас жениться? А как же кобелиная натура? А этот тот ещё кабель, оно и видно.

— И вовсе не кабель, он столько раз мог и ни разу... — Прикусила я язык, но поздно.

— Что ни разу? И сколько раз мог? Я чего-то не знаю? — Играя бровями, Люда толкала меня плечом. — Рассказывай, мне же интересно. А, кстати, почему он ни разу к тебе не подошёл? К Лёне так без стука, едва ли не ногой дверь распахнул, а к тебе и носу не показал?

— Он не знает, что я повар.

— А кто? Секретарша что ли? — Попыталась посмеяться Люда, но как-то не в тему.

— В том-то и дело, что секретарша. — Вздохнула я, тайком рассматривая его, а, может, и правда, не женат, а я тут выкобениваюсь?

— В смысле?

— В прямом. Помнишь, я говорила, что у меня с усатым инспектором была сделка?

— Ну.

— Не нукай. Вот, и я изобразила секретаршу, так и познакомились. Он всё намекал, подмигивал, один раз даже домой подвёз.

— И что?

— В том-то и дело, что ничего. Абсолютно. И, понимаешь, вроде как я нравлюсь ему, и

он этого как бы и не скрывает, — начала я озвучивать свои сомнения, — но при этом никаких решительных шагов не делает.

— Что ты имеешь в виду под решительными шагами? — Заиграла бровями подруга, шутливо толкая меня плечом с двойным усердием.

— Что, что? Предложить чашечку кофе с утра и в постель! Люда, что ты как маленькая?! — Не сдержалась я и нахмурилась. — Секса я хочу, с ним. Ты же знаешь мои давнишние комплексы, что никакой приличный мужчина (естественно я имею в виду габариты) на меня не бросается. А тут он! И хочет, и может, и при этом игнорирует едва ли не откровенные предложения.

— Какие ещё предложения?

— Да... было дело. Вот, так и получилось: он думает, что я секретарша, поэтому я и уползала.

— Странно.

— Не то слово.

— Да вроде не импотент. — Заключила Люда, закончив внешний осмотр.

— И как это ты определила? — И возмущилась, и обрадовалась я одновременно, ревность дело такое, даже мужскую силу моего самца измерять не позволю.

— По тому, как к нему прижимается во-он та шалава.

— Ах, он... А она... Да я... ух! Марк, Марк. — Прошипела я внезапно попавшемуся на глаза официанту. — Так, иди, давай, и опрокинь на вон ту крашеную, — всучила ему в руки поднос с вином и указала пальцем на стерву, — и откуда только набрались, а? Что стоишь, иди!

— Лариса Витальевна, вы обалдели? Вы видели с кем она сидит?

— Да это ты обалдел, как я погляжу! Давай, иди, Людмила прикроет тебя если что.

— Я-я?

— А кто, я? Давай, можешь даже двоих окатить.

Я подтолкнула молодого человека в спину, чтобы шевелился активнее, но ноги несчастного заплетались, а руки подрагивали. И это лучший официант! А я, тем временем, внимательно наблюдала из засады. Несмотря на нерешительность, оспаривать приказы начальства Марк не собирался, а если вдруг что, и Людка не справится, так и быть, впрягусь за него и предъявлю этому кобелине Филе все свои претензии. Но это я так, в мыслях, а сама, меж тем, отсутствующими ногтями вцепилась в стену и спряталась поглубже в тень. Всё прошло как по нотам: обернувшийся поднос с красным вином, визг этой девицы, Филя молчал. Марк что-то лепечет, наверно извиняется, девка угрожает ему всеми своими известными угрозами, но мы то с вами понимаем, что будь у неё защитник, к Филе она бы не клеилась, а значит, никого нет и всё сплошные понты. Не учла я только того факта, что девица может быть его женой. Но это сейчас, внимательно её разглядев я понимаю, что она то ли моя ровесница, то ли и того старше, а со спины и филейной части вполне себе молоденькая козочка. А дама, меж тем, разрывается, сучит кулачками. Филя продолжает вести себя странно, вот, смотрю, как взял салфетку, вытер капли вина с лица. Хорошо ещё, что Марк сработал профессионально и ни рубашка, ни галстук не пострадали, хотя вино такая непредсказуемая вещь... Не спеша встал и, не обращая внимания на визг несостоявшейся любовницы, шепнул что-то Марку, который вмиг побледнел и, захватив пиджак, вышел.

— Ну? Что там? Как? — Подтянула его за рукав в своё укрытие.

— Нам конец. — Сделал выводы Марк и поблел еще больше.

— Что значит конец? Что он тебе сказал?

— Просил передать привет Леониду Михайловичу.

— И всё?

— А вам мало?

— Ну... Как-то да... А эта, которую облил, она кто такая?

— Да шалава местная, ко всем клеилась. Вы же в зале не работаете, не знаете, а я здесь каждую, как родную, по имени угадать могу, с ней проблем не будет, не волнуйтесь.

— Понятно. — Быстро соображала я. — Значит, привет. Интересно, что это значит?..

— Это значит, что кое-кто сейчас собирает свои манатки и чтобы до вторника я тебя не видел! — Взорвался подкравшийся Лёня.

— Марк, с меня премия. — Подмигнула я парню и шмыгнула на кухню.

Глава 8

Домой добралась в считанные минуты. И время позднее, и перед понедельником затишье. Андрей не спал. Сидел на кухне, изучал прессу. Смешно.

— Что пишут? — Хихикнула я, оценивая всю абсурдность ситуации, меня ведь ждёт.

— Пишут, что моя мать влипла в какую-то нехорошую историю. — В тон мне, да ещё и умно приподняв брови, уставилось на меня чадо.

— Что так?

Я присела к столу, сбросив мысли об усталости. Не каждый день сын с работы встречает. Андрей налил мне чаю, подвинул вазочку с печеньем.

— Ты ведь знакома с Филиппом Аркадьевичем?

— Даже так? Допустим... А ты? Почему по имени и отчеству? Тоже знаком?

— Знаком, причём давно. Он генеральный спонсор нашего спортивного клуба.

— Жмот ваш спонсор! Позорище! Да мне в эту богадельню войти было стыдно! — Припомнила я обшарпанный фасад.

— Зато внутрянка по высшему разряду, мама. Только ты от темы не отходи, ответь на вопрос.

— Да я и ответила. Знакомы и что? К чему этот допрос?

— А к тому, что он просил передать тебе, что Кирилл его крестник.

— Кто такой Кирилл? — Задала я вопрос, который волновал меня в последнюю очередь.

Андрей так посмотрел... посмеяться бы, да боюсь спугнуть серьёзную моську.

— Кирилл, мама, это тот, с которым я подрался.

— Тот мелкий что ли? И что?

— И ничего. Подошёл сегодня ко мне на тренировке, просил передать тебе, что Филипп Аркадьевич ему крёстный.

— Х-м, странно.

— И я говорю, что странно. Ничего подробнее рассказать не хочешь?

— А ты мне муж, чтобы я с тобой беседовала?

— Не груби, я ведь и пытаться буду, если понадобится?

— Ах, ты, бычара, маму бить?

— Не бить, а щекотать. — Андрей встал, сомкнул пальцы веером и хрустнул всеми ими вместе, выгибая в обратную сторону. — К тому же, это ты меня таким вырастила, так что теперь не жалуйся.

Сын надо мной склонился, пальцы растопырил и я тут же сдалась.

— Всё, всё. Твоя взяла, рассказываю. — Андрей опустил на стул, я сделала глоток чаю, откусила печенку и посмотрела в его ясные заинтересованные очи. — Только я не понимаю, что ты хочешь от меня услышать. Да, мы были знакомы до встречи в вашем клубе. Но он для меня, так же как и для тебя, Филипп Аркадьевич. Ты же помнишь, я там занималась махинациями с секретарской должностью, вот и познакомились. Всё. Добавить вроде нечего.

— Что значит нечего? Он так многообещающе на тебя смотрел.

— Скажешь тоже. — Отмахнулась я и тут же опомнилась. — А как смотрел?

— Как собака на сахарную косточку. — Прыснул этот гадёныш, за что тут же получил печенкой в лоб. — Да ладно тебе, что я такого сказал? Заинтересованно смотрел, особенно увлёкся когда ты в кабинет директора вошла, потом уже опомнился и только изредка поглядывал.

— А ты что о нём знаешь? Спонсор, говоришь? Часто бывает?

— Да так... Бывает иногда. Он Кирюху как раз полгода назад в секцию и привёл. Сам иногда тренируется, спарринги устраивает с более опытными бойцами. Я бы тоже хотел с ним помахаться, только тренер говорит сопливый ещё.

— Правильно говорит. С равными тренируйся. — Взыграл во мне материнский инстинкт, и уже не важно, что со спины мой Андрей мало чем отличается от Фили. Грубо, конечно, сказано, на самом деле дрищ, рядом с мужчиной, но всё равно, там есть чем гордиться, а так... наверстает в своё время.

— А у тебя на Филиппа Аркадьевича какие-то планы?

— Сопливый ещё мамиными планами интересоваться.

— Да ладно тебе. А то я не вижу. Ходите вокруг да около, как дети.

— Также мне, взрослый нашёлся. Давай, лучше, поведай мамке, что у него там на семейном фронте?

— Жены нет, если ты об этом. Про детей я тоже не слышал. Любовниц в клуб он не таскает.

— Значит, они есть?

— Ну, на страдающего импотенцией он явно не похож.

— Ты посмотри, какие все стали проницательные, — не сдержалась я и всплеснула ладошками, — куда не плюнь, всё в ясновидящего попадёшь! Говори по делу.

— По делу, Кирилл как-то упоминал, что иногда у него в доме появляется какая-то тётя Маша. Ночует, с Филиппом Аркадьевичем на «ты» и вполне свободно. Я и сам её как-то видел, она в клуб к директору приезжала.

— Откуда знаешь, что она?

— Так на его машине. — Резонно аргументировал Андрей. — Мелкая, такая же, как и ты. Говнистая такая же, так что, я думаю, любовница, и наверно постоянная.

— Офигеть, какие мы стали делать выводы. Сын, ты помнишь, что тебе только пятнадцать?

— И что? — Фыркнул этот засранец. — Ты же просила по делу, я и сказал. Кирилл говорит, что она стабильно раз в месяц ему на глаза попадает, и это при том, что сам он у крёстного не так часто бывает, вот тебе и выводы.

— Да-а...

— Да. Так что ты готовься.

— К чему?

— К тому, что будешь у его не одна.

— Язык прикуси!

— Забыла добавить «сосунок».

— И добавлю. Ты меня лучше не расстраивай, иди спать, а я здесь подумаю.

— Лучше сама спать иди. На мумию скоро похожа будешь. И из сахарной косточки превратишься в её несъедобную часть.

— Поговори мне ещё.

Я выпятила вперёд то, что у всех нормальных женщин называется грудью, но тут же ссутулилась, впячивая своё содержимое обратно, неловко поулыбалась и скрылась в темноте коридора. Легла, прикрыла глаза, но сон не шёл, в мыслях всплывал образ неведомой тёти Маши, и, по моему злорадному умыслу, получалась какая-то Соня из Одессы, с округлыми формами и бигуди. И совсем не важно, что по словам Андрея или, там, Кирилла, она примерно моей комплекции, мне так спокойнее.

Понедельник прошёл или даже наверно перекатился, как и я сама, с боку на бок по широкой постели, а во вторник труба зовёт, и я отправилась на работу. По тому, что меня никто не вызывал на ковёр, поняла, что Лёнчика отпустило, а привет, который он воспринял как угрозу, таковым не оказался. Суета, суматоха, заказы. Мясо, рыба, изысканные десерты, напитки. И так каждый день, с утра и до ночи, и хоть бы тебе малюсенькое происшествие, так нет же! Скука смертная — именно так можно и отметить прошедшую неделю в ежедневнике, так и лето закончится, а у меня ни одного романа. Про Филю и говорить нечего. Но, я зря расстраивалась, потому что уже в субботу вечером, из рутины меня вырвал твёрдым голосом как цепкими клещами один из официантов.

— Лариса Витальевна, вас там в зале спрашивают. — Простенько так сообщил он мне в самый разгар украшения мини-тортика, чем едва ли не испортил композицию.

Внутри, естественно, душа, точно гармонь, сначала развернулась, а потом свернулась, но внешне никаких признаков заинтересованности. Только белковый крендель вместо завитушки и выдаёт.

— Что там ещё? — Устало и раздражённо уточнила я, но, чувствую, переиграла, надо бы плечи хоть развернуть, что ли.

— Как я понял, хотят выразить благодарность, а там, кто их знает.

— То есть это не постоянные клиенты? — Успела расстроиться, закусил губу.

— Нет. Компания из пяти мужчин, некоторые лица у нас мелькали, но не часто.

— Хорошо, сейчас закончу и подойду. Какой там столик?

— Восьмой.

Немного разочарованно кивнула, отправляя официанта, но держалась как могла. В принципе, ничего такого не произошло, а хвалебные баснопения всегда вызывали вдохновение и положительные эмоции. Поэтому я привела себя в порядок. А именно: стянула порочащий меня, как красивую девушку, фартук, натянула поглубже колпак, расправила плечи, о которых уже давно думала и пошагала как суворовец, чеканя шаг. Уже на выходе из кухни, предположила, что ничего хорошего за восьмым столиком меня не ждёт. Трое мужчин сидели ко мне спиной и оценить я могла только идеально подбитые затылки, один в пол-оборота, но его я не знала, а вот пятого запомнила если и не навсегда, то надолго. Марат Закиров, тот ещё тип, как-то хотел отбить территорию моего ресторана, именно тогда помог нам с Лёнчиком Демьян, именно с того знаменательного дня я отбиваюсь от его настойчивых ухаживаний. А если судить по ироничной ухмылке в одном уголке рта Марата, он меня узнал тоже, если вообще не специально призвал на плаху. Меж тем, подойдя, я вежливо улыбнулась и принялась оглядывать всех остальных участников сходки.

— Здравствуйте, я Читаева Лариса Витальевна, шеф-повар ресторана, — начала, признаюсь, слишком уж официально, обычно отчество опускаю, и была полностью уверена в себе, пока в одном очкарике, который сидел как раз рядом с Маратом, не разглядела своего бывшего мужа, — чем... чем могу быть полезна?

Знаю, знаю, заикнувшись, сдала себя с потрохами, но после стольких лет, вот так

столкнуться, это слишком для моей нервной системы, и меня переклинило: улыбка сползла, ей на смену пришла рабочая постная мина, а руки непроизвольно сжались в кулаки.

— Ну, Эдик, ты же хотел выписать комплимент умелым рукам, — тут же обратился к моему бывшему солидный мужчина, сидевший в пол-оборота, — извините, Лариса Витальевна, судя по всему, мой компаньон сражён наповал вашей красотой. — Рассмеялся солидный и я показала, какого цвета бывает варёная свёкла.

— Да, извините, — так же, спотыкаясь на каждом звуке, вступил, наконец-таки, в диалог ошеломлённый Эдик, — восхитительный ужин, у нас даже спор вышел, мужчина готовил или женщина.

— Как интересно, и кто же выиграл в споре? — Хмыкнула я, не сводя глаз с Эдика. И так смотрела, пока мою талию, а если быть точной, то, что пониже её, не обвила рука ещё одного заседателя весёлой компашки.

Не успела я на это нападение толком отреагировать, как услышала до боли знакомый голос Фили. Тут же опустила взгляд к наглецу, столкнулась с его серьёзными глазами и смогла лишь выдохнуть.

— В споре, Лариса, выиграл я. — Одними губами улыбнулся он, взгляд же, оставался неизменен. — Ужин, действительно превосходный, впрочем, как всегда у тебя. Только можно мне ещё чашечку кофе? По особому рецепту.

Филя не прищурился, чем бы показал шутливость своих слов, не улыбнулся, единственное, что сделал, так это убрал свою руку, и на том спасибо.

— Знаете, Филипп Аркадьевич, здесь вам не кофейня.

Вылить свой негатив получилось почему-то лишь на Филю, Эдику я больше не подарила и капельки внимания, развернулась и уверенно ринулась в сторону кухни. Шла наугад, потому что перед глазами уже всё расплывалось, кое-как удалось не вписаться в ходящую ходуном дверь кухни. Минув весь собравшийся народ, я напролом отправилась в свою коморку, в которой вот для таких случаев даже замка не было. По пути рявкнула кому-то из подчинённых, чтобы вечер заканчивали сами. Хотя сказать «заканчивали» в восемь часов это уже слишком, только вступил в своё право разгар ресторанного веселья. Кое-как вместились с ногами в кресло, в которое обычно вместились только попа, прижала голову к подтянутым коленям и разревелась. Громко, надсадно, так, что все за дверью слышали, но было всё равно, обида вдруг накрыла с головой, воспоминания нахлынули волной и сил остановиться уже не было.

Я практически не плакала, когда осталась одна, без денег с грудным ребёнком на руках, думала, что забыла, вычеркнула весь негатив из жизни, но сейчас понимаю, что всё это время моя обида лишь кумулировалась, накапливалась, наслаивалась одна на другую. И вот теперь вся эта ересь решила покинуть моё смертное тело, дабы жить во вселенной самостоятельно, да и пожалуйста, да и хрен с ней! Только побыть наедине со своей проблемой не удалось, некто, чьё лицо я не смогла бы разглядеть, даже соизволив поднять голову (не зря слёзы ручьём лились), резко и уверенно сначала раскрыл дверь, а затем закрыл её, оставаясь в коморке вместе со мной. Но мне не до того, я полностью погружена в свою обиду, в то унижение, которое когда-то пережила. И тут же сильные ручищи подхватили меня, словно пушинку, неизвестный усадил к себе на колени, сам же уместился в миниатюрном креслице, в котором до этого сидела вся я. И никаких тебе тошнотных: «У тебя что-то произошло?», или там, не знаю... «Я могу тебе чем-то помочь?». Можешь! Ответила бы яна вопрос, «выслушай моё молчание и можешь быть свободен», но у меня

никто и ничего не спрашивал. И вообще, ситуация для меня из ряда вон. Обычно я принимаю решения, милостиво позволяю, или без сожаления отвергаю, а здесь... Филя... конечно, это он и если бы мой нос не был так заложен (физиология, мать её так), я бы обязательно почувствовала аромат его парфюма, его загорелой кожи, его лосьона после бритья. Но я чувствовала лишь тепло и уверенность за спиной. Он крепко прижимал меня к себе, обнимая обеими руками, не гладил по голове, не утешал, просто сидел и слушал, как я реву, спокойно уткнувшись носом в мою макушку и опалая кожу горячим дыханием. И не было желания вырваться, выставить его за дверь. Было уютно, так, как маленькому ребёнку рядом с мамой, и уже не важно, где вы находитесь, на шумном вокзале или в тёплой домашней обстановке. Сколько мы так сидели я, конечно же, не знаю, могу только одно сказать точно: он меня не поторапливал, не прерывал, и своим спокойствием наверно и внушил, что всё хорошо. Вот так, сидя с практически незнакомым человеком в обнимку, я не заметила как мои слёзы закончились, в носу отлегло и я перестала хлюпать и задыхаться от истерики и нехватки воздуха. А когда я это осознала достаточно чётко, Филя больше не дышал мне в макушку, немного отстранился, прижался краешком губ к щеке и тихо прошептал.

— Вот и хорошо. А теперь, я всё же надеюсь снова попробовать твой кофе. И у меня только одна просьба: я не знаю, сыпешь ты туда соль или нет, но если да, то пусть это будет соль не твоих слёз.

Замысловато, конечно, но до меня дошло. Его руки разжались и моё тело почувствовало себя осиротевшим, отчего я глубоко и достаточно горестно вздохнула, но, как ни старалась, больше сочувствия и понимания не получила. Филя тихо поднялся сам, поправил галстук и выскользнул из коморки, словно его тут и не стояло. А мне что прикажете? Отряхнуться, как курочке, и клевать травку далее? Сейчас? Да пожалуйста! После такой моральной поддержки хоть до утра, и я, с новыми силами и небывалым вдохновением, сначала приготовила обещанный кофе, и только потом принялась за прямые обязанности, которые на время незапланированного таймаута перешли на не совсем хрупкие плечи всей поварской кодлы. И хотелось творить, в голову лезли какие-то, на первый взгляд, сумасшедшие идеи, а мне оставалось только записывать, пробовать свои новые творения на Андрюхе и Лёнчике и снимать сливки в виде их сытных довольных улыбок. Так я и пропорхала до самого закрытия. Потом ещё час добивала то, что мне удалось записать по ходу вдохновения, сочетания ароматных трав и специй, различных соусов и гарниров. В общем, из ресторана вышла, когда часовая стрелка уверенно перевалила за три часа ночи. С улыбкой на лице, смысл которой знала только я, но любой прохожий, если бы он и был, трактовал бы её по-своему. И вот так я шла к автомобильчику, пока не обнаружила, что на стоянке не одна. И, не успев пикнуть кнопкой брелка сигнализации, оказалась заключена в уютные, уже сроднившиеся со мной, Филины объятия. В ответ смогла только продолжать улыбаться, да потому что рядом с ним хочется улыбаться! Все женщины знают наизусть такие моменты, когда отношения только начинают завязываться, и обоюдная неловкость переходит в такое же обоюдное желание никогда не расставаться. Вот сейчас у меня как раз такой момент.

— Что? — Мурлыкнула я в мощную шею, к которой была прижата.

— Что?

— Что-то хотите добавить, Филипп Аркадьевич?

— Очень хочу.

— Добавляйте.

— Тебя. Хочу. — Прошептал он мне на ухо слишком интимно, настолько, что жаром

теперь полыхало всё тело. — И это на основное блюдо.

Сказал и молчит, ничего не предпринимает, меня не отпустил, но и сам к активным действиям не перешёл.

— И-и? Чего ты сейчас ждёшь? — Подтолкнула я Филю в правильном направлении, а он только улыбается, я же чувствую. — Хочешь услышать, что я не против? Так я не против.

— Знаешь, я хочу тебя настолько сильно, что мне уже всё равно. Но это так, соус к предыдущему блюду.

Кончик горячего языка скользнул по мочке уха и исчез, а сам Филя прижался ко мне всем телом. Ощущения меня вполне устроили, да и его реакция, та, что ниже пояса, вполне.

— Комментарии излишни. — Сказать, что я себя не контролировала — словно попасть дротиком в десятку. Да, с ним себя контролировать не хотелось, не зря же столько меня испытывал. — Чего стоим? Кого ждём?

— Поехали к тебе?

— Лучше к тебе. — Поправила я.

— Нет, — потянул он с неким извращённым удовольствием, — мы поедem к тебе. Потому что от меня ты сбежишь как только настанет утро, а я этого очень не хочу.

— Но у мен сын и... — Пробормотала, вроде как оправдываясь, на что Филя предприимчиво хмыкнул.

— Сейчас.

Он отпустил меня, но не далеко, так, чтобы мог обнимать за талию, достал из кармана пиджака телефон, пару раз мазнул пальцем по экрану.

— Кир, это я. Давай договоримся так: в твоём распоряжении джакузи, сауна, можешь пригласить девчонок и мальчишек, но чтобы до утра никто не вышел. Суть уловил?

Филя нежно очертил пальцем линию скул, губ, подбородка на моём лице, спустился по шее к выступающей из-под лёгкого пиджака ключице.

— ...

— Вот и отлично. — Вызов он сбросил, глянул на меня и подмигнул. — Андрей сейчас с Кириллом у меня на даче.

— Это ты сейчас так вопрос разрулил?

— Типа того.

Лёгкий, практически невесомый поцелуй тронул губы, гладкий язык прошёлся по ним, возбуждая, заставляя ожидать большего.

— Поехали, иначе мне начнут завидовать. — Оглянулся он по сторонам, чем вызвал умиленную улыбку.

— Все уже спят. — Как в забытьи отвечала я.

Вот, глупые мы, женщины, создания. И знаем ведь, что нас дурят, знаем даже как и в чём именно, ан нет, развесим ушки, ресничками похлопаем, а после этого сетуем, что нашей доверчивостью воспользовались. Благо в конкретно моей ситуации, наши с Филей желания совпадают, но всё равно остаётся ощущение, что я самая любимая, единственная и неповторимая.

Словно дети мы рванули с места и побежали к его машине, ехали быстро, но ожидаемых мною с нетерпением приставаний, не было, полная концентрация на дороге, и о возбуждении, которое Филя мне так красочно и чётко продемонстрировал, не было сказано и слова. Вот и думай после этого, что происходит: то ли все предыдущие мужчины у меня были озабоченные, то ли Филю я не настолько интересую, то ли он себя очень хорошо

контролирует.

В моей квартире он чувствовал себя как дома, быстро распаковал обеды, которые я всегда после смены приношу домой, меня отправил в душ, а пока я там поласкалась, хорошенько подкрепился. Как на зло, в ванной не нашлось ни единого приличного пеньюара, а трикотажная ночнушка, которую я обычно использую, жёлтенькую такую, с весёлой пчёлкой по центру, будет как-то не в тему. Пришлось одеть обычный махровый халат, но на голое тело, думаю, он оценит. Вот только оценивать Филя не спешил, и сам оказался на зависть чисто плотным и единственным, что я успела ему сказать когда вышла, так это где искать полотенце. В душевой кабине зашумела вода, а я как-то совсем растерялась, ну, вот, верите, не знаю, что мне теперь делать. Как бы не гигиенично это было, но я предпочитаю спонтанный секс, без вот этих многочасовых подготовок. Разумеется я готовлюсь перед самой встречей, но, согласитесь, это уже не то. И, если быть честной до конца, то вот так ждать партнёра — это у меня впервые. Добавлю так же, что мне приятна такая его аккуратность, но за отсутствием опыта в подобном ожидании просто потерялась. И так я задумалась над всей этой ситуацией, что пропустила момент, как в душе выключили воду, как хлопнула дверь ванной комнаты, как босые ноги прошлёпали до меня через всю гостинную, и вполне натурально ахнула, когда меня прижали ко влажному голому мужскому телу. Как я поняла, что оно влажное? На ощупь. От эффекта неожиданности схватилась за первое, что попало под руку и этим первым оказались упругие такие ягодицы, голые... и я вдруг покраснела и более не смогла произнести ни звука, но и ягодицы не отпустила.

— Если ты настолько неравнодушна к этой части моего тела, то, так и быть, дам тебе за неё подержаться. Потом. — Посмеялся над моим ухом этот гад и хватку усилил.

Конечно, он большой и сильный, а сейчас, когда я без каблуков и разница в росте у нас сантиметров двадцать, большим и сильным ему быть ещё легче и проще, чем обычно. Особо не размусоливая, Филя приступил к делу и все мои страхи и опасения по поводу какого-то неудобства исчезли, всё именно так, как и должно быть. Как я там говорила... спонтанный секс? О, да, только сейчас моё тело ещё более чувствительно ко всем прикосновениям, ведь я пропустила такие замечательные моменты мужского стриптиза как застрявшая в штанине нога или там, снятие мужских носков... Согласитесь, не самая эротичная часть, особенно если мужчина и не старается быть эротичным в этот момент. Вот Филя и правильно решил, что передо мной лучше появиться подготовленным, готовым к разврату. Халат он практически сразу посчитал лишней деталью гардероба и предпочёл от него избавиться. И вот оно, чудо обнажённого женского тела, животный рык, страсть, о которой я мечтала с момента, как его увидела.

Могу сказать одно: Филя мои надежды в плане секса оправдал и даже в некоторых моментах превзошёл, оказался активным, но при этом аккуратным, не оставлял красных засосов на открытых зонах, не метил, не пытался показать всему миру мою ему принадлежность. Любовником он был заботливым и наверняка знал, что в сексе, кроме мужчины, удовольствие должна получать и женщина и это самое удовольствие мне доставлял. Он эмоциональный, не пытался скрыть то, что чувствует, смело экспериментировал с моим телом и очень удачно менял позы, принося взаимное удовлетворение нам обоим. Единственный раз, когда так и не смог сдержать свои эмоции, это, конечно, момент его наивысшего напряжения, вот тогда-то на моей талии появились пару синячков, а на ягодице отпечатались вся пятерня. С предохранением проблем не возникло, Филя так и сказал: «Не знаю, как и кому, а мне ничего не натирает». И сказал это

таким тоном, словно я была против. В общем и целом, мне всё понравилось, я осталась довольна, после долго нежилась в лучах его улыбки, а когда уснул, позволила себе немножко похозяйничать.

Спать этой ночью я не собиралась точно, больше меня интересовал объект или, вернее сказать, субъект, который расположился в моей постели. Сейчас, когда он спит, кажется безобидным и милым. Немного моложе чем в жизни, чуть удлинённая чёлка, которую я расправила по своему вкусу. Провела пальцем по носу, который когда-то был сломан, а после этого вправлен — осталась небольшая горбинка, которая ему так к лицу, правильной формы щетина: вот уж не люблю когда мужская щетина делает из человека обезьяну. Губы... губы даже во сне придают лицу строгость, несмотря на то, что они достаточно пухлые, но собраны в упругую розочку и отказываются расплываться в улыбке. Широкие брови... Я разгладила их, нависла сверху, посмотрела на своего мужчину и самой себе же и позавидовала. Сейчас почему-то вошла в такую степень азарта, что если бы в моей комнате был фотоаппарат, точно не сдержалась бы и наделала компрометирующих фотографий, как напоминание о том, какой у меня был мужчина. Понезилась, пощекотала соски, которые даже у сонного Фили отреагировали моментально, провела ладонями по широкой груди с небольшой порослью тёмных волос, спустилась к животу. Филя хоть сейчас и не занимался активно, но было видно, что в форме себя держит и бывшие мышцы не переросли в жир, а просто немного спрятались за усиленным питанием, но надави чуть глубже и наткнёшься на металл. Так и руки, так и грудь, так и живот, пусть немного отъеденный, но не пивной. Не отвисает, я вообще люблю такое строение тела, чтобы было за что подержаться. Вот сейчас смотрю на Филю и понимаю, что люблю, а раньше как-то не задумывалась.

На улице уже начало светать, а я всё ещё не налюбовалась на мужчину своей мечты, только теперь боялась лишней раз к нему прикоснуться, чтобы не разбудить. Спать расхотелось, хотя такие мысли пару раз и посетили, и захотелось творить. И сейчас у меня как раз будет время воплотить в жизнь то, что вчера я так усердно записывала, поэтому, быстро собравшись, вызвала такси и отправилась в ресторан.

Глава 9

Сказать, что Филипп Аркадьевич был удивлён, проснувшись в постели один, было нельзя, чего-то подобного он как раз и ожидал. Правда, без улыбки вспомнить о маленькой, но смелой птичке, было невозможно, поэтому, особо не расстраиваясь, поднялся, потянулся, на всякий случай натянул на себя брюки и вышел на поиски этой стержовки. Шум доносился со стороны кухни и Филипп Аркадьевич незамедлительно отправился туда, правда, увидел там не Ларису, а Андрея, который на появление на своей кухне постороннего полуголого мужчины, отреагировал слишком уж спокойно, только улыбнулся и кивнул.

— Доброе утро, Филипп Аркадьевич. — Бодро и слишком уж громко для утра поздоровался Андрей и кивком головы указал на стул у окна.

Филя присел, почесал затылок, осмотрелся по сторонам и сделал неутешительные для некоторых несознательных особ выводы: Лариса ушла.

— Доброе. — Отозвался нехотя. — А мать где?

— Я думал спит, но раз вы спрашиваете, значит, дома нет.

— Нет? А ты давно пришёл?

— К восьми. Кофе будете?

— К восьми... х-м, я бы перекусил чего-нибудь. А сколько, кстати, сейчас?

— Сейчас половина одиннадцатого. А насчёт перекусить, так это извините. Судя по

тарелкам, точнее, по их отсутствию, могу сказать что вы вчера и так уже перекусили.

От подобной наглости, Филя так и застыл с поднесённой ко рту чашкой растворимого кофе.

— А что, мать не готовит?

— Она готовит только в ресторане и вечером всё приносит. Только вы вчера съели запас на целый день.

— Вот как? Не готовит... Это принципиально или что-то нервное?

— В смысле? Почему не готовит?

— Угу.

— Нет, не нервное, просто мама посуду мыть не любит, а на работе это специальные люди делают. Она говорит, что мытьё посуды лишает её вдохновения. — Верно, Андрей пытался передразнить саму Ларису, потому как театрально взмахнул руками и закатил глаза, сопровождая всё это тягостным вздохом. — А дома посуду мою я, поэтому с мамой совершенно согласен.

— А посудомоечную машину приобрести не пробовали?

Андрей с иронической усмешкой ткнул ногой в один из ящичков под столешницей, дверцы которого искусно замаскированы под натуральное дерево.

— Вот она, родимая, как купили, так ещё ни разу и не воспользовались.

— Значит, ты голодный? — Сообразил Филя, но причиной тому была отнюдь не жалость к молодому и здоровому организму, а собственный голод, который и не думал утоляться чашечкой кофе, да ещё и растворимого.

— Вашими стараниями, Филипп Аркадьевич.

От имени, которое резало слух с самого детства и являлось издевательством в школе все десять лет (издевались, разумеется, девочки, потому что ребята пробовали, знают, что за это бывает, а вот бить заведомо слабого противника мало того, что не по-мужски, так ещё и бесполезно), Филя заметно скривился. Однако поднялся и уверенно начал шарить по всем ящичкам в поисках посуды для приготовления пищи и непосредственно саму пищу.

— Давай договоримся так, ты можешь смело тренироваться называть меня папой.

От услышанного Андрей на минуту прервал поиск пока чего-то неизвестного, к которому он приступил совместно с новоиспечённым родственником, потом ухмыльнулся, покачал головой, удивляясь чужой самонадеянности и поиски продолжил.

— А мама в курсе ваших далеко идущих планов... м-м... дядя Филя? — После косого взгляда в свою сторону, тут же добавил: — просто «папа» это слишком интимно для моего раннего организма, а начинать с чего-то надо. — И сдвинуто хмыкнул в сторону, пытаясь унять рвущийся наружу смех.

— Андрюша, давай сразу оговорим: можно уже перейти на «ты» и я тебя очень прошу, — при последних словах Филя скорчил такую физиономию, что Андрюше стало ещё веселее, — никаких «дядь» и никаких «Филь». Можно просто Фил.

— Мне кажется это не совсем то, что соответствует нашему уровню общения.

— Нет, это самое то. Понимаешь... дядя... как бы тебе объяснить, — тут Филя нашёл сковороду, чему несказанно обрадовался, но вспомнил о священной миссии налаживания контакта с младшим поколением и замер с предметом быта в руках, — это та же тётя, только... только...

— Только дядя. — Подсказал Андрей и уже смело хихикнул.

— Вот именно. А я на тётю не похож, поэтому бери то, что предлагают и не имей

привычки торговаться.

— Замётано, Фил.

Но сказал он «Фил» таким манером, словно с подобным себе подростком общается, так что слух оно резало ничуть ни меньше, чем «дядя».

— Так, яйца у вас, надеюсь, есть?

— Не у вас, а у меня. Мама продукты покупает крайне редко. И, да, яйца есть. В холодильнике.

— Значит, ты всё же иногда готовишь. — Подметил Филя и заподозрил возможного пасынка в укрытии фактов.

— Нет, я пью их сырыми. Дома у нас готовят только кофе, который ты, собственно, уже опробовал.

После упоминания о кофе, желудок издал требующий звук и бактерии в нём, несколько раз пнули обладателя ононого по слизистой, мол, поторапливайся, ты здесь не один.

— Ладно, давай готовить яичницу. Ты не против?

— Это для меня как деликатес, так что давай. А что там у вас с мамой? Серьёзно? Я, в смысле, с её стороны, с тобой мы вроде как разобрались.

— С её стороны тоже всё серьёзно, но по поводу моих планов она не в курсе. И ты не спеши её радовать. — Нахмурился Филя и недоброжелательно взмахнул ножом, который взял для измельчения внезапно обнаруженной зелени.

— Не знаю тогда... мама, она сложный человек в плане длительных отношений. Предпочитает не затягивать, скажем так. Хотя... — Андрей задумался, почесал коротко стриженный затылок. — Хотя сам тот факт, что ты ночевал у нас, кое о чём говорит.

— Вот как? — Зажевав веточку зелёного укропа, Филя загрузил всё, что с таким усердием измельчал и посвятил своё внимание юному эксперту в отношениях. — И что в этом удивительного?

— Ты. Здесь. Но-че-вал.

— И-и?

— И ты первый мужчина на моей памяти, кому удалось уломать маму на подобный номер. Да ещё и не был изгнан после ночи любви.

— Серьёзно? А это мысль... молодец! Ты просто кладёшь информации. Я твой должник.

— С тебя спарринг. — Не задумываясь выдвинул парень свои условия, а Филя от такой наглости прифигел.

— Что?

— Спарринг.

— Губу закатай, малыш.

— Это моё условие.

— Условия будешь дружбанам ставить, а ты сейчас с кем разговариваешь?

— Э-м... с будущим папой? — Воспользовался стервец информацией и Филя быстро пожалел, что поделился ею так рано.

— Вот именно. И ты не смотри, что у меня тренировочных часов мало. Весовую категорию и опыт ещё никто не отменял.

— Ладно, тогда этот разговор откладываем до лучших времён. Больше ничего ты от меня о маме не узнаешь.

— Огонь выключай, торгаш. — Рыкнул Филя, понимая, что против пацана не попрёшь.

— Вот и славненько. — Потёр руки Андрей, предвкушая скорый бой, достал лопатку и

быстро разложил приготовленную яичницу по заранее подготовленным тарелкам.

— Что ещё я должен знать?

— Ну, таким мелочи как цветы и побрякушки маму не берут, это не будет иметь никакой ценности в плане развития отношений, но приятно будет точно.

— Допустим, только ты, давай, что-нибудь посуущественнее.

— А если посущественнее, то её сразу нужно брать в оборот, пока не почувствовала свою власть, потому что в противном случае она превратится в диктатора и сказать что-то против её слова будет нереально.

— Это лучше.

Филя уплетал яйца и думал, думал. Он и сам догадывался, что с Ларисой всё не так просто, потому и медлил, приучал к своему присутствию в её жизни, а вот теперь всё стало на свои места. И малец, безусловно, прав, церемониться с ней будет большой ошибкой, а вот показать, кто в доме главный, это вполне реально.

— Слушай, а когда мама придёт? Во сколько, кстати, ты говорил пришёл сам? В восемь?

— В восемь. Только мама не придёт.

— С чего ты взял?

— Хотя бы с того, — задумчиво произнёс Андрей, застыв с вилкой у рта, — что уже почти одиннадцать, а в двенадцать начинается смена. Выходной у мамы всего один и он не сегодня, а завтра. Так что она не придёт.

— Отлично! А почему ты мне сразу об этом не сказал? — Филя бросил и вилку, и нож, осушил уголки губ поданной Андреем салфеткой и успел надуться и нахмуриться.

— Так, ты не спрашивал, а сразу: называй меня папой! Да я и не думал, что это важно. Если уж она тебя дома оставила.

— Ладно, посуду помоешь, — на ходу крикнул он Андрею, который успел пожалеть, что пригрел и накормил родственничка, — я к Ларисе. И ей ни лова, как договаривались.

— Иди уже, герой-любовник.

И герой пошёл, точнее, поехал, потому что успеть хотелось до начала смены. Разговор предстоял непростой, но стратегически важный в завоевании главенства и доверия, поэтому на месте он был уже через полчаса. Вошёл через служебный вход, для охранника хватило одного взгляда, и сразу пришла мысль, что тут поувольнять всех к чёртовой матери пора: кого попало в ресторан пускают. На кухне уже весело щебетали две посикушки, на Филю посмотрели с интересом, но когда он остановился у кабинета Ларисы, притихли.

— Чтобы полчаса никто и близко не подходил. — Рыкнул он и те дружно и синхронно кивнули. — Дурдом!

Выйти на шум на кухне я не успела, моя дверь быстро открылась и в проходе появился недовольный Филя, но вызвал не удивление, а умиление, зол он, видите ли.

— Доброе утро, родная, что ты тут делаешь?

— Доброе, Филипп Аркадьевич, у меня к вам тот же вопрос.

Такое приветствие его совсем не обрадовало и через пару секунд мои руки были лишены возможности двигаться, а размякшее от знакомого запаха тело, отказывалось сопротивляться.

— Лариса, — вкрадчиво начал он, взглядом изучая моё лицо, глаза, словно проверяя на наличие повреждений, — какого чёрта? Ты спала вообще?

Не спала и не собиралась, Филя оказался мощнейшим энергетиком, поэтому всё утро я трудилась на благо Лёнчика, который даже не завтракал, в предвкушении дегустации. Но Филе этого знать не стоит.

— Разве я похожа на работа? — Усмехнулась, ластясь о колючую щетину, путая в ней свои волосы. — Спала, только недолго. Разве у тебя такого не бывает? На работу хочется так, что просто сил нет?

— В утро, когда я просыпаюсь с красивой девушкой? Нет, не бывает. И просыпаться один после такой ночи я не имею привычки, поэтому ты мне кое-что должна.

Поцелуй не заставил себя ждать. Не такой как ночью, не такой как после работы, а более глубокий, более напористый, как его приказ, как моё подчинение. Долгий, мучительный, отнимающий силы, а затем характерные движения бёдер и то, что упирается мне в живот, явно требующее внимания.

— Филя, работа, — проскулила я, освободив на секунду свои губы.

— Уже Филя, так быстро? А как же Аркадьевич? — Между короткими поцелуями, которыми осыпал мою шею и грудь, шептал он. — И причём здесь работа? Разве ты не знаешь, как полезен утренний секс?

— Филя, здесь негде...

Я пыталась, я старалась, но отпираться было просто бессмысленно. Вы когда-нибудь пытались противостоять толпе, наполняющей вагон в метро? Так вот, возбуждённый Филя это то же самое, непреодолимое обстоятельство.

— Стол, четыре ровные стены, а тебе негде?

Ничуть не стесняясь в своих характерных телодвижениях и в маршруте вездесущих ладоней, которые успели изучить не только то, что у меня под рабочим пиджаком, но уже усердно открывали новые территории и пространства, Филя одной рукой подхватил меня под попу и усадил на стол. Видимо, стена ему показалась не такой заманчивой. Зубами едва ли не вырвал несколько пуговиц, которые были сверху и мешали ему лицезреть грудь, с остальными я справилась сама, поддаваясь напору.

— Филя-а, у меня дверь не закрывается, — справлялась не только с ним, но и со своими желаниями, пыталась достучаться я до здравого смысла. Стучала, стучала, а потом усомнилась в его наличии и смолкла.

— Перестань, никто не войдёт.

Вот, мне бы его уверенность, я бы президентом стала.

— Филя, не надо.

— Я пришёл за утренней порцией любви и я её получу.

Борясь со мной за молнию на моих же брюках, уже практически рычал он.

— Ты проспал свою утреннюю порцию.

— А мне показалось, что одна милейшая стервочка её у меня безбожно украла.

Я не отдавала ни одного сантиметра обнажённого тела без боя, пока Филя не изловчился и не вытряхнул меня из одежды, и если раньше ещё возникала такая мысль, как скрыться от этого маньяка сексуального на кухне, то в нижнем белье я туда точно не побегу. Теперь я была зажата в углу собственного кабинета, в который по неосторожности заскочила, скрываясь от преследования, спиной к стене, которая, как только что выяснилось, ничуть его не смущала. Между моих ног довольно-таки фривольно устроился Филя, его губы успокаивающими поцелуями ласкали шею, одна рука помогала в удержании меня на весу, вторая же, активно раскатывала презерватив. Но никакой мне в этот раз томительной ласки

и желанной нежности, рано, рано его хвалила! Похотливое животное, которому даже мои трусики не помеха, а так, препятствие, которое можно легко подвинуть в сторону. Все движения резкие, уверенные, достигающие цели, взгляд глаза в глаза, тяжёлый, обвиняющий, дыхание ровное, размеренное. Филя вчера и сегодня — это два разных человека, две разные стихии, такие непохожие, но такие желанные. И с каждым его новым толчком, всё больше свыкаюсь с мыслью, что именно этого я и хотела, этого ждала и на это надеялась. И вся его напускная жёсткость подстёгивает меня, заставляя забыть себя, отдаться желанию, повиноваться его воле, и, возможно, впервые в жизни, быть ведомой, ни на что не отвлекаясь.

— Тише, моя хорошая. — Шёпот где-то в районе виска. — Ты ведь не хочешь, чтобы тебя бежали спасать?

И мне приходится закусить губу под его ликующую улыбку, но движения становятся всё менее сдержанными и всё более порывистыми, дыхание сбивается и обжигает моё лицо, а требовательные губы срывают всё более жадные поцелуи. Пальцы впиваются в тело, оставляя заведомо яркие следы, которые вскоре контрастом выделяться на белой коже. Оргазм пришёл резко, неожиданно, буквально вклинился между остальными ощущениями, скрывая их за своей мощью и стон стал громкий, неконтролируемый, а его поцелуй, поглощающий стон, глубокий и властный.

Быстро отдышавшись, мы разошлись в разные стороны. Ну, как разошлись, Филя отлепил меня от стены, усадил в кресло, а сам бесцеремонно копался в ящиках стола, пока не нашёл упаковку салфеток. Привёл себя в порядок, присел перед креслом на корточки, теребя руками мои стопы и посмотрел на бездыханное, не способное на сопротивление тело со снисхождением.

— И запомни: я не люблю такие сюрпризы! Если я уснул с тобой, то и проснуться хочу с тобой. — Грубо, чётко, никаких поблажек. Подтянул моё лицо за подбородок, ещё один властный поцелуй, вытягивающий кровь к губам. — Я вечером заеду.

— Филя, завтра выходной, я не оставлю машину здесь! — И, кажется, это единственное, что заставило меня возмутиться.

— Давай ключи, мой водитель подгонит к твоему дому.

Протянутая к моему носу ладонь словно не оставляла вариантов, и я нахмурилась. Продолжая своё жалкое противостояние, показательно скрестила руки, возмущённо отвернулась. И, услышав вздох, поняла, что не так уж и жалко выглядит моё представление. Филя повернул моё лицо к себе, попытался улыбнуться.

— Ларис, если ты не поняла, то говорю чётко и ясно: между нами не только секс, я хочу отношений и надеюсь, что ты меня в этом поддерживаешь. Я беспокоюсь о тебе, поэтому и хочу забрать. Ты не спала двое суток и вряд ли поспишь в воскресенье, потому что в ресторане каждый выходной аншлаг.

— Ты такой заботливый, что мне сейчас станет стыдно за свою мелочность. И раз уж у нас отношения, побуду доброй тётенькой и покормлю тебя.

Филя так резко подскочил, и не скажешь, что мужику под сорок.

— Ларис, у меня встреча и вообще... — Отмахнулся, натягивая рубашку, взглядом выискивая пиджак.

— И слышать ничего не хочу! Ты голодным от меня не уйдёшь!

— Да? — Филя развернулся в дверях и усмехнулся. — А прозвучало так, словно я вообще от тебя никуда не уйду.

На самом деле, в этом он оказался прав. Именно это я и хотела сказать, но вовремя опомнилась, раз уж сам об отношениях заговорил. С Филей, как бы это грубо ни прозвучало, удобно. Как угодно можно это описать, но по моим ощущениям, вот он, мой человек, которому не стыдно признаться в своих страхах, рассказать об ошибках, посмеяться над тем, как упала в лужу или поплакать над тем, что тебе отдавили ногу. Многие скажут, что в период влюблённости так у всех, но у меня так ещё никогда не было. Скажу больше, даже своему мужу я никогда толком не доверяла, и ведь как знала! А с Филей иначе, но об этом я больше ни-ни, боюсь сглазить и вообще, лучше продолжать делать вид лёгкой обречённости от его общества, нежели вешаться на шею.

А пока я размусоливала свои заумные мысли, Филя ждал, видимо, про встречу сказал так, для красного словца, потому как не поторапливал меня, не смотрел круглыми глазами на часы, не одёргивал нервно край пиджака. А я в это время неспешно одевалась. Ну, как неспешно, до начала рабочего дня у меня целых две минуты, за которые нужно не только одеться, но и завернуть обед, поэтому понятие неспешно для меня оказалось очень растяжимым, точнее, сжатым. Раскрыв дверь и не заметив за ней любопытствующих ушей, я только подивилась, какие у нас тут все приличные... До этого подобного не наблюдалось. За рукав провела Фильку к столу, на котором и расположила новые яства, а пока искала упаковочный материал, этот, который не голодный, уже запустил два пальца в сковороду.

— Эй, куда? — Только и успела выкрикнуть я, но бросила это гиблое дело, так как кусочек нежнейшей свинины отправился в рот, а блаженно закрытые глаза умилили меня, предлагая заткнуться.

— Обалденно вкусно, — не до конца прожевав, выдал он вердикт, — а почему я раньше этого не пробовал, мне казалось уже заказывал всё мясное из вашего меню?

— Это новый рецепт, только ты соус забыл.

— Соус — это вот это?

И, не дожидаясь каких-либо указаний, Филя достал ещё кусочек мяса, всё так же, пальцами, окунул этот кусочек и пальцы следом в небольшую соусницу и как котяра потом слизывал все капельки с руки.

— М-м, необыкновенно. — Простонал он и я обиделась: во время оргазма он так чувственно не стонал. Кажется, я уже говорила, что он животное? Так вот, это утверждение ещё разок подтвердилось.

— Филя, прекрати. Если Лёня увидит, будет трагедия. — Отгоняла я этого ненасытного, закрывая посуды своим хрупким телом. — Он такой чистоплюй, что становится порой невыносимым, если увидит, как ты полощешь пальцы в общей тарелке, получит разрыв сердца.

— Он его уже получил, потому что стоит и не дышит на противоположном конце кухни. — Заржал этот гад, ещё разок облизнул пальцы, клюнул меня на прощание в щёку, отобрал собранные пакетики и был таков.

А вот Лёня только пришёл и никуда не спешил, поэтому ему я смогла лишь широко улыбнуться, подмигнуть, и, не получив в ответ никакой реакции, поджала губы и снова улыбнулась.

— Иди уже сюда, страдалец.

— Я не буду это есть. — Не двигаясь с места заявил Лёня и окатил меня презрительным взглядом. А то! Нарушена многолетняя традиция право снятия первой пробы.

— Ну, перестань, ты просто не знаешь, как это вкусно.

Как пример, я и сама, нарушая все правила приличия, ложкой залезла в общую тарелку и, как и Филя минуту назад, закатила глаза.

— Лариса, это как минимум издевательство. Ты же знаешь, что я неприемлю...

Лёня ещё говорил и говорил, а я смаковала и облизывалась, не особо вслушиваясь в его слова, пока он, идя на аромат, не оказался совсем рядом и не стал с ложкой в руках.

— А где же твои неизменные нож и вилка, товарищ эстет? — Подмигнула я.

— Лариса, только Люсе не говори. Не такой уж я и принципиальный, просто не хочу уступать ей в некоторых вопросах, и, зная о моей неприступности, она перестаёт спорить, вот и приходится мучиться самому и мучить окружающих.

Наворачивая одну ложку за другой, уплетал обед Лёня. На меня практически не смотрел, изливал душу, а когда окончательно наелся, даже поблагодарил.

— Только не говори, что это он на тебя так благотворно влияет. — Вытирая губы салфеткой, вернул меня на землю Лёня.

— Даже не спрашиваю, кого именно ты имеешь в виду. Не хочешь, кстати, рассказать, что вы обсуждали в прошлое воскресенье?

— Не хочу. Весь мозг мне вынес, и тебе я удивляюсь: ты же всегда обходила таких стороной.

— Каких таких? — Не обращая внимания на серьёзный тон, мечтательно лыбились я.

— Которые всё решают за тебя.

— В смысле? Ты о чём?

— Да, судя по всему, ни о чём. Сама поймёшь, когда созреешь.

— Фу, противный какой! — Я толкнула его кулаком в плечо, а потом для верности добавила. Конечно, в чём-то он прав, и, конечно, я Филью знаю слишком мало, чтобы делать какие-то выводы, но и вестись на сплетни в мои привычки не входило, а сейчас нечего уже начинать и что, кстати, он имел в виду, что это он за меня решает?!

Лёню я тоже с кухни спровадила, а тут и работа началась, первые клиенты, первые заказы, первые приказы с моей стороны. И, как Филя и предрекал, ни одной свободной минутки и к концу смены я была рада, что за мной заедут, а не придётся тащиться на машине самой. На стоянке ресторана уже ожидала знакомая иномарка, но в моей памяти осталось лишь несколько приветственных поцелуев, эротичное, тихое нащёптывание, а следующим пунктом стало «доброе утро страна», причём это не какая-то программа для ранних пташек, а моё собственное утро, которое началось часов в двенадцать дня. И началось оно с кошмара: на моей кухне, можно сказать, девственной, не опробованной, хозяйничали эти мужланы, пачкая сковороды, перемазывая какой-то слизью, которую между собой называли подливкой, потом был мой невнятный вой и снова тишина, из которой я вышла практически как из обморока. И самое главное: в глазах напротив ни капли раскаяния, ни капли расстройства по поводу порчи чужого имущества. Лишь тёплая улыбка, которая для меня была словно издевательской. Окончательно пришла я в себя, когда эти два проглоты уже всю трапезничали.

— Нет, ну, ничего так, конечно, но у мамы как-то лучше получается. — Красиво вышел из некрасивого положения Андрей и посмотрел в мою сторону, видимо, на нетронутую тарелку.

Не выдержала я этого взгляда, попробовала, и, знаете, меня не перекосило, хотя это было вполне ожидаемо, я не только прожевала, но и проглотила, а впоследствии оценила блюдо до уровня «есть можно».

— А что это, собственно, происходит? — Наевшись, или, скорее, набив желудок, обрела я дар речи.

— Ты о чём? — Невинно хлопая ресницами поинтересовался Филя, попутно предлагая Андрею добавки.

— Я о том, что вы... нет, что ты, делаешь на моей кухне, а главное, зачем ты это делаешь?

— Мы вчера это обсудили.

— Не помню такого. — Настаивала я, удобно устроив руки на поверхности стола.

— Лариса, я предложил тебе встречаться, ты согласилась.

— Ты точно со мной разговаривал?

— Я уже начинаю в этом сомневаться. — Вслед за мной начинал заводиться Филипп.

— Может, пора откланяться? — Протянутая рука в сторону двери красноречивее всяких слов.

— А мне кажется, пришло время для чая. — Вспыхнул радостью как лампочка Андрей, и, не давая мне возможности осадить его на место, уже побежал к чайнику.

— Филипп?

— Лариса?

— Давай выйдем. — Теряя всякую надежду на взаимопонимание, мертвецким тоном заявила я.

— Мам, у тебя сейчас такое лицо, словно ты Филу собираешься набить морду.

— Как?

— Морду набить. — Через плечо уточнил Андрей, не спеша посмотреть мне в глаза.

— Филу, значит? А ничего, что я тут ещё сижу? У вас отличный тандем, мальчики.

— Лариса, если ты не возьмёшь себя в руки, то я действительно с тобой выйду. — Убийственно спокойно пригрозил Филя, чем поставил жирную точку.

— Как раз об этом я и просила.

Не давая времени переварить услышанное, я вышла из кухни, но в спальню не пошла, уже поняла, что это для меня слабое место, вышла на лестничную клетку, так как давно не радовала соседей, а если быть точной, то ещё ни разу с момента переезда.

— Говори. — Скрестил на груди руки Филя и принял угрожающую позу.

— Филя, я не впускала тебя в свою семью и ты торопишь события. — Нравоучительно пропела я свою арию.

— Лариса, — в тон мне продолжил арию Филя и напрягся ещё больше, — мне кажется, ты поняла, что приглашения я не жду, а если и жду, то очень недолго, поэтому все твои претензии к рассмотрению не принимаю.

— Не нужно говорить со мной своим шефским тоном. — Попутно выходя из себя, я бесцельно тыкала пальцем в пространство.

— Не буду повторяться, а лишь соглашусь с вышесказанным.

— Мне кажется или ты меня специально раздражаешь?!

— Мне кажется или ты хочешь от меня избавиться?!

Я выдохнула, чтобы не лопнуть, как мыльный пузырь, спустилась на один пролёт вниз и повернулась к окну.

— Не нужно от меня отгораживаться, и не нужно повышать на меня голос. Я и так знаю, что ты сильная, что ты привыкла быть главной. Просто теперь главным буду я, а тебе предлагаю расслабиться и получать удовольствие от процесса.

Филя договорил и скрылся в квартире, а я ещё постояла у окна и у этого же окна спросила:

— А когда ты уйдёшь, кто будет собирать меня по осколкам?..

Не дождавшись ответа от бездушного пластика, опустила голову, вздыхая, ещё с минуту помучалась сомнениями, а потом преспокойно вернулась в квартиру, где уже вовсю пили чай, и сделала вид, будто всё хорошо. В некотором плане всё и правда было хорошо и лишь моё знание жизни и её подлостей не давало до конца поверить в происходящее.

Глава 10

Но я старалась, я училась доверять, и получилось у меня расслабиться на удивление быстро, поэтому уже через неделю я не помнила, как это было до него. И в следующий мой выходной на приглашение заехать к Филю в гости, так сказать, прицениться, я ответила бесповоротным согласием. Так как всю предыдущую неделю он торчал у меня, пришлось заехать в магазин, затариться продуктами, и с полными руками покупок (четыре пакета у Филя и два скромненьких у меня), мы оказались в просторной гостиной.

Квартира была огромной, близко к центру, но не на проспекте, что значительно улучшало её качества жизни, хороший ремонт, богатая отделка, добротная мебель. Суровая мужская реальность глазами женщины-дизайнера. Именно так я бы обозвала этот проект. Минимализм, наполненный некоторыми вроде бы важными брутальными безделушками. Не знаю, как кому, но мне уже само словосочетание «брутальные безделушки» не внушает доверия, но никак иначе обстановку на немногочисленных полочках, я назвать не могу. Филя сразу потащился на кухню, которая мне на зависть была просто невероятных размеров, удобной на первый взгляд, а так же оснащённой по последнему слову техники, словно Филя только и делает, что готовит. А вот мне он предложил самостоятельно проэкскурсировать помещения и потом уже высказывать какие-либо мнения. И я пошла. Комнат оказалось больше, чем подумала, но описывать интерьер, плитку в ванной, и даже говорить, что неожиданностью для меня стало наличие там биде, будет не самым уместным, если перейти к сути. А суть эта заключалась в том, что когда я вошла в спальню, окрашенную в приятные серо-синие тона, на широченной кровати под тёмным пледом непонятного оттенка кто-то шевельнулся. Обычно, первая моя реакция в таких случаях закричать, но именно сегодня я решила себе изменить и с лицом героя американского блокбастера, да ещё и вооружившись декоративной подушечкой, направилась проверять, что к чему. Честно, даже не удивилась, когда под пледом оказалась спящая, и, что немаловажно, трезвая девушка, больше я бы удивилась наличию кошки или собаки, но и радости от своего открытия особой не испытала. Но, по крайней мере, в подушке я больше не нуждалась, и всё так же, на цыпочках, прокрадась обратно, нашла место усиленного шуршания — кухню, и ошарашила хозяина известием.

— Филя, а почему в твоей постели, ведь это именно твоя постель, потому что по тайному замыслу дизайнера, в твоей огромной квартире всего одна спальня, так вот, почему там спит девушка?

На мой замысловатый вопрос, я получила простейший ответ в виде «Я не знаю» и пожимания плечами. Не сказала бы, что Филя был особо растерян, хотя растерянным я его ещё не видела, поэтому к делу, точнее, к девушке. Посмотрев под плед точно так же, как сделала минуту назад я, Филя улыбнулся, затем подошёл к шторам и широко их распахнул,пуская в комнату дневной свет.

— Болезная, ты что здесь делаешь? — Достаточно громко для спящего человека спросил Филя, но девушка не подскочила и даже не дрогнула.

И только спустя несколько секунд она зевнула, потянулась и всё так же, не открывая глаз, вступила в диалог.

— Эх, ты, Простофиля, такой сон спугнул... — От такого приветствия я не смогла сдержать улыбку, а вот Филя смутился, явно такого подвоха со стороны спящей не ожидал. — Чего так орать-то?

И повернулась на другой бок, устраиваясь удобнее.

— Сестра. Младшая. — Словно констатировал он и содрал с неё плед полностью, ничуть не смутившись женского тела в одном белье.

— Ты животное! — Завопила жертва нашей экскурсии и, наконец, раскрыла глаза, узрела меня, кивнула. — Охренел, что ли, гости в доме, я а без одежды! — Тут же наехала недовольно, а Филя снова впал в ступор. — Вы извините его, он немного дикий. Меня Маша зовут.

— Лариса. — Кивнула я. — Вы... наверно... одевайтесь, я на кухне побуду.

Не сказать бы, что поверила в родство этой парочки, очень уж странно Филя о нём заявил, то ли себе, то ли мне, то ли непосредственно девушке сообщил, ху из ху, но вежливость превыше всего, да и я, не так чтобы размечталась и раскатала губы. В общем и целом, пока могу выйти из игры без потерь. Ну, это я себя так утешала, размешивая кипяток без заварки и сахара.

— Помочь?

На кухню первая вошла Мария и мне вдруг стало легче, то, что Филя не бежал вперёд этого милого паровоза ростом с меня, да и весом тоже, словно знак его правдивости.

— Помочь в чём?

— В поисках заварки, хотя бы.

— А-а... — Умно изрекла я и продолжила незамысловатое занятие.

Маша присела за стол и уставилась на меня без особого стеснения.

— Если я предположу, что ты не сестра, это будет совсем странно с моей стороны, как считаешь? — Всё так же, глядя в чашку, начала я с точки соприкосновения.

— Я считаю, что это поймёт любая здравомыслящая женщина. Что может быть общего у меня и этого орангутанга? — Хихикнула она в кулак. — Я так понимаю, власть меняется?

— В смысле?

— Ну-у, — с намёком потянула Маша и я, наконец, вспомнила, что разговор ведётся не по телефону и глянула на простенькое, немного детское личико, заспанное, с красненькими глазками, но при этом девочке и самой под тридцать.

— Уже и не знаю, что думать. Мысли о том, что он так решил меня отшить, не поддерживаю, а никаких других пока нет.

— И это тоже правильно. Да ты вообще, как я погляжу, отличная такая, классная девчонка. Как это ему с тобой так повезло? Другая бы тут рвала и метала, оттаскала меня за волосы, и только потом спрашивала, а ты ничего, держишься. Только передо мной можешь не стараться, вижу, что запала на Филю.

— И всё-таки? — Бросила я своё бесполезное занятие и присела напротив.

— Ну, никому не говорила — тебе скажу, потому что ты мне понравилась и вводить в заблуждение единственную женщину которая мне понравилась за последние лет десять, я не стану. Я не сестра. И, предшествуя твой следующий вопрос, сразу скажу, да, мы с ним спали, но был это настолько давно, что вполне можно считать неправдой. Да и мне иногда кажется, что сам Филя этот факт из своей биографии стёр бесследно. На данный момент, как и последние двенадцать лет, мы друзья, и всегда ими были, сегодня я здесь оказалась совершенно случайно, с вечеринки было близко, а ключи у меня есть. Но сейчас вижу,

«прынец» мой в надёжных руках, можно ключи презентовать тебе.

При этом Маша тут же полезла в сумочку, которая висела на стуле неподалёку и изъясла оттуда связку.

— Более ваш покой нарушать не буду, клятвенно обещаю. — По-клоунски склонила она голову и протянула ключи мне.

— Мне кажется, это решение преждевременное.

— Тебе кажется. — Буквально силой она втокнула холодный металл в мою руку. — За те двенадцать лет, что мы с Филей знакомы, ты первая женщина, которую он привёл в свой дом, представляешь? Он не импотент, но, думаю, ты об этом знаешь, но встречаться всегда предпочитал на нейтральной территории. Так иллюзий меньше. Женщин у Филя, конечно, было тьма, стервы в основном, я их на дух не переносила, а они меня и вовсе ненавидели.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Полагаю, за то, что ты находишься ближе, чем они сами?

— Именно. — Довольно поддакнула Маша моему пониманию. — Я же сказала, мы друга поймём с полуслова. И тот факт, что ты сейчас здесь, для меня говорит об очень многом, так что не сомневайся, Филя созрел для серьёзных отношений.

— А где он сам?

— Я отправила его за мартини.

— ???

— Я тоже с утра не пью, но нам нужно было поговорить и он это понимает, потому что был бы здесь третьим лишним и ни за что не дал бы мне рассказать той правды, которой не знают даже его самые близкие друзья. Но, как я уже сказала, ты должна знать больше, чтобы не было потом непоняток.

— Ты так во мне уверена?

— В том, что мы поймём друг друга? — Я кивнула. — Абсолютно. Вот скажи, у тебя есть такие подруги, которые знают о тебе всё-всё?

— Нет.

— И у меня нет. А почему?

— Почему? — Незаметно вовлекаясь в разговор, я уже жевала вафельку.

— Потому что и тебя, и меня считают стервами. Всем удобнее так считать, ведь ни на что большее они не способны, поэтому близко мы этих дам не подпускаем. Так?

— Так. — Усмехнулась я.

— Вот, а что мешает двум умным женщинам, таким как мы с тобой, найти общий язык, тем более, что общая тема для разговора, скоро придёт из магазина?

— Я уже пришёл, трепушка. Что успела насплетничать? — Проворчал из коридора Филя.

— Пока только про троих наших малышей, злую тёщу и больной зуб, который ты запрещаешь мне лечить по религиозным соображениям.

— Тогда всё в порядке. — Филя вошёл на кухню, как и предполагалось, без мартини, потрепал по спутанным волосам Машу, чмокнул в щёку меня. — Лариса, это Маша, я от неё не могу отделаться уже много лет, поэтому и тебе пытаться не советую, тут проще согласиться, чем бегать и доказывать. К ней не ревновать, потому что она для меня существо бесполое и у неё в друзьях одни мужики, которые скажут тебе то же самое.

— Ты Простофиля.

— А ты Простомаша.

И так целый день, за который Маша так и не ушла. Она ещё долго вещала о том, какой Филя неблагодарный скот, сколько сил она в него вложила, а перед уходом сунула свою визитку и наказала звонить, если этот гад начнёт выкобениваться и откажется жениться. Могу сказать одно: она мне нравится, несмотря на то, что является моим зеркальным отражением не только внутренним содержанием, но и внешне, мы очень похожи. Ещё я могла с уверенностью заявить, что одна подруга, которая вскоре будет знать всё, у меня уже есть.

После ухода Маши тишина просто давила на уши, Филя сидел на полу с бокалом вина у искусственного камина, а я присела рядом с ним и вытянула ноги вперёд.

— А что у вас с ней на самом деле? — Стараясь заглянуть в глаза, спросила я у Фили. Не то, чтобы не доверяла Маше, но хотелось бы выслушать и вторую сторону.

А Филя отвечать не спешил, смотрел на огонь, пил вино, чему-то улыбался.

— Лариса, а ты веришь в дружбу между мужчиной и женщиной? — Он, наконец, посмотрел в мою сторону, и, знаете, я ему верила.

— Дружбу после секса?

— Разболтала, мелкая. — Ничуть не злясь, улыбнулся он. — Да, в дружбу после секса.

— Смотрю на вас и верю.

— И правильно делаешь. Маша, она как семья, будто всегда была, есть и будет. Человек, которому я доверяю иногда даже больше, чем самому себе и это не просто красивые слова.

— Вас что-то связывает?

— Если ты хочешь узнать, не убили ли мы кого-нибудь вместе, то нет, перед законом чисты, как слеза ребёнка. Так иногда случается, что люди находят друг друга, вот и мы не прошли мимо.

— А при чём тогда секс?

— Да вообще ни при чём. Просто так случилось и всё. Если честно, то уже на следующее утро я сожалел об этом. Не в том плане, что она была мне не нужна, просто Машка человек такой, которого обижать не хочется. Открытая, честная, хочет добиться в жизни чего-то лучшего. И вообще, идеальным выходом для меня на тот момент казалось исчезнуть из её жизни так же внезапно, как и появился, мне казалось, что она влюблена и успела себе не весь чего напридумывать. Но просчитался: она очень умная, вот, как ты. — Филя подтянул меня ближе и чмокнул в щёку. — Сама дружбу предложила. Я, конечно, сопротивлялся как мог, но потом втянулся и уже не представлял жизни без неё. И я сказал тебе про сестру, так это практически правда, если исключить тот единственный эпизод. И, что удивительно, тебя она не облаяла, а сидела вон, улыбалась, это показатель.

— Специально познакомил?

— Нет, но познакомить собирался — мне важно её мнение. Не в том плане, что она говорит «нет» и я соглашаюсь, а в том плане, что она должна быть в курсе, что в моей жизни теперь всё иначе. Добавлю ещё... я такой, какой есть, только благодаря Маше. В тот момент, когда от меня отвернулись друзья и родственники, она осталась рядом, единственная захотела помочь и это для меня многое значит. Люди вокруг меняются, а Маша всегда остаётся на своём месте.

— Тебе с ней повезло, у меня таких друзей нет.

— Это да. Слушай, поехали к тебе, что-то мне здесь уже неуютно. — Филя обнял меня одной рукой, подтягивая за шею ближе к себе, щёлкнул по кончику носа ножкой бокала, чем заставил улыбнуться.

— Вообще-то это твой дом.

— Дом, где нет тебя? Нет, так не пойдёт. Лучше к тебе.

Не знаю, что именно заставило Филю уехать, то ли разговор о прошлом и о Маше, то ли, действительно, его менее обжитая холостяцкая квартира после моей тёплой и уютной, не привлекала. В любом случае, мы отправились в ночь на другой конец города, где нас поджидал приятный, а может, и не очень, сюрприз, в виде моей мамы.

— Сюрприз! — Так и сказала она нам, встречая в тёмной комнате.

Мама сидела без света, с бокалом привезённого из Италии вина, попутно покуривала тонкие женские сигареты с вишнёвым ароматом, а когда ввалились целующиеся как школьники мы с Филей, сделала соответствующие выводы.

— Мама?

— Э-м...

— Изольда. — Как пиранья улыбнулась она Филе на его невнятное мычание.

— Филипп.

— А по отчеству? — Не спуская планки превосходства, продолжала наступать она.

— Для вас можно без отчества.

— Лариса, это кто? — Верх небрежности и невоспитанности, в виде простецкого тычка пальцем в сторону моего мужчины.

— Мама, это Филипп, он...

— Только не говори, что он твой молодой человек.

В принципе, я настолько привыкла к моей маме, что стоять и переминаясь с ноги на ногу, пока она ведёт атаку, давно перестала, поэтому дёрнула Филю к дивану, а она продолжала сокрушаться.

— Мужчина, сколько вам лет? Я это к тому, что моя девочка не будет следить за вашим кардиостимулятором. Лариса, что он молчит? Пульс пощупай. В его возрасте волноваться вредно.

— Мама. С чего ты взяла, что он старый. Филя, тебе сколько лет?

— Тридцать шесть. — Пока ещё не улавливая смысла происходящего, на автомате ответил он, а я ведь и не знала, но мама как всегда вовремя.

— Кошмар, Лариса, где ты их берёшь? То задохлики, что без слёз не взглянешь, про последнего я и вовсе молчу, такое чувство, что он работал мумией в музее древностей. А этот лось, так, вообще, нет слов. Ты его прокормишь? Смотри, чтобы не было как в том анекдоте.

— Мама, давай ты не будешь рассказывать нам тот анекдот.

— Почему же? Очень познавательный, там в конце так и спрашивается: «... а стоит ли держать дома целую скотину ради двадцати граммов колбаски?». Филипп, вы, пожалуйста, вынырните из-за Ларочкиной спины, я не вижу вашего лица.

Я обернулась, а Филя и впрямь спрятался, оказалось, давится от смеха, Правда, это первый раз, когда на маман подобная реакция.

— Изольда, а вы не предполагали, что у нас с вашей дочерью любовь? — Переборов смех, серьёзно заявил Филя, действительно выныривая из-за моей спины.

— Любовь? — Мама натурально расхохоталась. — Вы на себя в зеркало давно смотрели? Морда кирпича просит, бычара, раза в три больше Ларочки, дряхлеющий на глазах, а всё туда же, любовь... Филя, а вы не выступаете на сцене в комедийном жанре?

— А вы?

— Я выступаю на арене с тиграми.

— Филя, — вступилась я за... раз уж он настаивает, то за любимого, — не обращай внимания, просто у мамы последний муж был моложе меня.

— И куда же он делся, Изольда?

— Пал смертью храбрых, чего и вам ожидать следует. Кстати, пока вы ещё в здравом уме, оповестите, будьте так любезны, вы собираетесь жениться или предпочитаете матросить?

— Мне обязательно отвечать сейчас?

— А вы хотели сделать это, когда Лариса сменит троих? Скажу по секрету, будет поздно.

— А вы у каждого потенциального жениха об этом спрашиваете?

— А вы считаете не стоит? Я была замужем восемь раз, и всегда меня упрасивали. На Ларису же никакие уговоры не действуют, поэтому договариваться нужно со мной, а я не люблю нерешительных мужчин.

— А зачем вам такой дряхлый зять?

— Мне ни к чему, но если у кого-то в голове пусто, то помочь ничем не смогу, придётся брать то, что предлагают.

— А вы точно мать?

— А с чего такие сомнения?

— Вы не очень-то похожи.

И тут Филя попал в цель. Нет, не по поводу того, что мы с мамой не родные, тут всё чин чинарём, а вот по поводу похожести, это да, это он прав. Мама, красавица, ростом метр семьдесят девять, модельной внешности, с потрясающим генеалогическим древом и такой же наследственностью. В свои пятьдесят два выглядела лет на пять старше меня, при этом чувствовала себя лет на пять меня моложе. Всегда одета с иголочки, с уверенным взглядом и острым язычком. Мне бы взять от неё всё самое лучшее, но природа пошутила и наделила лишь маминым неуёмным характером. Но самое смешное то, что и от папы я кроме конопушек по весне и рыжих волос не унаследовала ничего. Тоже был красавец мужчина, мама говорила, что режиссёр. На фотографии, так и вовсе принц голубых кровей, поэтому в детстве я частенько задумывалась, а не подменили ли меня в роддоме. И только когда родился мой Андрей, когда он начал расти, и особенно сейчас, знойный брюнет (как моя мама), атлетически сложен, высок ростом и широк в плечах (как мой папа), мальчик вобрал в себя всё то, чем была обделена я, хорошо, что от Эдика ему достались только мозги. И вот теперь, сидя напротив мамы, и глядя, как Филя оценивающе смотрит на неё, я понимаю, что вопрос как раз в тему. И особенно радуется, что ситуация его не пугает, а, скорее, забавляет.

— А на кого похожи ваши дети, Филипп?

— Надеюсь, будут похожи на мою будущую жену.

— Уже определились с выбором?

— Я думаю, над этим вопросом. А вы? Замуж не собираетесь?

— Собираюсь, поэтому и прилетела. — Мама посмотрела на меня и улыбнулась своей самой щедрой, обворожительной улыбкой. — Ларисочка, дочка, ты же помнишь Марко? Чудесный молодой человек. Он сделал мне предложение, как ты думаешь, стоит его принять?

— Стоит, однозначно. — Вклинился в её милое щебетание Филя. — Вы достойны лучшего.

— Спасибо, а вы милый. — Обрадовалась мама. — Я ещё подумаю на ваш счёт и, вполне возможно, решение будет в вашу пользу.

— Решение чего, извините?

— Стоит ли мне жить с вами или лучше побережь нервы и переехать в гостиницу.

— Ваши нервы?

— Ваши, Филипп, ваши. Это сейчас вам весело, а если меня видеть каждый день, праздник перестаёт быть таковым. — Мама стремительно засобиралась и, уже стоя в дверях, посмотрела на нас ещё разок. — Андрюшу пришлешь завтра ко мне, для него есть подарок, он знает, о чём я. Приятно было познакомиться, Филипп, надеюсь увидеть вас в добром здравии.

— Всего хорошего.

Дождались, пока дверь закроется и Филя рассмеялся в голос.

— Лар, это правда, твоя мама?

— А что тебя удивляет?

— Тот факт, что ты замужем не за принцем датским, Ларис. Ну, скажи теперь ты мне, я и правда такой страшный и старый?

— Ну, если ориентироваться на мамин вкус, то... однозначно. Но мне нравишься.

— И ты мне. Надеюсь, по наследству желание иметь молодых любовников не передаётся.

Тут мы вспомнили на чём, собственно, остановились и ночка обещала быть жаркой.

Жизнь кипела, бурлила, развивалась, как и наши отношения. Мы проводили вместе почти каждую ночь. Понедельник стал обязательным выходным и для Фили тоже, с этого дня переносились все встречи с друзьями и родственниками. Несколько раз мы вместе ездили на его дачу. С Машей я не теряла связи и, хотя каждая из нас девушка занятая, время посплетничать находилось всегда. Только вот не бывает так, чтобы масло масленое, и моему раю в шалаше пришёл неожиданный конец в виде бывшего мужа, а ныне успешного столичного бизнесмена Эдика Лавровского. Подкараулить меня у входа в ресторан оказалась его самой удачной идеей, потому что иначе разговаривать с этим ничтожеством я бы не стала, а так, под хорошее настроение, да после излюбленного Филей утреннего секса, готова выслушать любой бред, только бы поскорее. Поэтому, чётко кивнув ему на служебный вход, прошла вперёд, и не дума пресмыкаться и лебезить. Оккупировала кабинет Лёнчика, швырнула лёгкий плащ на кожаный диван, села на хозяйское место и посмотрела на ничтожество, стоящее передо мной.

— Говори, что хотел. У меня мало времени и совершенно нет желания с тобой общаться.

— А я, собственно не по твою душу. — Мерзко скривился Эдик, сел напротив и сложил ладони в деликатную лодочку. — Лариса, я хочу увидеть сына.

— ??? — Развела руками, выражая недоумение.

— И я не хочу, чтобы ты препятствовала нашему общению.

— ???

— И не строй из себя дуру, ты всё прекрасно понимаешь! — Рывкнул этот тип, а я окончательно расслабилась и широко улыбнулась.

— Эдик, я не понимаю, почему с этим вопросом ты пришёл ко мне. Если уж хочешь общаться с сыном — общайся, кто тебе мешает? Я что, вожу его за собой за ручку? Или,

может, ему пять лет и чужих дядек воспитательница не подпускает? А может, ты хочешь, чтобы я привела его на аркане?

— Просто не мешай.

— Каким образом? Ты, наверно, забыл, что мальчик уже вырос и сам принимает решения, повлиять на которые я уже не имею никакого морального права.

— Ему всего пятнадцать, что ты несёшь?! С твоей жадной властью и желанием подчинить, едва ли из него выросло что-то путное.

— Что ты сейчас от меня хочешь? — Непонимающе нахмурилась я в который раз. — Ты не простой смертный — привлеки людей, пусть срисуют тебе его внешность, номер телефона, расписание занятий — что угодно. А как ты с ним будешь встречаться, подкараулишь там, или пригласишь на аудиенцию, мне уже не интересно. Захочет с тобой разговаривать — поговорит, не захочет, тоже его право. Только ко мне больше с подобными вопросами не обращайся.

— Я так и знал, что ты никакая мать. Нужно было тогда Андрюху с собой забрать.

— Ну, ну. Тебе пора.

— Филиппа подцепила?

— Кажется, ты пришёл не по мою душу. — Напомнила, поторапливая взглядом.

— А мне интересно, — развалился в кресле Эдик, никуда не спеша.

— А мне нет. Проваливай.

— Да не парься, ты. Долго с тобой не задержится, не того поля ягода. Мы не один год знакомы и его я знаю как облупленного, вообще удивляюсь, как на такую, как ты, позарился.

— Не заговаривайся, Эдик.

— И не думал. Столько раз в саунах вместе девок мяли, вот и удивляюсь. Ладно, живи пока, радуйся. Когда ещё такого мужика прибьёт волной.

Напоследок в своей улыбке Эдик выплеснул мне порцию яда, в этот момент он больше напоминал крысу своим тощим тельцем, острым носом, и маленькими глазками, которые теперь скрывались за оправой дорогих очков. Но мама всегда учила меня быть уверенной в себе, за счёт чего я в своё время и выжила, а теперь мне его мелкие пакости и вовсе смешны и неудобны. Что же касается Андрея, то вопрос о его отце практически никогда не поднимался, уж не знаю, почему, но так оно и было. Он сам понял, что отца у нас нет и не будет, он сам понял, что мужчина в семье — это он, он сам принял определённые решения, которые мы так ни разу и не обсудили, не я была против — он. Я никогда не сомневалась в том, что мой мальчик уже давно мужчина, я видела, как его глаза излучают уверенность и ответственность, такую несвойственную детскому взгляду. Эдику не могу простить лишь того, что мой сын так рано повзрослел.

Это воскресенье было необычайно сложным, я всё думала о том, что они скажут друг другу, чем Эдик попытается привлечь Андрея, меня даже от работы отстранили, чтобы не портачила, так и сказали: «Чита! Иди в подсобку, так от тебя будет больше проку!». Лёня всё пытался выяснить, что да как, уже грешил на Филю, который вроде как и ни при чём, а я как раз вспомнила о той встрече, которая стала знаменательной и весьма полезной для нашей пары. В первый день я не спросила, чтобы не отвлекаться от более интересного занятия, потом и вообще об Эдике не вспоминала, а вот сейчас с удовольствием бы поговорила, только Филёк уехал по делам и обещался быть только к середине недели. Как всё не вовремя! Домой поехала пораньше, всё равно к плите меня не подпускают, Андрея застала на кухне, за приготовлением обеда.

— Привет. — Неуверенно, с опаской улыбнулась я, подошла ближе, приобняла за плечи, чмокнула в шею, пока он не мог меня оттолкнуть, и только после этого присела за стол.

— Мам, ты чего? Что-то случилось?

— Наверно да. — Не стала скрывать я. — Андрей, так получилось... в общем твой отец... — Знала, что Андрей не любит, когда я так говорю, поэтому закусил губу. — В общем, мы случайно встретились, и сегодня он заявил, что хочет с тобой познакомиться. — Я вырисовывала пальцем узоры на столешнице, взглядом повторяла движения руки, поэтому как переменялось выражение лица Андрея, не уловила. — Я должна была сразу тебе сказать, но...

— Мам, не нужно, он уже приходил.

— Что?! — Подскочила. И узоры мне больше не нужны, смотрела на сына, уловила и его напряжение, и его серые, потемневшие глаза, и упрямо подобранные губы.

— Он больше не придёт.

— Что он тебе сказал?

Тут Андрей рассмеялся, как ни в чём не бывало, перемешал содержимое сковороды.

— Мам, он предложил купить мне скутер.

— Скутер?

— Да, сказал, что в моём возрасте это очень увлекательно, даже успел пару слов бросить по поводу того, что у него таких возможностей не было, представляешь?

Я замерла, когда Андрей обернулся, а в глазах не смех, а лютая ненависть, меня даже передёрнуло от этого взгляда, сын всё понял и глаза опустил. Немного помолчав, добавил:

— Знаешь, я его себе таким и представлял... неудачником. И я не понимаю, как ты смогла с ним связаться, такая вся идеальная, самая лучшая...

— Я люблю тебя, ты всё, что у меня есть.

Обняла сына и прижалась к его груди как можно сильнее, знаю, что уже в следующую секунду он засмеётся, похлопает меня по плечам, деликатно отстранит, только бы не показать свою слабость, уязвимость, поэтому и ловлю такие мгновения.

— Я тоже тебя люблю. — Неожиданно добавил сын и только после этого напомнил, что у него горит мясо. Инцидент исчерпан и забыт, я счастлива, я открыта для новых отношений.

Но ведь всё так просто не бывает, правда? Поэтому вполне естественно было то, что в понедельник утром мне Эдик предложил встретится снова, а так как у меня в голове уже пару дней крутился один очень интересный кулинарный эксперимент, то встреча неизменно произошла в ресторане. Я как раз рубила зелень, когда он явился прямо на кухню. Спиной прислонившись к одной из стен, неприятно сверлил меня взглядом.

— Неужели так увлекательно? — Прохрипел он и я сразу же вскинула взгляд.

Бледный, с разбитой губой, ссадинами на скуле, широким пластырем заклеен лоб, рассечена бровь, а под глазом, который заплыл, красуется тёмный, практически чёрный кровоподтёк. С трудом сглотнув, я оценила и его тело. Несмотря на одежду, могла ясно сказать, что потрепали Эдика на славу. От болевых ощущений его всегда прямая спина сейчас ссутулена, голова втянута в плечи, руки при глубоком вздохе невольно поднимаются до уровня печени в правом подреберье.

— Никогда бы не подумал, что ты способна вырастить волкодава. Молодец, Лариска, постаралась.

— О чём ты?

Он хмыкнул, хотя такое действие тут же отозвалось резкой вспышкой боли во всём теле

и руки снова прикрыли печень.

— Не догадываешься?

— Андрей? — Почему-то спросила я, хотя... нет, в глубине души знала, что он ненавидит отца, но совершила ошибку, не поговорив об этом ещё в детстве. Сейчас моя ошибка имеет не только моральный подтекст, но и чёткие очертания.

— Сын. Твой.

— И что ты от меня хочешь? Могу предложить тебе лёд.

Вдруг я осознала, что не испытываю к нему жалости. Вдруг...

— Ты стала другая. — Скривившись от боли, попытался улыбнуться Эдик. — Филипп Аркадьевич заботится о своей шлюхе?

— Если у тебя всё, то можешь идти.

— Ты не нужна ему. — Словно не услышав меня, тихо продолжил Эдик, но даже в его тихих словах слышалась привычная язвительность и желание унижить. — Я давно знаю его, столько лет, что точно уже и не скажу. И он никогда никого не любил, и тебя не любит.

— Эдик, тебе пора.

— Неужели не интересно? А я вот поинтересовался. И знаешь что?

— Что? — Ошибка номер раз. Я поняла это как только задала вопрос, вступила в диалог, но обратного пути, кроме как выслушать тихий бред, не было.

— Спор у них вышел, с его другом и, по совместительству, правой рукой: и Филипп утверждал, что любую стерву можно приручить. Вот и приручил. — Я молча смотрела на него и не совсем понимала, о чём речь. — Вы ведь недавно познакомились так? — Превозмогая боль, Эдик улыбнулся. — А досье на тебя, лежало у него ещё весной. И ведь приручил же, чёрт. А ты и повелась, как маленькая дурочка на большую любовь, а он просто играл, как и всю свою жизнь. Неужели ты и правда думала, что в тебя можно влюбиться? В тебя! Ведь ни рожи, ни кожи, и дрянь ты последняя, и сына уродом моральным сделала!

За всё время его пламенной речи, я так и крутила в руках нож для нарезки зелени, периодически врубая его в деревянную поверхность доски, и тут же вытаскивая остриё. Чисто механические движения, никакой мысли.

— И знаешь, что? Я правильно тогда поступил, что бросил такую суку и твоего щен...

Когда лезвие тесака вонзилось в сантиметре от его головы, Эдик смолк, сник и побледнел до цвета мела. А я слишком спокойно, хладнокровно, вкладывая в слова всё то, что не смогла сказать при расставании, добавила:

— Ещё раз я или Андрей услышим о тебе, увидим тебя на горизонте — можешь застрелиться, иначе снесу башку и не задумаюсь. И я не жалею, что такое ничтожество как ты бросил нас. И сегодня есть мы — любящая семья, мать и сын, а есть ты — ноль, ровно такой же, каким всегда и был. А теперь уходи и забудь, что у тебя когда-то был шанс стать человеком и настоящим мужчиной. Ты его просрал.

Эдик как стоял, так и продолжал стоять, лишь спустя несколько секунд дрожащими пальцами стёр со щеки брызги зелёного сока и опшётки зелени, отлетевшие от ножа. Сбоку от двери раздался долгий свист.

Глава 11

— А у вас тут, ребята, весело. — Хрюкнула от смеха Машка, непонятно как оказавшаяся здесь и пропустила идущего на полусогнутых Эдика. — Лар, может, ему того, пинка поддать для ускорения? — Усмехнулась она, а тот и без пинка едва ли не побежал к выходу.

Шумно выдохнув, я закрыла глаза ладонями, дрожь, прошедшая по телу, подкинула

меня и оставила после себя ощущение пустоты.

— Эй, а что это такое у вас происходит, а? Нет, слушай, как ты его... А меня научишь? Я думала он так и наложит в штаны. Кто это вообще был?

Театрально раскинув руки в вопросительном жесте, Маша прошлась по кухне, немного побряхтела, вытаскивая из стены плотно врезавшийся туда нож, потом победно выкрикнула что-то невнятное и устала на меня.

— Бывший муж. А ты здесь какими судьбами? — Видимо, ещё плохо соображая, я даже была способна на любезность и улыбнулась.

— Бывший? Так ему и надо, знай, как обижать наших! А за что ты его так? А то я всё пропустила. Нет, ну, надо же, раз и в стену... А я тут не случайно. Звонила тебе, звонила, а ты трубку не берёшь, хорошо адрес у Филя выяснила, прихожу, а там такой мальчик, м-м. Мама, говорит, нету. Представляешь, мамы... Сын твой, правда? Если бы ты на меня сейчас так не смотрела, я бы не поверила! Лар, выручай, хочу любимому сделать сюрприз, знаешь, там, романтический ужин, всё такое, а кулинар из меня м-м... даже мягко выражаясь, неприличное слово получится. А из ресторана заказать, сама понимаешь, всё слишком красиво, в общем не натурально будет выглядеть. А вот, если бы так, чтобы ты у меня на кухне всё приготовила, только не как шеф-повар, а по-домашнему, без изысков. Мы уже восемь лет встречаемся, а он всё никак решиться не может, Филя его на дух не переносит, рычит как видит и, вообще, называет недоделанным, но любовь зла, вот я и люблю себе потихонечку. Так как? — Весело щебетала Маша, внимательно глядя на меня. — Лар, у вас тут что-то серьёзное произошло, что он сказал? — Видимо, что-то прочитав по моему лицу уточнила она и подошла ближе.

— Да... — Выдохнула я, всё ещё нервно улыбаясь. — Не знаю я... про Филю...

И в этот момент вся моя выдержка закончилась и я разразилась громким воем на всю кухню. Не скажу, что было главенствующее в моих выводах: понимание того, что Эдик не настолько глуп, чтобы наговаривать на человека, от которого зависит, или же мои собственные мысли о том, что всё слишком быстро и слишком сладко получилось. Но вывод один: я ему поверила и теперь ненавидела и одновременно жалела сама себя и от этого стало так противно, что я и разревелась.

— Да подожди ты, рыдать, Лар. Да что у тебя там?.. Да хватит же!

Хлёсткая пощёчина привела меня в чувства. Я проморгалась, кое-как сосредоточилась, разглядела перед собой непривычно серьёзную Машку и сглотнула.

— Вот, молодец, теперь глоток водички, — кинулась к мойке со стаканом.

— Не тот кран, питьевая на другой полосе. — Сориентировалась я.

— Другой, так другой. — Набрала воды, протянула стакан мне. — Пей. Во-от, молодец, а теперь пойдём сядем, поговорим.

Как душевнобольную Маша приобняла меня за плечи, легонечко поглаживая, и повела в обеденный зал. Там спустила пару стульев, усадила меня, напротив присела сама, сложила перед собой руки и развесила уши, готовясь к приёму сказок.

— Вот теперь говори. — Решительно кивнула она.

— Я не знаю, что говорить...

— Говори, что тебе сказал этот урод про Филю. Я ведь правильно поняла, да?

Я снова собралась плакать и уже концентрировала свои слёзки, кода услышала угрожающее:

— Если понадобится, отвешу ещё одну оплеуху и завтра будешь красивая!

Угроза подействовала и я успокоилась.

— Я не совсем поняла, но суть в том, что Филя... он вроде как меня... (сказать «любит» я постеснялась), в общем что он со мной, потому что решил доказать какому-то своему другу, как сказал Эдик, своей правой руке, что любую стерву можно приласкать и приручить. Как-то так.

Маша надула щёки, набирая в них воздух, и громко выдохнула.

— Бред, конечно, и что?

— Ну... и дальше ещё много чего, но за всё остальное я метнула в него нож, — оживилась я, вспоминая свой триумф, — а про Филю всё.

— И ты поверила?

— У меня есть и свои предположения, — витиевато ушла я от ответа, но столкнулась с хмурым взглядом, — но в целом да! — В довершение ещё и кивнула. Два раза. Да.

— Нет, ну... — Маша тоже немного растерялась от такого поворота событий. — Ну, Филя конечно, идиот, но вы же взрослые люди... Нет! Этого просто не может быть. Да и не стал бы он тогда...

Тут она затравленно посмотрела в мою сторону и далее продолжать не решилась.

— Лариса, но ведь так нельзя, надо же разобраться! — Вдруг решительно заявила Машка. — Давай, звони.

— Куда?

— Филе, конечно. Пусть объяснит, что нёс этот идиот.

— Он на переговорах, телефон выключен уже два дня.

Не поверив моим словам, она сама набрала его номер, услышала о недоступности абонента, скривила губы в одну сторону.

— Ещё час назад я с ним разговаривала. — Пробормотала в сторону. — Так, если кто и знает, то только Марат. — Развела она руками. — Как ты там говорила? Правая рука и друг?

— Я точно не помню...

— Ничего, сейчас узнаем.

— А кому ты звонишь?

— Марату, они с Филей если что-то и мутят, то всегда вдвоём.

— Закирову? — Осенило меня, ведь я видела его в тот же вечер, когда и Эдика, за тем же столом.

— Ему, голубчику. — Непонимающе глядя на телефон, Маша снова и снова набирала номер.

— Урод!

На меня посмотрели немного осуждающе и с всё так же скривленными в одну сторону губами. Терпеливо выдохнув, Машка проморгалась.

— Зачем же так грубо?

— Ой, извини, это твой мужчина? — Виновато закрыла я рот ладошкой и наткнулась на ещё один нечитаемый и необъяснимый взгляд.

— Это мой брат. И, да, иногда он свою работу любит больше, чем людей, но ведь это не повод... — В этот момент она дозвонилась и изменилась в лице, в голосе, заулыбалась и вообще, стала малюсенькой девочкой. — Маратик, привет, дорогой, а как до Фили дозвониться? Да, никак не получается... Ну, у меня дело есть... нет... нет, ну, можешь, наверно.

Тут я попыталась жестами объяснить, что хочу сама переговорить с ним.

— Маратик, тут с тобой сейчас один человек поговорит, ты будь любезен, не юли, отвечай по существу.

Видимо, пока в трубке была брань и ругань (с Закирова станется), Маша слушала сама, а потом включила громкую связь и положила телефон по центру стола, не желая упускать ни единого слова. Мы обе склонились над трубкой, я нервно заложила волосы за уши, расправила пиджак, а в трубке всё это время слышалось недовольное пыхтение.

— Марат, здравствуйте, это Лариса Читаева. — Вежливо начала я и вдруг поняла, что на том конце трубки Марат замер.

— Лариса Витальевна?

Я проглотила это самое приветствие от человека, который лет на десять меня старше, но неизменно обращается по отчеству, намекая на мою стервозность.

— Да.

— Э-м... добрый день, чем обязан?

— Марат, у меня тут возник один вопрос...

Я замялась, а вот Машка не растерялась.

— Короче, брат, говори, называл Филя Ларису стервой или нет?

— Ну... — Ох и не нравится мне эта его пауза, совет зала, может, спрашивает? — Не совсем так... а в чём конкретно вопрос? Машка, это твои шуточки?! — На сестру прикрикнул.

— Нет, это не шуточки. Вопрос вот в чём: один человек утверждает, что ещё с весны у Филя на меня лежит досье и...

— А-а, да, досье было. Когда точно я не помню, но было ещё холодно. Принесли папочку, мы вместе изучали. И что?

— Что, что?! — Раздражённо вспыхнула Машка и бросила на меня секундный, едва уловимый взгляд. — Говори, быстро, собирался он Лариску приручить или нет?

— А я-то откуда знаю? Девки, вы чего там? С ума посходили? Не так было.

— А как, как было? — Дожимала она, пока я наматывала сопли на кулак.

— Ну, я сказал, что стерва... Лариса, за правду, не обижаются, — добавил специально для меня, — а Филя и говорит, что любую стерву можно подмять под себя, только нужно знать как. А что он там планировал или не планировал, это уж не ко мне. Я знаю, что сейчас они вроде как встречаются.

— Это понятно. Но ведь спорили?

— Да не спорили мы! Но глаза у него странно загорелись, не знаю, что он тогда задумал. Сказал, что симпатичная, вроде.

— Симпатичная! — Зло усмехнулась я.

— Маш, у меня, между прочим, люди, а вы тут со своими глупостями, всё. Отключаюсь.

— Пока, пока.

Она нажала на отбой и сама посмотрела на меня с тревогой.

— Лар, ну, я не знаю, что сказать. Вроде не спорили.

— А досье? Вот, зачем оно ему, зачем? Да ещё с весны. Ты знаешь, когда мы познакомились?

— Когда?

— В июле. Ты понимаешь? Что он делал всё это время? Искал подход? Прощупывал почву?

— Ну... а как... как вы познакомились?

— Да случайно! — В азарте хлопнула я по столу и тут же замолчала.

— Что?

— Не случайно. Наверно.

— Рассказывай.

И я рассказала. Рассказала, как закрыли мой ресторан, как я повелась на этот бред с секретаршей и даже как Викторovich, который на деле оказался непробиваемым мужиком, прикидывался хлюпиком. Какой спектакль! И всё для чего? Для того, чтобы очередной раз самоутвердиться? Чтобы показать всем, насколько ты крут? Ненавижу!

— Надо выпить. — Изрекла Маша умную мысль и в упор посмотрела на меня.

— Маш, я не пью.

— Так и я не пью, но ведь повод же!

Потеряв всякий интерес к работе и к блюду, которое я так и не завершила, быстро заперла все двери, поставила на сигнализацию и вместе с Машкой отправились заливать моё горе. По такому случаю, она даже отказалась от запланированной на вечер романтики и, полностью меня поддерживая, пригласила праздновать грандиозный провал к себе в гости.

— Не переживай. — Твердила всю дорогу от магазина до квартиры она. — Я тебя с такими мужиками познакомлю, он ещё локти себе будет кусать. У меня знаешь, какие красавцы в друзьях ходят? М-м, закачаешься... Успешные, свободные, и мозги где надо находятся. А этот козёл пусть к нам больше не сунется. — И это его подруга! — Мы с тобой ещё покажем, в бараний рог скрутим. И Марата заодно. Надо же такое придумать! Идём, идём.

А дальше провал в памяти. Нет, кое-что я, конечно, помню, например, то, что мы пили, потом снова пили и практически не закусывали. А меня всё время напрягала одна мысль, которую я где-то под вечер и озвучила:

— Маш, вот мы тут с тобой гуляем, а завтра ведь на работу. Ты вообще работаешь?

— Конечно!

— А кем, если не секрет?

— Не секрет: начальством. А начальство, как известно, опаздывать не умеет. — Довольно ответила она и откинулась головой к дивану.

Забавная она... начальство... Девушка, которая ходит в драных джинсах, вяжет хвостик и придаёт ему художественную небрежность, плюёт на чужое, заведомо неправильное мнение с высокой колокольни и при этом умудряется сделать карьеру? Она мне однозначно нравится! Не нравится только то, что мы вот уже несколько часов сидим, лежим, складываем ноги в позу «лотоса» и всё при этом на полу, даже без ковра. Нет, я всё понимаю, но мы ведь уже не девочки и наутро у кого-то будет отваливаться костлявая попа... Вот, примерно на этой мысли я и отключилась от сознания, а пришла в него, когда за окном всю бушевала осенняя гроза, с громом и молнией. А на часах уже половина первого. Тот факт, что я не могу пошевелиться, меня не то, чтобы удивлял, скорее, напрягал, особенно тяжело чувствовала себя левая нога, на которой, судя по ощущениям, Машка проспала всю ночь. Кряхтя и охая, я предприняла попытку повернуться — неудачно, задела пустую бутылку и наделала шума, на который проснулась и хозяйка квартиры. Меня радовал только тот факт, что сейчас мы выглядим одинаково хреново. Похмелье вроде и пришло, а вот градус всё не отпускал, поэтому в купе с головной болью, сушняком и бякой-закорякой во рту, ещё и мозг поплыл. Мы ползали с Машкой по полу, как две выброшенные на берег рыбёшки, иногда сталкиваясь лбами, так как глаза открыть было больно обоим, а с закрытыми передвигаться

вполне терпимо. Наконец, когда я окончательно запуталась ногами в какой-то подозрительно длинной материи и рухнула без сил, напротив моего носа остановились начищенные мужские ботинки. Ботинки какое-то время постояли у беспомощной тушки, затем побрели по комнате.

— Маш? Ма-ша. — Тихо позвала я её. — А почему по твоей квартире бродят чужие ботинки?

— Начищенные? — Не открывая глаз и подтягивая мою ногу обратно под свою голову, лениво отозвалась она.

— Ага.

— Так это же Серёжа, он настоящий мужик!

О-о, мне сразу стало всё понятно!

— Маш? А это нормально, что мы тут лежим, а он ходит?

— Хочешь познакомиться? — Смешок в ответ. — Зря, он безнадежно и практически тайно влюблён в меня, но попробовать можно... Серёга! — Заорала она на всю мощь своих связок. — Серё...

Ботинки остановились между нами, Машу большая и волосатая рука потрепала по имитации причёски, меня предпочли обойти стороной.

— И что же вы, цыпы, так напились? — Был задан нам риторический вопрос незнакомым мужским голосом. Приятным, возбуждающим.

Потом меня куда-то понесли. Белый свет резал глаза, приятный запах чего-то лимонного расслабил, расслабило и то, что я была не одна, где-то в стороне ворчала недовольная Маша. Я попыталась протереть глаза, а когда зрение вернулось, увидела Машку, которая настороженно вжималась в противоположную стенку ванной, почему-то прятала голову между колен и выговаривала в адрес неизвестного тихие проклятия. А когда холодная вода потекла одновременно со всех сторон, я её с удовольствием поддержала. Нас поливали как комнатные растения, а, может, не поливали, а опрыскивали, только очень уж мощным пульверизатором. Вода попадала в нос, в рот, а когда кто-нибудь из нас начинал захлёбываться и пытался вынырнуть или выскочить, тяжёлая рука толкала обратно, и вода начинала литься сильнее. Я даже не сразу поняла, что экзекуция прекратилась, так и продолжала закрывать лицо обеими руками, когда всё тот же приятный голос уже смешливо приказал отмереть.

— Давайте, красавицы, выбираемся, раздеваемся, не хватало вам ещё заболеть.

Заботливый наш. Кто он, я пока ещё не видела, но его насмешку почувствовала даже кожей. Встала не с первой попытки, но главное ведь результат, поэтому когда передо мной появилась рука, которая до этого вероломно давила на голову, заталкивая под струи воды, я немного шарахнулась в сторону и вежливо отказалась от помощи. Только вот бортики ванной оказались слишком высоки для моего состояния не стояния и, отказавшись от руки, я оказалась в горячих объятиях брутального мачо. Кая я поняла, что он брутальный? Интуиция. От него так пахло мужчиной... нет, не потом и кровью, а чистым ухоженным мужчиной, сексуальным, сильным, смелым, что я готова была пойти за этим запахом на край света. А потом увидела его и обомлела, наверно, так и стояла бы с идиотской улыбкой, глаза на мужчину неземной красоты, если бы не заметила в зеркале своё собственное отражение. Тут же ахнула, закрыла лицо руками и отвернулась. То, как сильно вклокочены мои волосы, можно было понять, даже глядя на них в мокром виде, так подло подставившие меня три волосины облепили лицо и шею, не желая демонстрировать привычный начёс и красоту.

Чёрные потёки туши растянулись аж до подбородка, глаза я хоть и не видела, но была уверена в том, что они опухли и своей краснотой затмили бы светофор на проспекте Ленина и пионерский галстук вместе взятые. А прилипшая к телу одежда отлично дополняла все эти прелести, демонстрируя мою костлявость. Так сказать, показала товар лицом. А вот молодой человек напротив, был действительно как с обложки модного журнала. Отдельные черты внешности даже не имели значения, он был превосходен во всём, как лицом, так и фигурой, и не пожалел идеально отглаженной одежды, чтобы отмочить нас с Машкой после попойки.

— Так, чё застыли, раздеваемся! — Приказным тоном добавил он нам обеим, потому как Машка и вовсе приткнулась носом к стиральной машине и, кажется, снова задремала.

Девушку он растормошил, подтянул за мокрый воротник, поставил на ноги.

— Давайте, давайте, не стесняемся, раздеваемся. — Подгонял он нас, но выходить и не думал.

Что тут сказать, мне перед таким мужчиной раздеваться было просто стыдно, поэтому его призыв оказал обратный эффект и я лишь сильнее прижимала к себе ставшую ледяной одежду.

— Отвернись. — Промычала Машка.

— Чего я там не видел, курица синюшная? Ты когда есть будешь, радость волкодава? Снимай, всё снимай. — Тянул он за майку, под которой не было нижнего белья. Глянул на меня и нахмурился. — Так, а мы чего стоим? Помочь?

Я молчу как партизан.

— Ну, так не честно, я требую заслуженного стриптиза, — посмеивался он, разворачивая меня, словно конфету, — зря что ли тут старался? Первый пришёл, да ещё и не позвал никого, а, девицы-красавицы?

Содрав с меня бюстгальтер и не обращая внимания на все ужимки, набросил на плечи мягкий махровый халат и когда я собиралась простонать «Кайф-ф», вернул на грешную землю.

— Снимай трусы, иначе мне придётся помочь и в этом. Смотри, подружка твоя, алкоголичка, уже справилась, а ты топчешься. Давай, я принёс сухое бельё, будешь как новая, давай. — И несколько раз небрежно хлопнул меня по попе, верно думая, что этим может как-то простимулировать.

Я стояла без движения до тех пор, пока его похотливые руки не потянули полы халата в стороны, видимо, продолжать начатое, тогда, взвизгнув и подскочив, мигом избавилась и от белья, и от носков. Рукавом стёрла следы туши, на голову замотала предложенное сухое полотенце и вообще, стала похожа на человека, теперь и на мужика поглазеть не стыдно. Только глазеть мне никто не дал, а всё так же, ухватив на руки, мужчина понёс меня на диван, тот самый диван, под которым мы провели этот памятный вечер. И только заметив бутылки, я вспомнила, по какому собственно поводу была попойка и разрыдалась.

— Ну, началось. — Возмущённо выдал красавчик и я со стараниями народного артиста большого театра, усилила вой.

Рядом приземлилась Машка и мне стало спокойнее, она вела себя тише и скромнее, видимо, её вчерашнее уже так не трогало, мужчина же, поставил напротив нас стул и присел, сосредоточенно разглядывая.

— Ну что? Кто говорить будет? — Улыбнулся он и я снова зависла, любуясь, благо в своей внешности практически не сомневалась. Всё же полотенце на голове и объёмный халат на плечах, делают из меня женщину.

Говорить никто из нас не собирался и мужчина это понял быстро, только сказать ничего не успел, противная мелодия моего телефона разорвала тишину пространства и мы с Машкой дружно поморщились. Мелодию-то я ставила любимую, но сейчас, после ночи, она вызывала странное необъяснимое отвращение и я, наконец, поняла, что именно эта самая мелодия всю ночь мешала спать. А вот мужчина, тем временем, мой телефон нашёл и присвистнул.

— Семьдесят четыре непринятых вызова. А вы, мадам, пользуетесь популярностью.

В этот момент телефон зазвонил опять и красавчик ответил. Своим взглядом при этом он сканировал меня, загоняя в краску, а я злилась, за то, что он такой весь из себя, а я замухрышка, и если кто-то помнит монолог Тоси Кислицыной из «Девчат», то что примерно я ощущала, поймёт.

— Я слушаю. — Промурлыкал он в трубку и оттуда разразилось невнятное рычание, прерывающееся криком, а местами и диким воплем. — Что ты мне оторвёшь? А-а... Филя, ты, что ли?.. Кто, кто (ворчливо), Серёга. Какой? Нет! Ну-у, наконец, да, здорово.

В трубке повисла странная тишина, а Сергей (это всё же оказался именно упомянутый Машей Сергей), снова принялся меня оглядывать. Прикидывает, что ли, смог ли такой как Филя, запать на такую как я?..

— Сейчас у меня... Нет, я только пришёл, но судя по пустой бутылке мартини и полупустой ноль семь текилы, упились они вусмерть. Когда вошёл, делали вид, что гусенички, ползали по полу без определённой цели. — Усмехнулся этот, пусть и красивый, но тем не менее, нахальный и грубый тип. Гусенички мы, видите ли! — Да, да, — продолжал он смеяться. — Что говорят? — Переспросил, глядя на нас.

— Что он козёл! — Не сдержалась я. — И ты тоже. — Это уже чуть тише.

— Не, не, Серёга мужик, настоящий, я тебе слово даю. — Проснулась Машка, плотнее укутываясь в халат.

— Это рыжая что ли? — Заржал этот гад. — Сказала, что ты рогатое парнокопытное... Нет, не бык... Сам догадайся, да. Я? Машка утверждает, что мужик, но твоя вроде против... Да, давай сейчас, а то тут такие глазищи, словно меня разорвут на запчасти. Жду.

Осмотрев наш с Машкой дуэт неизменно весёлым взглядом, Сергей по-доброму улыбнулся. Ну, по-доброму это так, учитывая, что он знает Филю, а иначе я бы подумала, что он нас клеит, хотя... не в этой жизни.

— Ну, живы хоть, малышки? Хорошо ещё, что додумались не прятаться в бункер, сюда пришли. Что предпочтительнее, минералка или сытный обед?

— Ой, Серёж... давай водичку. — Простонала хранившая молчание Машка, и сползла обратно на пол, видимо, он ей роднее.

— А что такое сюда, и где находится бункер?

На меня направились две пары непонимающих глаз, а помедливший с водой Сергей доходчиво пояснил.

— Здесь — это у меня в квартире, а бункер — это квартира напротив, то бишь Машкина, но оттуда вас достать было бы гораздо сложнее, потому что звонок у неё не работает, а после смены замков, ключей я так, уважаемая, — он бросил укорительный взгляд на Машу, — и не получил.

— Сергунь, извини, возьми у меня в сумке, я их таскаю, таскаю, а ты всё не спрашиваешь и не спрашиваешь. — Защмыгала виновница носом и опустила взгляд. — И водички, водички не забудь. — Крикнула вслед удаляющемуся мужчине.

— Маш, а это кто? — Почему-то шёпотом начала я, склонившись над ней.

— Это Серёга, мой лучший друг, сосед, часть моей жизни и вообще, отличный парень.

Приглянулся?

— Ничего так. А почему мы у него? Я думала, что это твоя квартира.

— Да ты что! — Замахала она руками, едва не завалившись после таких стрёмных маневров. — У меня соседи, а Серёги как раз дома не было. Но ты не волнуйся, он нормальный, видишь, даже по халату нам выписал.

Я посмотрела на халат, который едва ли был Машкиного размера и запахнула полы потуже, дабы не светить отсутствием груди. А когда Сергей вернулся, посмотрела на него уже другими глазами. А там какими глазами не смотри, увиденное особо не меняется, он так и остался писанным красавцем, без единого изъяна. Высокий, стильно одетый, но в то же самое время такой домашний, ну, просто до плюшевости коричневого мишки, который был в детстве у каждой девочки. Смотрел он на меня не без интереса, протянул наполненный до края стакан с водой, удовлетворённо улыбнулся, когда назад я вернула его уже абсолютно пустым, а потом серьёзно так на нас посмотрел и строго спросил:

— Ну, а теперь коротко и внятно: какой повод праздновать?

— Он козёл. — Неизменно повторила я вывод, который сделала ещё вчера под чутким Машкиным руководством и обиженно отвернулась, потом опомнилась, что к Сергею, в принципе, претензий не имею и повернулась обратно.

— Вполне возможно, но любовь, как ты знаешь, зла. И сейчас этот козёл мчится сюда и будет вправлять тебе мозги, так что советую привести себя в порядок и встретить противника достойно.

— Мне всё равно!

— Я так и понял, когда ты облегчённо вздохнула, пряча волосы под полотенце. Фен принести?

— А у тебя есть? — С недоверием спросила я и потупилась. — Лариса. — Протянула руку и он её крепко пожал.

— А я, как тебе уже известно, Сергей. Маш, если хочешь идите к тебе, наводите марафет, хотя если он увидит вас в таком виде, то, возможно, кричать будет не громко и не долго.

— А почему тебя это так волнует? — Нахмурилась я. Что, что, а на Купидона он мало похож.

— Не подумайте ничего плохого, Лариса Витальевна, — от упоминания моего отчества тут же подобралась и посмотрела на Сергея не без подозрения, — но на будущей неделе нам продлить контракт с вашим рестораном, хотелось бы трезвой оценки и поменьше нервов.

— Какой контракт? — Пыталась проморгаться я и узреть в незнакомом мужчине знакомого. Неудачно.

— Сергей владелец охранного бюро. — Пояснила Маша, махнув уже третий стакан воды. — И, судя по всему, вы пользуетесь его услугами. Да, Серёж?

— Всё верно.

Я разволновалась, засуетилась, попыталась выпрямить спину, но под громкий смех хозяина квартиры, осела на место.

— Да ладно тебе, теперь то чего? Будем дружить.

— Извините... — Всё, что смогла вымолвить в этот момент я. Строгий руководитель, принципиальный человек, сейчас сидит расхлябанный перед таким же деловым человеком и

мне жутко стыдно за своё поведение.

Глава 12

Звонок в дверь прервал поток моих глупых, неуместных и несвоевременных мыслей, я вздрогнула, Машка подобрала колени под себя, Сергей невозмутимо направился открывать. А уже в следующую секунду передо мной стоял красный, запыхавшийся Филя с перекошенным от злости лицом и буквально исходил слюной бешенства. На секунду прикрыв глаза, он перевёл дыхание, видимо, прочитал какие-то успокаивающие мантры, которые помогли крайне слабо, Маша поджала губы и сгруппировалась ещё плотнее, а я не моргала.

— Так, Филя, выдохни, лопнешь сейчас. — Вызвал огонь на себя Серёга, которого я в миг зауважала, он даже достойно вынес убийственный взгляд, посланный ему.

Но в итоге Филя послушался, упёр руки в бока, отграничивая полы пиджака за спину, вдохнул через нос.

— Ребят, не против, если мы вас ненадолго покинем? — Излишне вежливо, леденя своим голосом, уточнил Филя, не отрывая от меня взгляда своих почерневших от ярости глаз.

— Идите к Машке. — Понимающе кивнул Сергей, который мне тут же разонравился и кинул Филе связку ключей, которую тот поймал.

Тут же схватил меня за плечо и выволок в коридор, распахивая на ходу двери, и в чём была, босиком, я оказалась на лестничной клетке. Из вредности, даже с ноги на ногу не переминалась, стоя у двери напротив, пока Филипп отпирал замки, а уж когда их открыл, не церемонясь втолкнул меня в коридор уже другой квартиры, зашёл следом и глухо хлопнул автоматически закрывающейся дверью. Разулся, потащил за плечо в комнату, интерьер которой оценивать мне было некогда, подтолкнул к центру и сам стал напротив в двух шагах, утихомиривая свой порыв меня придушить.

— Ты хоть знаешь, что я пережил, пока до тебя не дозвонился?! Ты о чём думала? Тебе не нужен никто? Сама всё, да?! Ты что, твою мать, здесь устроила?! — Угрожающе навис надо мной этот амбал, комплекция которого уже не казалась мне такой привлекательной — всё же с хлопиками проще. А уж когда его рука резко двинулась в мою сторону, то я и вовсе с катушек слетела. Смело шагая навстречу, грудью кинулась на амбразуру, в прямом смысле.

— Только попробуй! И это будет последнее, что ты сделаешь в своей жизни. — Глядя Филе в глаза, прокричала я, и не думая шутить.

— Ты с ума сошла? Я не собирался тебя бить, хотя и надо бы. Я спрашиваю, что у тебя здесь происходит?! — Чуть тише, но всё ещё на повышенных тонах и на безопасном от меня расстоянии. — Ларис, послушай, я очень переживал за тебя, дозвониться невозможно, Андрей сказал, что дома не ночевала, с работы сорвалась, сегодня не явилась, что мне было думать? Я все волосы себе повырывал, пока Марат не позвонил. Что ты себе напридумывала? Говори.

— Успокоился? — Вызывающе, но иначе не смогла.

— Нет! — Крикнул он так, что у меня уши заложило.

— Тогда нам не о чем говорить.

Я, наивная, хотела выйти, естественно ничего не получилось. Через несколько секунд

оказалась на диване, Филя напротив на корточках и под его взглядом даже рыпнуться было небезопасно.

— Говори, я тебя слушаю. — Спокойно, без наездов и претензий, но при этом достаточно серьёзно и внушаемо кивнул мне Филя и от этого его тона я не смогла придумать ничего лучше, как расплакаться.

— Нет, Лариса, так не пойдёт. — Сквозь пелену слёз я видела как он отрицательно покачал головой, но утешать меня и не собирался. — Так я тебя не пойму. Воду нужно было с Машкой лить и, я так понимаю, всю ночь ты этим и занималась, а мне, пожалуйста, словами, внятно и чётко.

— Я не хочу сейчас с тобой разговаривать. — Растягивая гласные, подвывала я.

— Без вариантов, Лариса.

Под уверенный, успокаивающий баритон я перестала хлюпать носом, утёрла слёзы рукавом и трезвее посмотрела на ситуацию и на Филю в частности.

— Ты меня любишь? — Задала самый важный вопрос.

— Люблю. И мне с тобой хорошо. А если плохо тебе, то плохо и мне. А сейчас мне не просто плохо, мне хреново. Потому что я понимаю, что косвенно причастен к проблеме, но в суть её так и не вник. Поделишься?

— Филь, это правда, что у тебя досье на меня с весны лежало? Ты специально со мной познакомился, чтобы доказать своему другу, что меня можно приручить?

Дополнительно шмыгнув носом и окончательно почувствовав себя жалкой, я опустила взгляд, а вот Филя наоборот, до последнего внимательно всматривался в мои глаза.

— Ты не против если сяду рядом? Помнишь же, я давно не молодой, ноги долгого разговора не выдержат.

Я хмыкнула, вспоминая тёплый мамин приём и подвинулась, а Филя пересел ко мне, стянул с волос полотенце, которое уже давно ничего не скрывало и не украшало, пригладил волосы. Заправляя их мне за ухо, а я как парализованная сидела и не знала, как на все его действия реагировать. Чувствовала, что так ластится он неспроста, значит, доля правды всё же в этом была, осталось только выяснить, насколько она велика и я приготовилась слушать.

— Лар, насчёт досье — правда. Оно у меня было и давно. Насчёт того, что м-м... я разговаривал с Маратом и кое-что он мне всё же поведал... У нас действительно был о тебе разговор, совершенно случайный, по сути, не имеющий к тебе никакого прямого отношения. Но конкретной цели влюблять тебя в себя либо чего-то подобного, у меня не было. Да, я сказал, что к любой стерве нужен подход и она станет домашней и пушистой, но я говорил не о тебе конкретно, а о женщинах в целом. И если тебя это успокоит, тебя я стервой не считаю.

— Много слов, мало смысла. — Холодно и без эмоций выдала я свою любимую рабочую фразу и от Фили отодвинулась. А тяжёлый выдох, последовавший за этим действием, только подтвердил мои опасения, что разговор будет не из лёгких.

— Давай по-порядку?

— А тебе есть, что добавить?

— Мне есть, что тебе рассказать. О себе, о моём мнении о тебе и о том, что нас связывает.

— Говори. — Уже безразлично пожалала плечами я, сдерживая новые слёзы.

— Началось всё с яиц.

Он выдержал достаточную паузу, выжидая моего логического вопроса.

— Что?

— Я так и знал, что ты не помнишь, — улыбнулся, — мы с тобой встретились раньше, чем ты считаешь и встеча эта оказалась для меня незабываемой. — Я посмотрела на Филю так, что он поднял руки вверх, демонстрируя капитуляцию, и уже с лёгким смешком продолжил быстрее. — Я был на городском рынке, точно не помню, спешил на какую-то встречу, когда в меня перед самым входом врезался пацанёнок и обсыпал сырыми яйцами, которые неторопливо растеклись по пальто. Ничего не напоминает?

Я задержала дыхание, а Филя увереннее прижался ко мне и продолжал.

— Я даже не сразу разглядел, что ты не мальчишка, а потом, с улыбкой наблюдал, как ты с сожалением смотришь на разбитые яйца, как в твоих глазах отражается весь трагизм ситуации. Скажу больше, мне показалось, что обо мне ты вспомнила только в последний момент. Сначала хотелось дать тебе по шее, и вполне заслуженно, надо отметить, а потом, видя, как ты безмолвно убиваешься по безвозвратно испорченному продукту, засмотрелся и передумал. Скажи честно, о чём ты думала в тот момент?

— У меня в тот день был день рождения. — Вздохнула я. — А его я никогда не отмечаю, но захотелось порадовать Андрея и себя тоже печеньем «Безе».

— Любишь его?

— Люблю. А тут ты. И всё вдребезги. Не представляешь, как паршиво я себя чувствовала, а ты стоишь и молчишь, ждёшь чего-то.

— И тогда ты решила возместить мне моральный ущерб. — Я кивнула, на самом деле, по-новой переживая тот момент. — Твоё лицо в итоге показалось мне знакомым, о чём я и сообщил своему начальнику охраны, но так как опаздывал, думать об этом было не с руки, и об инциденте предпочёл забыть. Кто бы мог подумать, что Мазур решит пробить тебя по базам и предоставить полное досье... Вот так папка с твоим именем и оказалась на моём столе.

— Мазур?

— Прозвище такое. Начальник службы безопасности.

Я не решалась поднять на Филю глаза, пока ещё не осознавала полностью, но уже понимала, что всё выглядит не так, как я себе придумала.

— Именно в этот момент в кабинете оказался Марат, он с тобой как-то пересекался и впечатления остались неизгладимыми, о чём мне и доложил, вот и завязалась вся эта история.

— И ты решил меня найти?

Филя замялся и замолчал, я посмотрела на его лицо и увидела поджатые губы, виноватую улыбку и ещё что-то нечитаемое во взгляде, который поглощала как путник пустыни воду.

— Нет. — Наконец, сказал он и мои брови неконтролируемо поползли вверх. — Я видел твою фотографию, отметил, что ты довольно-таки симпатичная женщина, но не более того, в общем, я о тебе забыл.

— Но как тогда...

Я непонимающе развела руками, которые Филя тут же прикрыл своими ладонями и опустил обратно на диван.

— На самом деле, наша встреча была чистой случайностью. Правда. Я сразу тебя узнал, как только вошёл в приёмную, и, не поверишь, потерял дар речи. Ты стояла вся в работе, такая деловая и такая серьёзная, в общем, у меня просто не было слов. А потом эти черти в

твоих глазах, хитрая улыбка и то, как ты пыталась приземлить меня... В общем, я не устоял и всё, что было далее, чистейшая импровизация.

— Но сразу я тебе не понравилась?

Филя крепче и теперь уже без опасений за собственную жизнь прижал меня к себе, уткнулся носом в мой висок и улыбнулся.

— Знаешь, ты, когда идёшь по улице переполненной людьми, смотришь на них, кто-то тебе нравится, кто-то нет, кого-то ты запоминаешь надолго, а кого-то забываешь уже в следующую секунду. И вот идёшь ты так, пока не встречаешь человека, к которому не побоялась подойти, хотя кто-то тебе приглянулся намного больше, и, вполне возможно, что именно с тем человеком твоя жизнь сложилась бы иначе, но сейчас, в определённый момент, ты выбрала одного. И идёшь по жизни с ним вместе, и не задумываешься, как оно было бы, если бы... и так далее. Вот так и я, увидел тебя, запомнил, но искать, встречаться снова не собирался. Фотография это одно, внешняя оболочка, но когда видишь живого человека перед собой, видишь его глаза, своё отражение в них, то всё меняется. Так и с тобой: увидел, захотел, не увидел бы, особо и не парился.

— А потом... что потом?

— А потом было самое сложное. Ты мне действительно понравилась. И манера держать себя, и желание поддеть, подколоть, зацепить внимание. И ведь цепляла каждый раз! Каждое твоё слово по несколько раз вспоминал, пытался переиграть, вспоминал, что отвечал тебе и бил себя по лбу, когда уже намного позже, в голову приходил правильный, точный ответ. Несмотря на всю твою видимую открытость, ты оставалась для меня непознанной, тайной за семью печатями и я боялся одним лишним движением спугнуть тебя, настроить против себя. Ведь о твоём суровом характере был наслышан, а испытать его на себе хотелось до зуда во всём теле. И после заключения контракта, просто наобум пригласил тебя в сауну. Вот, знаешь, чтобы потом самому себе сказать: я приглашал, я сделал первый шаг, а она отказалась.

— Только я не отказалась. — Встрепенулась я и уставилась на Филю с двойным интересом.

— Не отказалась. — Согласился он, покаянно опустив голову. — И это стало для меня взрывом, Армагеддоном, моей маленькой личной трагедией. Ты не представляешь... да я голову сломал, пока думал, как мне выкрутиться из ситуации!

— А не думал, что прийти было бы проще, если уж хотелось так, как ты говоришь?

— Хотелось ещё больше, но не так... Не как шлюху, в парилке. Я не романтик, но и просто иметь тебя не собирался, оттого и струсил. Ты не была для меня девкой на один раз, а секс в общественном месте так или иначе наводит на разумные сомнения. И понимаю, я правильно сделал, что не пришёл. Вон, какая ты у меня оказалась мнительная.

— Не отвлекайся. — Подтолкнула его локтем и Филя с ностальгической улыбкой, так, словно это было лет сто назад, продолжил.

— Думал я, видимо, плохо, потому что так ничего и не придумал. Стоял тогда под этим оздоровительным комплексом, вцепился в руль, видел, как ты пришла, как разговаривала с администратором, как улыбнулась, поняв, что меня не будет. Потом ещё и по телефону отчитала и я действительно боялся, что можешь в другой раз не прийти. Но пришла, и этот тип, который к тебе подкатывал, не представляешь как он меня бесил, а потом тот танец...

— Я ненавижу тебя за тот танец. — Надулась я. — Мог бы и без подсказки меня пригласить, а так, всё это выглядело как неудачное сватовство. Осчастливил сиротку,

сволоочь!

— Наверно, действительно сволоочь, потому что не понял, что ты хотела меня увидеть рядом с собой. Ты бросала в мою сторону такие неоднозначные взгляды, что подойти было как минимум рискованно.

— Ты трус!

— Признаюсь, раскусила. А потом, когда меня Макс подтолкнул к этому приглашению, знаешь, как камень с плеч свалился. Если ты заметила, я не люблю показывать свои чувства, а танцевать с тобой всё равно что признаться в любви, а так, с чужой подачи, вроде и нормально.

— А мне казалось, что я тебя раздражаю и ты так измученно улыбался, что ненавидела тебя ещё больше.

— Просто я хотел тебя. — Шепнул Филя мне на ухо и я задрожала. — И очень не хотел, чтобы ты это поняла, вот и держался на расстоянии, хотя задерживал дыхание, когда ты на меня смотрела. Вот так вот.

— А почему ты потом не остался? Мне показалось, что не понять мои даже не намёки, а вполне себе приличное начало активных действий, невозможно. И не говори про соблазнение пьяных женщин — не поверю.

— И не думаю. Я проклинал всё на свете, уезжая от тебя, но мне действительно нужно было вернуться.

Он замолчал, а я пригрелась, прижимаясь к тёплому боку.

— А потом был этот банкет, где ты зажималась с Пашкой. Не знаю, как я сдержался, чтобы за волосы тебя от него не отволоочь в сторону. Не понял тогда ничего, зубы сцепил и на улицу вышел, потом только мы разобрались, правда, до этого поубивать друг друга грозились. Так что можешь гордиться, ты вызываешь во мне чувство собственника, прежде не свойственное.

— Да ну?

— Точно тебе говорю. — Уже поглаживал он меня по волосам, сдувал пылинки и, вообще, казался нереальным романтиком. — Я не знал, что такое ревность. Желание — да, желание добиться чужой женщины — обязательно, а вот так, чтобы девушку, которая практически рядом со мной, не ревновал.

— Так тебе и надо.

— Да. Наверно, именно это ты сказала, когда твой мальчик опрокинул на меня вино.

— Ты случайно попал под раздачу. — Призналась я.

— Ну, это не важно, главное, что ты ко мне равнодушна и проявила своё отношение во всей красе. Но всё ещё оставалась неприступна, потому что была уязвима, а значит, и твоя защита становилась более серьёзной.

— Ты тот ещё стратег.

— А то! И вот, знаменательная встреча в ресторане. Я читал в досье имя отца Андрея. Знаешь, даже посмеялся, что моего хорошего знакомого зовут точно так же, только вот у того Эдика, которого знал я, семьи никогда не было, да и знакомы мы были столько лет, что и быть не могло. Я ещё думал подшутить над ним как-нибудь, но забыл, и на тот момент, когда пригласил в твой ресторан, об этом не думал. И вот, как только ты остановилась у нашего столика, я вспомнил всё и понял, что это он и ошибки быть просто не может. Не знаю почему, но вдруг почувствовал, что тебе нужна моя помощь.

— С виду и не скажешь, что ты такой чувствительный.

— Какой есть. — Вздохнул он, прижимая меня крепче, хотя казалось, что крепче уже некуда. — И этот вечер стал для меня твоим откровением. Больше ты не казалась мне непрошибаемой, а наоборот, маленькая, ранимая птичка, которую нужно защищать и любить. И я остался. Теперь я с тобой. И я этому очень рад.

Череда крепких поцелуев покрыла моё лицо, демонстрация трепета и нежности грозила перейти в демонстрацию ярого желания.

— Всё так просто?

— Просто. А теперь скажи мне, кто тебя убедил в обратном и почему ты поверила?

— Эдик.

— Бывший муж?

— Да. — Пожала плечами я, ощущая себя полной идиоткой. — Он сказал, что меня невозможно любить, что всё это не более чем затянувшаяся игра и я ему верила.

— Ему? Не мне?

— Ему. Потому что он всегда был прав. Всегда.

— Лар, я не спросил тебя раньше, может, ты ответишь мне сейчас... Почему он тогда ушёл и что такое тебе сказал, что ты завелась с первого взгляда? Ведь есть что-то такое, что я должен знать?

И меня пробил озноб, захотелось раствориться в Филе, стать его частью, только бы не чувствовать этот лёд воспоминаний.

— Он не сказал ничего особенного. Важно было моё отношение к его словам. А убеждать он умел... Что сказал?.. Сказал, что женила его обманом, что он устал от постоянного балласта за своими плечами, что с нами он тонет. Но причину развода назвал весьма своеобразную, и, стоя на пороге, сказал, что той бурдой, которой его угощала я, только свиней откармливать. Ни один мужик не выдержит. И ушёл, громко хлопнув дверью. Он говорил много, долго, кричал и доказывал, но я запомнила только его слова о моей еде. О той самой еде, которую я готовила с любовью, с желанием угодить, порадовать, а он лишь вытирал о меня ноги. И с того момента готовка стала идеей фикс. Ты, может, знаешь, что я закончила экономический факультет, так же как и Лёня с Людой? Так вот, свой диплом, несмотря на пророчества о светлом экономическом будущем, я забросила на дальнюю полку и пошла в училище, которое закончила со специальностью кулинар-кондитер. Потом было много всего и теперь он хотел поблагодарить меня за отличный ужин и знаешь что? Я удовлетворена. Полностью. Я умыла его, доказала, на что способна!

И на этом мой запал пропал и говорить больше не хотелось, навалилась жуткая усталость и желание закрыть глаза и открыть их, будучи в другом измерении.

— Я практически уверен, что он просто хотел тебя задеть. Ты наверняка всегда прекрасно готовила.

— Я тоже об этом думала. Но с собой ничего поделаться не могла. И теперь ты знаешь обо всех моих скелетах в шкафу.

— Обо всех?

— Однозначно!

— А про меня?

— Что про тебя?

— Что ты думаешь обо мне?

— Я могу не отвечать на этот вопрос?

— Ты можешь молчать как партизан. Ответь только, тебе важно то, что я сейчас сказал?

— Очень. — Прошептала я, задыхаясь от тех эмоций, которые сейчас впитывала от Фили.

— Тогда пообещай мне, что в следующий раз, а он будет, я практически уверен, ты не пойдёшь к Маше, не будешь названивать моим друзьям, не будешь кого-то постороннего посвящать в наши проблемы, а просто дождёшься меня.

— Филя...

— Все эти вопросы ты должна обсуждать только со мной, потому что никто кроме меня не скажет тебе того, что есть на самом деле.

— Я знаю, но...

— И никогда не верь бывшему мужу. Вычеркни его из своей жизни, забудь. И он больше не будет для тебя ничего значить, как и его слова. Ты мне веришь?

— Верю.

— Тогда поцелуй.

— Что?

Но разговоры были уже излишни. Я полностью потеряла рассудок, отдаваясь на волю этого сильного, страстного мужчины, самца, добытчика, с надеждой на светлое будущее.

И будущее у нас было. Недолгим, но вполне себе светлым. Между нами по-прежнему стоял трепет того, если можно так сказать, вечера откровений, мы оба помнили и понимали, что между нами есть нечто большее, то, чего не было ни с кем до этого. Мы не вели разговоры за жизнь, не строили грандиозные планы на будущее, не делали совместных покупок стратегически важных предметов быта. Я не рвалась менять шторы и обивку дивана в его логове. После не тонкого намёка Андрея о подозрительном шуме из родительской спальни, совместное ночное времяпрепровождение пришлось перенести в Филину квартиру и я вполне считала своим правом что-либо менять по собственному вкусу. Но не меняла! Во-первых, потому что мне и без того было вполне комфортно и приятно находиться в той обстановке, ну, а во-вторых, банальная нехватка времени не позволяла прочувствовать, что же там не так. Так и жили, периодически перебиваясь то там, то тут. К-н-и-г-о-л-ю-б. нет Были дни, когда мы не виделись вообще, но они были редкостью и видеть Филю постоянно вошло в привычку, несмотря на плотный график, да и мне это было просто приятно. Я не старалась на него давить морально, не грузила своими проблемами, которые, несмотря на близкую связь с уважаемым человеком, никуда не испарились, а иногда мне казалось, что их изо дня в день становится только больше. Осень сложная пора года, когда основная масса клиентов возвращается из тёплых стран и начинают отъедать на зиму брюшко, чтобы не замёрзнуть в суровые русские холода. Поэтому работы прибавилось, азарт был несоизмерим, а желание вырваться к любимому человеку и того более.

Но всё не может быть так гладко, да и гладко не было. Были и ссоры, и недопонимания, и даже грандиозные скандалы, которые заканчивались грандиозным примирением и всё это недель за шесть, не более того. И, казалось бы, всё идёт как нужно, все так живут: преодолевают трудности, перешагивают через свои принципы, идут дальше и мы шли, и преодолевали, и перешагивали, но чувство чего-то неправильного не покидало моё осветлённое любовью сознание. Да, я твёрдо призналась себе в том, что всё-таки влюбилась, прикипела, привыкла, в конце концов! То же можно было сказать и о Филе и он уже не удивлялся, что рядом с утра шевелится что-то рыжее, сонное и нежелающее просыпаться. Но всё равно, меня не отпускало чувство тревоги. Я стала замечать, что Филю вроде как тяготит моё присутствие. Нет, он весьма деликатно отзывался на всяческого рода претензии по

этому поводу с моей стороны, и всё отрицал, называя меня мнительной, но всё же. Наша жизнь в мелочах и эти мелочи слишком яростно бросались в мои глаза. В частности, я очень оскорбилась когда нас пригласили на дачу к общим знакомым, а с работы слинять на все выходные я не смогла. Так вот Филя, не то, чтобы вздохнул с облегчением, но и не расстроился. Подозрительно, не так ли? Звонки, которые становились всё реже, улыбаться, опять же, он практически перестал и, вообще, наша жизнь стала напоминать бытовуху после семи лет брака. И я понимаю, что мне вот-вот и дадут смачного пинка, и стоило бы уйти с достоинством, бросить его первой, но нет! Не хочу, не могу, не буду! Цепляюсь за него из последних сил, закрывая глаза на все недомолвки, на все пробелы и завуалированную усталость друг от друга.

Я понимаю, что в паре всегда кто-то устаёт от отношений первым и в нашей паре этим первым стала отнюдь не я. И вообще, все эти правильные умозаключения и советы психологов мне хорошо известны, вот только когда любишь, не можешь воспринимать что-то всерьёз. Все советы со стороны кажутся глупыми, отставшими от жизни, несвоевременными. А только твоя точка зрения является правильной и основной. И я раз за разом приходила, терпела, улыбалась его усталости, гладила по непослушным волосам и он мирно затихал на моей груди, словно котёнок, но котёнок этот и коготки показывал, причём достаточно острые. И естественно, как логическое завершение этой эпопеи, настал день «Х». И настал он ожидаемо неожиданно, подкрался незаметно и набросился из подворотни с пыльным мешком в скользких лапах.

Глава 13

Вся счастливая и довольная от очередной гениальной идеи как наладить наши отношения, я заявила в офис крупной компании и протирала в приёмной белоснежные ковры, пока мне весьма любезно и вполне доходчиво не пояснили, что Филипп Аркадьевич сегодня работает дома. Проще говоря, послали. А я и пошла. Домой. К нему. И никаких тебе сомнений и подозрений, весело насвистывая знакомую мелодию из ротаций русского радио, поднялась на нужный этаж, открыла дверь своим ключом, который когда-то дала мне Машка. И я даже культурно стеснялась первые пару недель ими пользоваться, предусмотрительно звонила в звонок, пока Филя не поставил ультиматум и не пообещался не открывать дверь. С того самого момента чувствовала себя как дома и приходила в любое удобное время. Ага, особенно если учесть, что, кроме понедельника, моё свободное время начинается в два часа ночи и заканчивается в одиннадцать дня. Так вот, я вошла, разулась, подхватила пакеты с обедом, которые прихватила из ресторана, чтобы порадовать любимого и не довести до язвы желудка, поставила яства на кухне, а сама направилась на поиски голодного мужчины. Гостиная, спальня и все остальные комнаты оказались пусты и безжизненны, а вот кабинет я оставила на закуску, к тому же, он был запрятан в самом конце коридора и в любом случае, был одним из последних мест, где я стала бы искать. И ведь нашла! Именно в кабинете. Филя сидел за бумагами, пальцами перекатывал золотую ручку, подаренную ему кем-то из бывших пассий на прошлогодний юбилей, а вот на меня он посмотрел весьма неодобрительно.

— Нужно был постучать? — Догадалась я и подарила лучезарную улыбку, которая строгий взгляд ни капельки не смягчила. — Тук, тук, тук. — Изобразила «няню Вику» и, соответственно, похлопала ресницами. — Ну, не будь же таким букой.

Я набралась смелости, по крайней мере, всячески продемонстрировала свою начальную робость, прошла вглубь кабинета, обошла стол, повисла на мощной шее, от которой

привычно пахло лосьоном после бритья, подаренным после очередного примирения, заодно и от предыдущего избавилась (Маша по секрету сообщила, что тот тоже был подарком женщины). А Филя всё молчал и молчал, пыхтел как паровоз, был недоволен и действительно выглядел уставшим.

— Лар, я работаю. — Наконец, выдавил из себя он и аккуратно скинул мои руки со своих плеч.

— А мне показалось, что ты сосредоточенно над чем-то думал. — Принимая вид ласковой домашней кошки, я растянулась на небольшом диванчике.

— Думать это и есть моя работа. А ты? Почему не в ресторане?

— Вырвалась на пять минут, чтобы тебя покормить. Сюрприз хотела сделать, а ты спрятался тут и даже мне не сказал. Я была в офисе. — Пояснила тут же и зазывно улыбнулась, хотя чувствовала, что бури не миновать.

— Да. Сегодня нужно было поработать дома, пару встреч вечером...

Он резко замолчал и внимательно посмотрел на меня.

— Хочешь, принесу обед в кабинет? Я сегодня добрая и готова поработать официанткой. Вино, кстати, принесла классное, один знакомый подарил пару дней назад. Наливать?

Филя невнятно кивнул, но первое, что задело, так это на отсутствие реакции на упоминание о другом мужчине, которого я, кстати, не придумала, а он действительно был у нас в гостях в начале недели. И эти кивки вместо полноценных ответов... Заметила, но не подала виду и направилась в кухню. Уже там начала додумывать факты, суммировать события и, тем самым, вела себя к неутешительным выводам. Филя появился в дверях когда еда была разложена по тарелкам, а вино налито в бокал. Себе не наливала, мне ещё за руль.

— Ларис, нам пора поговорить. — Мученически глянул он на меня, прислонился буйной головушкой к косяку и, вообще, держался так, словно сразу после этой фразы я должна его порвать.

Но рвать его я не собиралась, более того, вдруг поняла, что морально к этому разговору уже давно готова и просто обязана была начать первой, но нет, дождалась, раззява!

— Наверно... наверно пора. Говори.

Скрестила руки на груди и попыталась улыбнуться, а Филе отчего-то, глядя на меня, стало тошно.

— Нет, Лар, ну, я так не могу, смотришь на меня сейчас, как приговора ждёшь. — Хлопнул он руками по бёдрам, вывернув всё так, словно это я виновата в его минутной слабости. Знаю же, если начнёт, то остановить его будет уже сложно. Вот всем Филя хорош, но что касается выяснения отношений, так это увольте. Это без него.

— Предлагаешь мне отвернуться? — Хмыкнула и от внезапно нахлынувших невроза, сама схватила предложенный Филе бокал и сделала пару глотков.

— Я не о том...

— Ничего, ты говори, там, кажется, дождь начинается... — Пытаясь спрятать кислое выражение лица, я действительно отошла к окну, крепче сжала предплечья пальцами и взглядом пыталась уловить хоть что-нибудь.

— Лар, ты повернёшься?

— Я тебя слушаю, не смущайся.

И, представляете, он выдохнул, сел на стул, провёл руками по волосам, а у меня, как у слепого, обострился слух и я улавливала каждое его движение.

— Ларис, мне тяжело. Я понимаю, что в чём-то не прав, но наверно просто не готов к серьёзным отношениям. Ты взрослая, самодостаточная женщина, я вижу, что ты хочешь семью, постоянного мужчину рядом и я был готов им стать, но... у меня не получается.

Он несколько секунд ждал моего ответа, хоть какой-то реакции, но я затаила дыхание и ожидала продолжения.

— Меня душит твоя забота! — Выкрикнул Филя, вскочив, и метнулся по кухне. — Твоё внимание, твоё присутствие в моей жизни. Ты... ты везде, ты во всём, даже дом пахнет твоими духами. — Снова молчание и снова нет моего ответа. — Ты замечательная, ты самая лучшая, но я хочу больше свободы, больше самостоятельности, да я просто не привык к тому, что рядом со мной постоянно кто-то находится. Я чувствую себя маленьким мальчиком, за которым мама бежит с ложкой и просит съесть ещё каши! Ты не хочешь идти на компромиссы и если говоришь, что это чёрное, то пусть оно хоть трижды будет красным, я готов согласиться с твоим мнением и мне это не подходит! Я не привык к такой жизни, к ответственности за другого человека. Не знаю, чего ожидал от отношений... и... мои чувства к тебе остались неизменными. Я всё так же хочу тебя, я люблю тебя и не хочу, чтобы ты ушла, не могу себе позволить тебя потерять, потому что другой такой нет, да и не нужна мне другая... Вот только любое лекарство в больших количествах становится ядом.

Он выдохнул, наверняка сжал кулаки, не сдержался, двинулся к окну и силой повернул меня к себе лицом. Внимательно оценил взгляд. Не заметил там отчаяния, слёз, удивления, и отошёл на несколько шагов. Потёр губы двумя пальцами, средним и указательным — курить хочет, провёл ладонью по лицу, размял шею. Следующий выдох тяжелее и длительнее предыдущего.

— Молчишь? — Бросился ко мне, обхватил лицо обеими ладонями, надёжно зафиксировав голову так, чтобы видеть глаза. — Лар, пойми ты, я говорю это всё не для того, чтобы обидеть тебя, а для того, чтобы ты меня понимала!

Злитесь за то, что я не устраиваю истерики? Интересно.

— Я тебя понимаю, успокойся. — Оттаскивая ладони, сжавшие лицо, я попыталась улыбнуться.

— Нет, нет, ты всё не так поняла, я не бросаю тебя, нет!

— И это я поняла. Просто нам нужен отдых друг от друга, больше свободного времени, я всё слышала.

— И молчишь?

— А что ты хочешь услышать?

Он, наконец, отпустил моё лицо и позволил отойти. Я опёрлась попой на подоконник, взяла бокал и сделала ещё несколько глотков вина. Замечательное испанское вино... пьёшь и не пьянеешь.

— Мне пора.

И я решительно направилась в коридор, огибая недвижимого Филиппа.

— Ларис...

— Я сразу сказала, что на минутку, пообедай. — Сказала и прикусила язык, так врезалась в память его фраза о мамочке с ложкой каши.

— Ты же обиделась, я вижу.

Бросив увлекательнейшее занятие в виде натягивания туфель, я швырнула ложечку на полку и перестала улыбаться.

— Да! Да, Филь, я обиделась. И не понимаю, почему тебя это удивляет, ведь ты не

сказал мне ничего такого, чему нужно радоваться!

— Не кричи.

Попытался приблизиться, но эту попытку я пресекла отставленной ладонью

— Я не кричу, я тебя услышала, я всё поняла, мне нужно время, чтобы прийти в себя и всё обдумать. — Выпала на автомате и схватила сумочку. И глазом не моргнула, как оказалась в грубых объятиях Фили.

Вдруг захотелось расплакаться, хотя я себе и обещала, но... просто не успела, потому что зазвонил телефон.

— Лариса Витальевна, тут рыбу привезли, мне она не нравится, а везти более свежую отказываются. У нас, между прочим, заказ на рыбу. — Практически кричал в трубку один из поваров, милый парень, но очень уж эмоциональный. Он тут из-за рыбы разрывается, а у меня личная жизнь на волоске висит.

Уверенная, что Филия слышал каждое взволнованное слово, из объятий я ловко вывернулась и принялась возиться с замками.

— Передай водителю, что если он будет упираться, сам съест эту рыбу.

— Я всё говорил, он ответил, что ничего другого на складе нет и менять не на что.

— Ладно. Не кричи и не отпускай его. Я приеду через полчаса и во всём разберусь. Ты вышли мне в сообщении номер поставщика, я свяжусь с ним и узнаю причины. Всё, работай. — Посмотрела на Филию — вдруг показалось, что вижу его последний раз и приласкала взглядом, выдала всю нежность, на которую была способна и он это прочувствовал, изменение моего настроения уловил, притянул мою ладонь к губам и крепко прижался. — Ты же слышал, мне пора. — Улыбнулась я.

— Я позвоню.

— Жду. — Чуть запоздало кивнула и улыбнулась, покидая его дом.

Из подъезда выскочила как ошпаренная, зная, что его окна выходят на другую сторону. Не помню как села за руль, не помню о чём и какими словами разговаривала с поставщиком, получив его номер, но точно помню, что он обещал привезти всё мигом и в лучшем виде. И ещё взмах полосатой палочки перед капотом.

— Лейтенант Аникеев, предъявите документы. — Строгий незнакомый голос и незнакомое лицо перед глазами.

— Что?

— Предъявите водительское удостоверение и документы на машину. — Повторил сотрудник Госавтоинспекции и посмотрел на меня с подозрением.

Вытащив из сумочки документы, протянула ему и часто-часто заморгала, смаргивая набежавшие слёзы.

— Всё в порядке м-м... Лариса Витальевна?

— Что?

— У вас всё в порядке?

— Д-да, всё хорошо. — Слёзы покатались сильнее и мне пришлось их смахивать уже пальцами, стараясь при этом не размазать косметику.

— Ну, что тут у тебя? — Возник перед машиной ещё один сотрудник и взял в руки мои документы. — Лариса Читаева? Повар? Это ваш ресторан на проспекте? — Улыбаясь, засыпал вопросами старший по званию.

— Мой.

— Мы с супругой были у вас на прошлой неделе. — Он довольно потёр живот, глянул на

лейтенанта и посуровел. — Иди, Аникеев, тут я сам. Так, что же вы, Лариса Витальевна нарушаете?

Что именно я нарушила он так и не сказал, но в том, что могла, я особо не сомневалась, поэтому заплакала уже не сдерживаясь, правда, тихо, без завываний и забыла о существовании мужчины рядом с машиной.

— Лариса Витальевна, у вас что-то произошло?

— Не-нет. — Тихо заикалась я, давясь слезами. — А есть здесь рядом стоянка, мне н-наверн-но лучше на т-такси?

— Да вот, сто метров магазин, — указал он своей палочкой-выручалочкой в сторону, — может, вам помочь?

— Пож-жалуйста. — Простонала я и подвинулась на пассажирское сидение, не особо заботясь, что посторонний мужчина сейчас увидит, какая резинка у моих чулок.

Доехали мы через минуту, припарковались на свободном месте, но мужчина выходить не спешил, но и что со мной делать, не особо понимал.

— Вам вызвать такси? — Уточнил он и я вспомнила, где, с кем и почему, и пожалела себя ещё больше.

— Вам у нас понравилось? — Он не понял и замер с открытым ртом. — В ресторане?

— А-а, ну, конечно, супруга говорит лучший в городе. Скатерти там, салфетки, она в этом понимает, кухня превосходная. А вы уверены, что такси не нужно?

— Я сама, спасибо. А вам... вот. — Из бардачка достала пригласительный билет и протянула инспектору. — Там на четыре персоны, ужин со скидкой, вписываете дату и бронируете столик. Спасибо ещё раз.

— Да, не за что. У вас точно всё в порядке? Может, я могу что-нибудь для вас сделать?

— Нет, нет, спасибо.

Так я в машине осталась одна. Запоздало спохватилась, что кроме прочих нарушений, которые могла совершить, за руль села после бокала вина, испугалась, перетрухала, тут же вызвала такси, пытаюсь определиться, куда же мне ехать. В ресторане много заказов, блюда от шефа, а дома Андрей с лишними расспросами — вопрос решился сам собой. Только вот на кухне мне места нет, с таким настроением только в подсобке и сидеть, чем я по прибытии и занялась. Переваривала полученную информацию. Вспоминала его эмоциональные слова, нервные жесты, объяснения, что он меня таким образом не бросает и почему-то становилось смешно. Самый приличный мужчина в моей жизни. Даже маме понравился и она клятвенно заверяла, что приставать к нему не станет, хотя я полагаю, это оттого, что результата на её скользкие острые высказывания, она не получала, поэтому и острить не интересно. Так вот, этот мужчина, именно он, так нелепо послал меня. Горько было оттого, что я позволила себе влюбиться, рассчитывать на что-то большее, и ещё можно много всего сказать, но нет ни желания, ни настроения. И вообще, страдать — не моё амплуа, куда проще быть непробиваемой стервой, самой за себя отвечать и самой решать свои проблемы. Этим я и занялась, начав с главного: определилась с Филей. А сделать это с трезвой головой оказалось не так и сложно: нужно только дать ему ту самую свободу, о которой он просил, а дальше пусть делает с ней всё, что заблагорассудится. На столе обнаружила два билета в Испанию — мой неудавшийся сюрприз, один смело порвала и отправила в мусорную корзину, второй аккуратно вложила в паспорт и выдохнула. «Отвечай только за себя, живи своей жизнью и ни на кого не надейся» — сказала сама себе и улыбнулась. С такой холодной улыбкой вышла из подсобки, чем ужаснула сразу нескольких поваров, которые

предпочли притихнуть и замаскироваться под кухонную утварь, и всем стало понятно, отчего у нас в холодильнике лежит самая свежая рыба.

Прошло два дня. Два дня тишины, неведения, напряжения. Не обсуждая причины вслух, мои сотрудники в душе успели возненавидеть Филю, но не потому, что я стала придирается, срывать на них, нет. Я вернулась в прежний ритм жизни, когда от остальных требую многого, сама же, выполняю ещё больше. Ритм загнанной собаки, у которой нет цели, а значит, и остановится она не сможет. И когда раздался звонок моего телефона с характерной мелодией песни «Ханума», которую за последние пару месяцев все выучили наизусть, даже лук в сковороде стал скворчать тише.

— Я. — Коротко и ясно, максимально сокращая потраченное в пустую время (и это вам вместо «Слушаю внимательно тебя, мой дорогой, и записываю», произносимое обычно).

— М-м...

Боже, какое многословие, я просто теряюсь...

— Говори. — Подсказала на всякий случай.

— Привет, родная, свободна?

— Я на работе, давай быстрее.

— Встретимся сегодня?

Спрашивает, а не утверждает, значит, сомневался. Хорошо.

— Я работаю до двенадцати.

— Хорошо... тогда я заеду.

— Пока.

Повесила трубку и услышала протяжный выдох сразу нескольких человек.

— И не нужно, товарищи, так активно демонстрировать свою нежданную радость.

— Лариса Витальевна, так вы же до шести собирались сегодня, нет?

— Собиралась, но сейчас всё отменяется. Тот, кто отпрашивался на вокзал встречать родню, может отправляться, а всех остальных прошу не медлить, работу никто не отменял.

Безумно «радостный» гул пронёсся по кухне в связи с дополнительными шестью часами напряжённости в моём лице, на что я не могла не улыбнуться: знаю, где-то глубоко внутри они меня любят не только как человека, но и как начальника, правда, иногда, приходится им же эту простую истину и объяснять. Но меня на тот момент больше беспокоила вечерняя встреча, на которую возлагались большие надежды. Но уже скоро я поняла, что им не суждено исполниться.

Филя, как ни в чём не бывало, приехал в назначенное время к ресторану, букет цветов не в счёт, улыбнулся, мазнул губами, имитируя поцелуй, на всякий случай уточнил, всё ли у меня в порядке и далее, без лишних слов повёз к себе. По дороге бросил ещё несколько подозрительных взглядов, которые я сгладила своей добродушной улыбкой. Разговаривали о чём угодно, точнее, о работе, но волнующую каждого тему не затрагивали, и никаких ожидаемых извинений не последовало. Лёгкое вино на аперитив, прелюдия в виде долгих влажных поцелуев по всему телу, массаж на разогрев и секс на завершение сеанса снятия стресса.

Филя отработал отлично, я ещё лучше, обслужила своего мужчину по высшему разряду, помня о том, что женщина в постели должна быть любовницей, дома — любящей женой и мамой, а на работе ломовой лошадкой. Все три пункта современной женщины я выполняла на отлично, особенно пункт с любовницей. С этим у меня проблем не было никогда. Многие говорят, будто оттого, что рыжая, другие искали иные причины, но отзывались обо мне в

постели как о женщине темпераментной, любящей быть лидером, и позы я выбирала соответствующие. С Филей мне свой гонор можно было в ход и не пускать, так как он и сам заботился о моём удовольствии не меньше, чем о своём. Эротический массаж, оральные ласки, интимные прикосновения — всё он делал с особым извращённым удовольствием, контролируя каждый мой вдох, каждый выдох, и этот контроль он любил ещё больше, чем сам процесс взаимного удовлетворения. Никогда не настаивал на оральном сексе (со своей стороны), но и никогда не отказывал мне в этой приятной мелочи. Его тёмный взгляд раскалялся, обжигая меня без прикосновений. Руки гладили, сжимали, массировали, грубость чередовалась с нежностью и мне всего хватало, всего было с лихвой, и я впитывала его как губка до последней капли. Первая неловкость после того разговора исчезла как только я ответила на поцелуй. Активно, откровенно, не так как всегда, а пыталась вырвать лидерство, сегодня я во всём была первой, главной, инициатором, и подчиняться моему мужчине понравилось не меньше, чем властвовать.

Уснул он счастливый и спокойный, с улыбкой на лице, обнимая меня тяжёлыми ото сна руками, пытался притянуть ближе, словно чувствуя моё настроение. Но как только мирный сап перешёл в глубокий сон, хватка ослабла, улыбка на лице померкла, а я присела на краю постели и посмотрела на эти отношения изнутри. Филя... грозный, стойкий, лидер по жизни, он никогда и ни в чём не уступает, не привык лебезить, не приучен к гибкости, идёт напролом, берёт то, что хочет, отдаёт то, что ему не интересно. И я. Обиженная судьбой и жизнью, активно делающая вид, что у меня всё лучше всех, добиваюсь чего-то невнятного, только бы чего-то добиться. Раньше это были деньги и достойное существование для моего сына, потом должность, акционерство, теперь я хочу равноправия в ресторане и в отношениях с Филей. И задаю себе логический вопрос: а хочу ли я этого на самом деле? Время... всегда не хватает времени... Думая обо всём этом, я неспешно бродила по квартире, то там, то тут натыкаясь на личные вещи, и ловила себя на том, что не помню, когда и зачем их сюда перевезла. Зубная щётка, халат, комплекты нижнего белья — это понятно, средства личной гигиены и частично косметика, тоже вполне оправданно. Но как здесь оказались четыре пары обуви, фен для волос, мой ежедневник, который прежде из квартиры ни ногой? Жидкое мыло для рук, туалетная бумага именно такая, как я люблю. Несметное количество одежды, причём всепогодной, как домашней, так и парадно-выходной. И, собирая всё это в большой пакет, я отметила, что в чём-то Филя был прав, по крайней мере, в моём активном присутствии в его жизни. И это нужно было менять, поэтому кроме зубной щётки я не оставила в его в квартире ничего, что смогла заметить ночью. Тихо закрыв за собой дверь, теперь могла даже домой перед аэропортом не заезжать, всё было при мне. Только отправила Андрею сообщение, что уезжаю по делам, а большего для него и не нужно. Вычеркнуто, забыто, начато с нового листа.

Глава 14

Проснулся Филя, когда было ещё темно от странного чувства дискомфорта, которое не отпускало несколько ночей подряд, но в этот раз уснув спокойно, проснулся он снова в холодном поту. Быстро оглядевшись по сторонам, не заметил ничего подозрительного и хотел, было, плюхнуться обратно, как вдруг понял, чего ему не хватает: Ларисы, её запаха, её тепла в постели, хотя каждый раз удивлялся, как вечно мёрзнувшая и хрупкая, она могла одним лишь присутствием сделать его мир уютнее и красочнее.

— Лара?.. Лариса! М-м... — Мученический стон, сопровождаемый потоком брани и нецензурщины, подушка полетела в дальний угол, но так и не добралась до вазона с цветком, а вот сейчас, именно в этот момент, хочется что-нибудь разбить, уничтожить. — Идиот!

Собравшись в считанные секунды, сбежал по лестнице вниз и сел за руль своего автомобиля. Он был зол. На себя, в первую очередь, и, чуть меньше, на саму Ларису, которая, как и всегда, приняла какое-то решение, забыв посвятить его в тонкости и подробности. В то, что Лариса простила и забыла их последний разговор он не поверил ни на секунду, а она и не пыталась скрыть. Два дня не звонила и не появлялась, а когда он позвонил сам, ответила сухо, скомкано, для её манеры говорить, даже грубо. Наигранная радость от встречи, вежливая благодарность за цветы, которым обычно радовалась как ребёнок, отвлечённая тема под названием «О чём угодно, только не о нас». Ярая страсть в сексе, непривычные позы, её доминирование, словно бы хотела показать, на что способна и что сдерживала себя всё это время. Ничем не замутнённый взгляд, ответы на вопросы короткие, односложные, вопросов не задавала вообще. Вот так, сидя за рулём и анализируя, всё становится очевидным, хотя ещё с вечера, таковым не казалось. Но и отношения она не прерывала — будучи человеком прямолинейным, сбегать бы не стала, выяснила бы всё «от» и «до». Но ночевать не осталась, демонстрируя свою обиду, показывая и тыча его носом в ту свободу, о которой он просил и чего добивался. Только Филя хотел чего-то другого, разница практически неуловима, но не то. Он это знал, чувствовал, только объяснить так и не смог. Разговор по глупости перенёс на утро, чтобы видеть её глаза, чтобы слышать её полутона, но утра Лариса не дождалась, как всегда всё переиграв по-своему.

Он нёсся по ночному городу, с каждой секундой распаляя свою злость и негодование, ожидал бурного выяснения отношений, готовился, подбирая слова, чтобы не обидеть сильнее, но раз и навсегда разьяснить, что, как и почему. Да, он хотел покорности, он хотел полной зависимости, только не учёл того, что Лариса не глупая и не доверчивая. Она не ждёт, она такая же, как и он сам: делает первый шаг, не оглядываясь назад, а позади теперь остались их тёплые, доверительные отношения, которые он разрушил своим невнятным желанием. А что будет впереди думать было некогда, потому что уже скакал по лестнице до её этажа. Дверь открыл своим ключом, чтобы не разбудить, готов был прокрасться в постель, проснуться рядом с ней как ни в чём не бывало, перевести всё в шутку, только бы иметь возможность поговорить спокойно, на что он не рассчитывал, но тёмные коридоры квартиры дали на это шанс. Вошёл в спальню, присел на кровати, долго вглядывался в темноту, пока не понял, что в комнате кроме него никого нет. Резкий щелчок выключателя, несколько секунд привыкания к свету и полное понимание того, что его здесь не ждали.

Шаги босых ног со спины, обернулся — Андрей.

— А, это ты... а мама где?

Сонно почесав затылок, протяжно зевнув и потянувшись, Андрей сбросил усталость с мышц рук и посмотрел на Филиппа с удивлением, затем с недоверием, а закончилась эта игра одного актёра чем-то невообразимым.

— Так нет её.

— Что значит нет?!

— Прислала сообщение, написала, что уезжает по делам. А-а... ты не в курсе?

— Представь себе нет!

— А чего кричать? Позвонить же можно.

— Точно!

Быстро набрав номер, услышал, что абонент недоступен и нахмурился ещё больше.

— А что это у неё за дела в пять утра, она, случайно, не сказала?

— А тебе? — Нахально хмыкнул Андрей в ответ и прислонился плечом к косяку.

— Я, как видишь, впервые об этом слышу. Давай, думай, кто может знать? — Пыхтел Филя, откладывая казнь, а в том, что это будет казнь, прилюдная, жестокая, он уже не сомневался.

— Ну-у, тётя Люда может знать.

— Кто это?

— Подруга мамина. — Видя, что Филя не соображает, добавил: — жена дяди Лёни.

— Людка, что ли?

— Я так и сказал.

— Не вздыхай! Адрес её знаешь, телефон?

— Знаю. И адрес. И телефон. Только сейчас, как ты сам заметил, пять утра, и нормальные люди ещё спят. Так что лучший вариант съездить с утра в ресторан, там у неё и настроение рабочее и по делу общаться она будет настроена. Мама всегда говорит, что по работе их с дядей Лёней лучше дома не беспокоить.

— Мне можно. Но ты прав, напиши номер телефона, обещаю до утра не звонить.

— А что, у вас что-то случилось? — Идя по коридору в свою комнату, как бы невзначай проронил Андрей, но Филю эти слова задели.

— С чего бы?

— Ну-у...

И это необъятное «Ну-у» говорило о многом.

— Лёгкое недопонимание.

Андрей вернулся с телефоном в руках, на последнее высказывание фыркнул и покачал головой.

— Мама и недопонимание понятия несовместимые. А по поводу того, что ей нельзя давать почувствовать себя главной, я уже предупреждал.

— Да с чего ты взял? — Филипп даже возмутился, правда, по скептическому взгляду Андрея, стало понятно — он не впечатлён.

— С того, что ты в джинсах, без носков и, — присмотрелся, — без трусов, с майкой, одетую на левую сторону, ищешь маму здесь, хотя она звонила и предупредила, что ночевать будет у тебя. Как?

— Сильно. — Выдохнул, опустив голову.

— Пролетел ты... дядя Филя.

— Набери со своего...

— Она недоступна. Когда человек в чёрном списке, абонент обычно занят. И мне кажется глупо прятаться от мужчины, у которого есть ключи от твоей квартиры. Она просто уехала по делам. Приедет — разберётесь.

— Откуда ты такой опытный на мою голову?

— У меня тоже есть девушка. Только мама, по сравнению с ней, сущий ангел.

— Ага, удачи. Будут новости — звони.

— Обязательно.

Назад Филя уже не торопился. Глянул на себя со стороны и рассмеялся: всё как Андрей и сказал, даже про майку. Сел в машину, пока гуляющие в такую рань старушки со своими питомцами не приняли за сексуального маньяка, с них станется... Почему-то после разговора с Андреем стало легче, показалось, что Лариса просто уехала по делам. Отчего ночью, можно узнать у подруги, а всё остальное выяснит по приезду. Вот только мысли о том, что всё может закончиться вполне мирно, исчезли уже с порога, когда на тумбочке под зеркалом обнаружил связку ключей. Те самые ключи, которые Машка передала Ларисе, брелок с синим сердечком так и висел на них, только теперь казался осиротевшим и одиноким. На этом сюрпризы не закончились, а только начались. То тут, то там, Филя подмечал, что на местах стало пусто, вот, вроде ещё вчера всё было как нужно, а сейчас что-то не так. Мелочи, не заметные глазу в обычный день, сегодня кричали о своём отсутствии. Маленькая статуэтка ангелочка, которую Ларисе подарила девочка из парка, они тогда зашли к Филе и было решено ангелочка оставить для создания уюта, сейчас его на месте не было. Полупустой шкаф, который раньше казался забитым до отвала, пустующее место на полке для обуви. Заглянул в ванную, рассмеялся: даже жидкое мыло забрала, поставив на место прежнее, с ароматом цитруса. Кажется, кому-то не нравилось, что в доме пахнет её духами? Поздравь себя, здесь уже ими не пахнет! И только зубная щётка так и стоит в стаканчике, Филя даже догадывается почему, оттого и вытащил её, сломав пополам: он сам купил этот атрибут для Ларисы.

— Идиот! — Повторил второй раз за одно утро и в одежде залез под холодный душ.

Перед выездом ещё раз набрал Ларису, так сказать, на удачу и, надо же, дозвонился!

— Лар, какого хрена? Что за выкрутасы?! — Без разбору, без объяснений, сразу в нападение пошёл Филя, как только услышал недовольное «алло» в трубке.

— И тебе доброе утро, извини, не хотела будить.

— Допустим, а теперь быстро объясни где ты находишься и я приеду.

— Никуда приезжать не нужно. Я в Испании на фестивале «паэлы», это важно для работы, так что твоё присутствие не обязательно.

— Я так понимаю, подобные поездки в один день не решаются, сказать раньше могла, нет? — Уже спокойнее, от души отлегло и в смертных грехах, к которым готов был приравнять её побег, Ларису больше не подозревал.

— Замоталась, извини.

— Но...

— Не могу говорить, потом. Всё потом.

И на этом трубку она повесила. Культурно послала на хрен, если изъясняться проще. Вот тебе и свобода... Вот и поговорили, вот и разобрались, но что-то в её голосе Филе не понравилось и от разговора с Людой он не отказался, а наоборот, поговорить с ней захотелось ещё сильнее. Что там Лариса придумала...

Уже в девять он стоял под закрытыми дверями ресторана, возмущаясь, что у некоторых рабочий день начинается в обед. Как раз в этот момент подъехала иномарка и из неё с грозным лицом вышел Лёня, обогнул машину сзади и открыл дверь для жены. От показной любезности захотелось сплюнуть, но отметил, что он для Ларисы никогда ничего подобного не делал и одумался.

— Доброе утро. — Поздоровался с двоими сразу и не совсем понял, почему на него смотрят с таким удивлением. Сегодня что, день всемирного удивления? Сначала Андрей, затем эти двое.

— Доброе. — Улыбнулась неверящей улыбкой Люда, Лёня же пожал руку.

— Какими судьбами? — Поинтересовался он, попутно снимая ресторан с сигнализации.

— Да вот, есть тема для разговора.

— Что-то с Ларисой? — Ужаснулась Люда и прикрыла рот ладошкой.

— В некотором смысле.

— Тогда идём.

Потеснив мужа в дверях, Люда, которая своей решительностью смутила даже Филю, проскользнула вовнутрь.

— Рассказывай. — Кивнула она, усаживаясь за одним из столиков.

— Да, мне-то рассказать нечего, я бы тебя хотел послушать.

— А я что должна сказать? — Улыбнулась она, подошёл Лёня и напряжение усилилось, ревностные чувства в его сторону так никуда и не делись, а если учесть, что он наверняка знает, где Лариса и даже подозревает об их разладе, то они только усиливаются.

— Да вот, Лариса уехала по делам, и не сказала куда. Она срочно мне нужна, а телефон недоступен. Подскажешь где её искать? — Намерено не упомянул про недавний разговор.

— В Испании. — Саркастически оскалился Лёня. — Ну, раз вопрос в этом, думаю, вы и без меня разберётесь. — С победной ухмылкой и гордо задранной головой, в которую хотелось запустить чем-нибудь тяжёлым, он направился в сторону хозяйственной зоны.

— Так, где?

— Лёня же сказал... — Развела руками Люда и вдруг нахмурилась. — Вы что, поссорились?

— Это у меня на лбу написано?!

— Да нет... — Тихо и примирительно заговорила Люда. — Просто... просто у неё было две путёвки и... и я думала, что она с тобой... полетит.

— Ничего не понял.

Сложив руки, словно школьник, Филя склонился над столом, разглядывая узор белоснежной скатерти. Резко поднял голову, стукнул кулаком по столу и зыркнул на Люду.

— Что за путёвки, какая Испания?! О чём вы вообще говорите?

Выдержав достаточную для успокоения Филя паузу, Люда чётко начала вещать.

— В прошлое воскресенье приезжал один испанец, Лариса с ним давно знакома, ещё по кулинарным конкурсам, короче, не важно. Так вот, он пригласил её в Валенсию, на фестиваль «паэлы» — это блюдо такое.

— Знаю. Дальше.

— А что дальше? Дальше она согласилась, потому что отказываться от такого приглашения грех. Он подарил ей приглашительный, в который входит проживание, перелёт и культурные мероприятия. Всего три дня. Но Лариса сказала, что поедет, — Люда красноречиво поджала губы (не упоминать же про любимого мужчину, который вот так

вдруг оказался за бортом), — в общем, что с тобой поедет и за свои деньги оплатила ещё один пригласительный билет.

— Значит, она приедет через три дня? — Удовлетворённо улыбнулся, мысленно перекрестился и собрался было уходить, как Люда его одёрнула.

— Не совсем. — Тихо добавила она и дождалась, пока Филя сядет на место и отдышится. — Она потом подумала, что три дня уйдёт только на официальную часть и решила устроить себе небольшой отпуск. К тому же давно нигде не была, пора бы развеяться, в общем, продлила бронь в отеле на неделю.

— И с чего ты взяла, что она со мной собралась ехать? Такие вопросы требуют моего непосредственного участия, а я об этом слышу впервые.

— Так она при мне твоему секретарю звонила, уточняла планы на нужные дни, там вроде всего пара важных встреч, так она лично договаривалась о их переносе, всё остальное твоя секретарь утрясала.

— Ты бредишь! — Тут же набрал номер приёмной. — Ань? Слушай, вопрос такой, тебе Лариса Витальевна случайно не звонила, насчёт переноса моих встреч?

— Звонила, Филипп Аркадьевич, уточняла, что с расписанием, что-то про сюрприз говорила.

— Понятно, когда это было?

— Да... в понедельник, что ли... а в четверг позвонила и сказала, что ложная тревога, всё отменяется. А что, что-то случилось? Я всё на место переписала.

— Ничего не случилось, Ань спасибо.

— Вот видишь! — Сверкнула глазами недовольная недоверием к своим словам Люда.

— Ничего я не вижу! И ничего не понимаю. Что за испанец?

— Обычный такой, красивый, загорелый, он с Ларой по-английски бормотал, веселил. Вина три бутылки привёз хорошего, у нас такого не купишь, вот, билеты эти, пригласительные. Приехал, пообщался, город посмотрел и уехал. А у вас-то что случилось? У Ларисы я не решилась спросить, она на такие темы не распространяется, только на кухне тишина гробовая, так что и без слов всё понятно.

— Вино помню... — Пробормотал сам себе под нос, вино действительно было. Глянул на Люду и растянул губы в улыбке. — Ничего непоправимого. Я надеюсь.

— И я. Надеюсь. — Выразительно поведя бровями выдохнула Люда и отвернулась. — И когда только успели? На днях ещё с билетами этими возилась, меняла, чтобы места рядом были и вот тебе раз: поругались!

— Она неправильно поняла.

— Мне твоих оправданий не нужно. Я и так вижу, что виноват, иначе с чего бы тебе её искать? Только она злопамятная, может не признаться, но помнить будет. Это тебе так, совет.

Люда поднялась из-за стола, глянула на часы.

— Она уже прилететь должна была, значит, и телефон скоро включит. Ты позвони ей.

Но, не дождавшись ответа, ушла, ещё несколько раз обернувшись на понурого Филю, который смотрел в одну точку, надув губы, и сцепив пальцы перед собой в замок.

Так прошла неделя. Было ещё пару односторонних обделённых вниманием звонков, но и дальше терять мужское достоинство, чувство гордости и, в конце концов, бегать за ней, никто не собирался. Правда, узнав по своим каналам номер рейса и время прилёта Читаевой Ларисы, Филя поспешил в аэропорт с цветами.

Глава 15

Я, лёгкой походкой от бедра, с бурей новых эмоций и планов, шагала по залу аэровокзала не особо всматриваясь в лица, и когда мужчина с красными розами настойчиво перегородил путь, даже рот не успела открыть, как узнала Филю. Делового, при галстукке, всего такого непреступного и завидного, такого, каким увидела впервые. Остановилась, полюбовалась и рот у меня всё-таки открылся. А как иначе, если в тебя врезается мирно плетущийся сзади товарищ, друг и гость? Матео — жертва моего насилия под душем, кладёшь редчайших кулинарных рецептов мексиканской культуры, а ныне приглашённая звезда для открытого мастер-класса.

— Матео! Смотри, куда прёшь!

— Мои извинения. — Безобидно улыбнулся он и злиться на мужчину с такой улыбкой, две ямочки которой сводят с ума, дальше просто невозможно.

— Матео, познакомься, это Филипп. — Я приветливо махнула ручкой в сторону обалдевшего Фили и подёрнула того за рукав. — Филя, это Матео, мой давний друг и соратник по призванию.

— Добрый день.

— Привет. — Выдавило моё злое чудовище, схватило чемодан, всучило в руки розы и, развернувшись, направилось к машине. Ну, по крайней мере, я так надеялась.

— Филь, мы отвезём Матео в гостиницу.

Бежала я следом, практически вприпрыжку.

— Я так понимаю, это не просьба? — Рыкнул он, не беспокоясь, что иностранный гость может правильно его понять.

— Я могу взять такси. — Добавила тут же и взялась за ручку своего чемодана.

— Нет! — Рывнул он и всё сразу стало на свои места. Только Матео почему-то взгрустнул.

Уже по дороге в город, мой мексиканский друг забыл о происшествии и с нового листа начал беседу, правда, направление её было предельно точным.

— Скажи, Лари, это твой бой-френд? — Громким шёпотом начал он, косясь на злющего Филю с заднего сидения.

— Не совсем. Это мужчина, с которым я сплю, сексуальный партнёр.

— А разве это не одно и то же? — Последовал логический вопрос, но я ведь не буду углубляться в подробности наших отношений, так ведь? Потому предпочла культурно отмолчаться.

— Не совсем. Я как-нибудь объясню тебе разницу. Не сейчас.

Он сделал вид, что намёк понял, но я то видела этот недоумённый взгляд, да и вопросы резко прекратились и, только заселившись в отель, он шепнул: «Загадочная русская душа». А вот Филя шептать не собирался и спрашивать меня о чём-либо тоже, просто взял и привёз в свою квартиру, а спорить было весьма и весьма опрометчиво: не часто он бывал так взбешён.

— Ты объяснишь мне, что происходит? — Швырнул он мой чемодан о пол, как только оказались в коридоре. Стиснул челюсти до желваков на скулах, сжал кулаки, но предусмотрительно спрятал их за спину и прожигал мою голову взглядом.

— Во-первых, швырять чужие вещи неприлично. — Вполне спокойно, хотя за последнюю неделю при упоминании о Филе, я, в принципе, это слово из своего лексикона вычеркнула. Но всё же спокойно ответила и чемодан поправила, прислонив его к двери.

Мой намёк в виде логической цепочки дверь-чемодан был понят правильно и

последний тут же отправился по коридору дальше метким броском сильного мужчины. Не стоит упоминать, что после такого полёта бедный замочек сломался и половина одежды разлетелась по полу.

— А во-вторых? — Показательно сбив пыль с натруженных чемоданом рук, с издёвкой поинтересовался Филипп, давая понять, что моим ультиматумам и логическим цепочкам тут не место.

— А во-вторых, если ты разговаривать со мной не настроен и держать себя в руках не умеешь, то мне здесь тоже делать нечего. Вещей мне не жалко, хоть все выброси, а вот кое-что из сувениров я всё же заберу.

Прямо в обуви, переступив через барсетку с документами, которую хозяин, как и мой чемодан, миловать не собирался, направилась к разбросанным вещам, выбрала из кучи тряпок несколько надёжно упакованных коробочек и уткнулась носом в грудь. Да, именно в грудь, в чужую волосатую мужскую грудь (ведь галстук был снят ещё в машине одним резким движением, а пуговицы вырваны с корнем уже здесь, в квартире) — это Филя так неожиданно подскочил и зажал меня в тисках рук.

— Прости, родная, Ларис, давай поговорим. — Глядя на мои сомнения, отобрал коробочки. — Да брось ты их, садись. — И тут же подтолкнул в сторону спальни, опрокинул на кровать, хотя в его понимании, он меня туда усадил... ну, не важно.

— Давай. — Сдалась я, позволяя выговориться. Он смотрит. — Так и будешь молчать? — Всё равно смотрит. Нехорошо так, не по-доброму.

— Что это за история с совместным отпуском? — Наконец, начал он, а я и растерялась... Казалось, он начнёт с Матео, который так неудачно увязался именно на мой рейс, да и вообще... в общем, мой запал стервозности и здоровой злости испарился и я уже вся такая виноватая сижу и ломаю пальцы, объясняя.

— Филь, да, глупо получилось, — притворно вздохнула. А как же, я ведь вроде сожалею. — Идея эта, не знаю, как такое в голову пришло... Просто мне показалось, что это может нас сблизить, а ты со своими признаниями... в общем, я всё осознала и не стала отягощать.

— Что ты не стала?! — Раздражён, и очень опасен.

— Я не хотела заставлять тебя, навязывать своё решение, делать за тебя выбор, как хочешь назови, смысл не изменится! — Не сдержалась и выкрикнула ему в лицо, но на большее меня не хватило и руки сами собой опустились, я вцепилась ими в матрац и стиснула зубы, чтобы не наговорить лишнего.

— А просто посвятить меня в свои планы в твою очаровательную рыжую головку не пришло?! Просто набрать номер и сказать, раз уж в лицо не получилось? Так ты не можешь? Тебе обязательно прятать голову в песок, сделать вид, что так всё и было?

— А что ты хотел? Ты! Тот, кто сказал мне, что тебя угнетает моё присутствие, что тебя душит моя забота?! Как после этого я должна была сообщить, что решила свозить нас на совместный отдых? Зачем? Если ты всё ясно сказал... Или, может быть, я что-то неверно поняла? Так что? Что неверно можно было понять в твоих словах?

— Да всё!

Выкрикнул он мне прямо в лицо и с кровати подскочил. Правильное решение, потому как в следующий раз может и наброситься, настолько он себя не контролирует.

— Интересно...

— Ладно, допустим, с поездкой разобрались. Почему ты вывезла все свои вещи?

— Вопрос другой, ответ тот же. — Я сложила руки на груди и мысленно призывала себя к спокойствию, пыталась воспроизвести в памяти что-нибудь хорошее.

— Отлично! — Филя почесал гладко выбритый подбородок, явно ответом моим доволен не был, но вроде как принимает его. — Тогда последнее, особо важное. Когда этот спросил тебя, кто я такой, что ты ответила?

— Ты плохо понимаешь английский? — Попыталась съязвить, за что тут же оказалась парящей в воздухе. Хотя нет, не настолько одухотворённо, на самом деле, моя пятая точка повисла над кроватью по причине стальной хватки некоторых личностей, которые (личности) бесцеремонно сжимали мои запястья, стараясь раздавить в них все косточки. Больно, но терпимо.

— Я отлично понимаю английский. — Вызверился тихим шёпотом.

— Тогда в чём проблема? Вопрос третий, ответ тот же.

Филя устало опустил меня на кровать. И хватку свою ослабил, даже сам притворился измученным моим дрянным характером: положил буйну головушку на колени и потёрся о них носом, весьма эротично, а не так, чтобы сопли вытирать.

— Лар... хорошая моя, дорогая... — Гладил он выпирающие кости худосочных ног, — давай ты не будешь показывать свои когти, а просто попытаешься меня понять.

И эти слова стали его последней ошибкой, и последней каплей моего терпения. Нет извинений. Есть его мнение, с которым я не согласна. Поэтому, резко отбросив от себя и его голову и его конечности, которые нагло поглаживали участок обнажённой кожи уже между курткой и джинсами, я подскочила и отошла в сторону.

— Понять что? Что ты хочешь меня видеть только тогда, когда хочешь? Понять, что когда у тебя стоит, ты меня зовёшь, а когда я не нужна, так, пошла вон? Понять, что ты мужик, а я кто? Любовница? Нет, наверно это слишком громкое слово, для меня не подходит. Но и не шлюха, потому как моими сексуальными услугами ты пользуешься бесплатно, — нервно засмеялась, когда в голову пришла несуразная идея, которую я и озвучила, — слушай, а ведь я тебе за секс со мной доплачиваю бесплатными обедами, — глянула на непонимающего Филю и продолжила, — что, даром со мной слабо?

— Не нужно усложнять. — Покачал он головой, что-то отрицая, главное во всё этом: что именно?

— Усложнять? Филя, давай подумаем: встречаться как пара не хочешь ты, просто трахаться время от времени не хочу я, жениться ты на мне не станешь, потому что это абсурд, учитывая твои предпочтения, так, что остаётся?

— Лариса! — Предупреждающе, но не страшно. Уже.

— Я хочу расстаться.

— Что?

— Это вполне адекватная мысль, не считаешь?

— Я считаю, что ты в принципе не знаешь, что такое адекват! — Взорвался он, сметая на своём пути мебель, предметы декора и что-то стеклянное, громко бьющееся.

Схватил меня за подбородок, да с такой силой, что едва челюсть не вывернул, а у самого рука от напряжения дрожит и глаза блестят адским пламенем. Смотрит мне в глаза, что-то хочет увидеть. Слезы? Больше их нет — всё выплакала. Испуг? Не в этой жизни.

— Сейчас я сделаю вид, что этого не слышал, а ты сделаешь вид, что этого не говорила. — Прошипел, переполненный злостью, и я поняла, что чувствуют его должники перед неминуемой расправой. Нервно хмыкнула, но приказывала себе не реветь, только не

сейчас, только не при нём.

— Я хочу расстаться. — Тихо, но уверенно повторила последние слова и взгляд не отвела, поглощая его эмоции не только им, но и всей кожей.

— Расстаться, значит? — Отпустив, буквально выплюнул он, оттолкнул меня, достаточно грубо, бесцеремонно, после дёрнул за руку, толкая в направлении двери. — Иди! Думаешь, такая золотая, незаменимая? Да на хрен ты мне не нужна со своими закидонами! — Постепенно повышая градус и тональность звуков, орал Филя.

Не веря, что он это говорит мне... что он ТАК говорит мне... я потерялась, я смотрела на него, не имея возможности сказать хоть что-то в ответ. Наверно, даже побледнела, потому как лицо обдало ледяным холодом.

— Просто есть собаки, Лариса, которые всю жизнь сидят на цепи и считают, что так и нужно, а есть те, которые гуляют свободно. — Уже спокойнее, видя моё состояние, добавил он. То ли защищаясь, то ли оправдываясь. — Так вот, я никогда не буду на цепи! Поняла?! — Чеканя каждое слово, выкрикнул.

Куда уж понятнее?

— На цепи?..

Всего пара слов, а мне как пощёчина, как ведро ледяной воды на голову, и я не сдержала улыбку.

— Да не вопрос. Гуляй... собака, которая никогда не будет сидеть на цепи.

И, перешагнув через все свои вещи, как через нечто, тянущее назад, вышла вон. На улицу, на воздух, под его оглушительное молчание, под его проклятия, которые посылались взглядом. Я ничего не хочу.

Можно сказать, что мне всё равно, можно рассуждать, как мне плохо и тяжело, можно сделать вид, что ничего не произошло, но когда на это нет сил, то ничего не говоришь и ни о чём не думаешь. Андрей отправился на сборы, дома пусто. Нет желания выпить даже воды, подняться с кровати, сходить в душ. Врач выписал кучу рецептов, но и в аптеку сходить некому. Жизнь прекрасна.

Глава 16

Телефон пропел ровно три раза до того, как я сообразила, что звонят мне.

— Да. — Недоверчиво согласилась я на неозвученное предложение говорящего.

— Лариск, ты, что ли? Это Маша.

— Э-м... Маша? У меня твой номер не высветился...

— Так это же рабочий! А что с голосом?

— Да так... болею.

— Болееешь? И не позвонила? Слу-ушай, я тут узнала, совершенно случайно, — поспешила заверить она меня, — вы вроде как с Филей расстались, да?

— Да.

— И ты там ревёшь, что ли?

— Я болею.

— Дома?

— А ты обычно где болееешь?

— Ну... тут столько может быть вариантов, но чаще всего у Серёги. Он хороший, он ухаживает. — Довольно вспомнила Машка какие-то сладкие моменты из жизни.

— А я дома.

— Так, я сейчас буду! — Оживилась подруга и я уже представляла, как она довольно потирает ладоши.

На этом задремала и, проснувшись, была готова поклясться, что разговор был сном.

Звонок в дверь раздался не то, чтобы неожиданно, а диковинно. Я, в принципе, дверь открываю только себе и то, когда вхожу, и за семь лет моего здесь проживания, такого дива дивного как гости, не видывала, но кому-то очень не терпится и я побрела. Так растерялась, даже не спросила, кто. Открываю, вся такая разнесчастливая, замотанная в плед, как в кокон бабочки махаона, одни глазюки и торчат, и те красные, для отпугивания. Смотрю, а на пороге Машка с пакетами наперевес, пыхтит, материться, возмущается.

— Ну и мужики пошли, — вломившись в квартиру, тут же озвучила она свои претензии, — я ему говорю: пакеты помогите донести, а он мне, знаешь что? Говорит, жрать надо меньше, а у самого брюхо до колен свисает, фу! Лифт, подлый трус, застрял между третьим и четвёртым, доползаю, а там парочка сосётся, нет, ну, ты представляешь! Ты как? — Наконец, вспомнили и обо мне, но ненадолго.

Вообще, деловая Машка — это Мария Владимировна и ни капельки не меньше. Стильная, ухоженная, так сразу и не скажешь, что та самая девчушка, которая моего Филю поносила на чём свет стоит. Причёска строгая, волосинка к волосинке, макияж как из салона красоты и, вообще, другой человек. Вот, я, например: всегда остаюсь собой. Что на работе, что дома, поэтому, наверно, и личной жизни нет, но и перевоплощаться вот так, чтобы всегда удачно вписаться в компанию — не моё.

— Слушай, а ты что, правда, болееешь, что ли? — Разлаживая накупленное по полкам в холодильнике, недоверчиво глянула Машка.

— Вот как-то так.

Могла бы развести руками, но активной жестикуляции мешал плед, который ронять

никак не хотелось. Головой кивнула, предлагая пройти в гостиную, оставшиеся пакеты подтолкнула ногой к стене.

Уже на диване, удобно устроившись, Маша вытянула ноги, распустила свою офигительно-деловую причёску, пятернёй распутала плетение и расплылась в блаженной улыбке.

— А я подумала, что притворяешься. Ну, не хочешь там показать, что страдаешь, всё такое. А сама тут сопли наматываешь, так и придумала... Ларис, а у вас это серьёзно?

— Что именно?

— Расставание это.

— Более чем.

— Ты подумай хорошо, может, он не такой уж и плохой, знаешь, как оно бывает... он изменил тебе, да?

— Маша, а что, он мог мне изменить?

И тут Машка не нашла слов, насмешила.

— Фу ты, дура! Не мог. Но и другой причины я не вижу. Что не поделили?

— Свободу, Маш, свободу. Он сказал, что видит меня слишком часто для его неокрепшей психики.

— Когда он так налюбоваться-то успел? Ты же работаешь круглые сутки?

— Выходит, что не такие уж и круглые. — Не выдержала и всё же махнула раздосадованно руками. В конце концов, и сама сколько раз задавалась этим вопросом: когда? — И вообще, давай прикроем тему или это Филя тебя прислал? — Насторожилась я, не услышав ответ в первые же секунды.

— Лариса... ты что, Фильку не знаешь? Будет он бегать за кем-то, даже за тобой, тоже мне! — Как-то ненатурально возмутилась Маша и я поймала её на вранье.

— Сама расскажешь?

— Сама! — Губы надула — вот, обиделась вполне натурально, может ведь, когда хочет. Из чего делаю вывод: ей и самой не терпелось поделиться. — Только ты мне сначала кофе предложи, Филя нахваливал... — Мечтательно зажмурилась она.

— Растворимый на кухне. — Прервала я полёт мысли и кивком головы подтолкнула к нужной теме.

— И ходи после этого, узнавай для них... В общем, он сейчас на соревнованиях, как спонсор представляет спортивную секцию, в которой твой сын занимается.

— С чего бы?

— Говорю же, как спонсор. — Сердито повторила Маша, при этом включила строгого начальника, которого слушают не перебивая. — И Андрей твой, накосячил. Что конкретно сделал не знаю, но этот, как его... секьюрити, вот!

— Рефери.

— О! И правда, а я всё время путаю. Так вот, этот мужик и спрашивает, мол, чьё чудо? Тренер сделал пару шагов вперёд, а там и Филя с ним поравнялся, стоят вдвоём и сопят, пока этот... тот, которого ты знаешь как называют, — мучительный процесс отобразился на Машкином лице и я сжалась и кивнула, — он и сказал конкретно Филе, что, мол, берите ваше чадо под белы ручки и домой, подлечивать нервы. Так Филя настолько раздухарился, что от него потом этот...

— Рефери.

— Да, именно, так тот потом день скрывался, и ещё всем рассказывал, что и папаша, и

сын, — Машка выразительно на меня посмотрела, видимо, думая, что я не уловила её намёки на уже отмеченное в народе родство, — как по физиономии, так и по характеру — двое из ларца.

— И?

— Что «и»? Андрей то с Филей после вашей ссоры не разговаривал, а потом, когда тот вступился, вроде как пару слов и можно было сказать, а Филя под шумок и про тебя выпрашивать стал. Лар, ну, переживает он. И в ресторане был, но сказали, что ты болеешь. Ну, с кем не бывает, наговорил глупостей сторяча, сама ведь знаешь, как это бывает, не убивать же его теперь, а? — Посмотрела на моё каменное лицо и понос слов прекратила. — В общем, сказал ему наш Андрюша, какой он гад и сволочь, что маму его довёл до нервного срыва, диагноз какой-то ещё зачитывал.

— Снижение иммунитета на фоне сильного нервного перенапряжения. — Снова подсказала я, в очередной раз дивясь фантазии докторов, хотя...

— Да. — Облегчённо поддакнула Машка, разулыбалась, но, опомнившись, притихла. — Я к чему это всё... Лариса, Филя, он же волнуется. А ты на звонки не отвечаешь.

— Ты не перестарайся в его защите, он не звонил.

— Ну... — Многозначительно потянула, пытаюсь выкрутиться, — такое чувство, что позвони он, ты бы ответила! — Театрально всплеснула руками и так замерла. — Нет, правда, ты бы его морила до последнего, пока бы на коленях не приполз. Только зря всё, он баран упёртый, не приползёт.

— Ты меня не за ту приняла. Мне не нужны его колени и его извинения, мы с ним из разных миров, случайно пересеклись. И это вполне логическое завершение таких странных отношений.

— Почему странных-то? Почему? Нормальные были отношения. Он при тебе и выглядеть стал иначе, и мягче стал. Да что я тебе говорю, сама же знаешь, что ты единственная, которая привлекла его настолько, что мужчина решил завязать с холостяцкой жизнью!

— Ты обладаешь устаревшей информацией. — Приободрилась я, чувствуя скорую победу над этой провокаторшей и идеалисткой. — Никаких серьёзных отношений он не планировал, о чём мне и сообщил. Не скажу, что я очень удивилась, но раньше он говорил как раз об обратном, а значит, человек непостоянный и не удивлюсь, что через некоторое время он бросил бы меня сам, окончательно и бесповоротно. Так что своим уходом я всего лишь старалась сохранить хоть капельку собственного достоинства.

— Да о чём ты только думаешь, когда твоя жизнь рушится?! Достоинство... — Покривлялась для себя, села более напряжённо, наклонившись ко мне ближе. — Это у мужиков достоинство, а у нас женская гордость, да и это не суть. Мы женщины, мы должны этих олухов направлять, а не посылать куда подальше при первой же ссоре. Да кому я объясняю, ты замужем была!

— Неудачный пример. — Вздохнула я, вспоминая полтора года ада. — Как раз будучи замужем я поняла, что насильно мил не будешь, что мужики наших нервов не стоят, и что лучшим вариантом будет приходящий любовник. Эти три теории подтверждала всю свою недолгую жизнь, и только с Филей, поверив в его «люблю-не-могу» отреклась от них, за что сейчас и поплатилась. Он сам не знал, чего хотел, а как только узнал, указал мне на место. Так и сказал, что меня должно быть меньше, ровно как и моей заботы. И вообще... Любовник он. Рассталась с любовником, всё, точка. Сегодня ушёл один завтра придёт

другой. Где трагедия, где разруха? О чём ты вообще?

— Филя так и сказал. — Поджала она губы и гордо отвернулась, делая вид, что разглядывает квартиру. На самом же деле ждала моего вопроса, и, вуаля!

— Что сказал?

— Филя подозревает тебя в измене. — Ледяным заученным тоном проговорила Маша, не желая смотреть в мою сторону. И правильно: челюсть лежала на коленях.

— Он меня, извини... что?

— Лариса, а то ты не знаешь?! Тот мужчина, с которым ты прилетела, как его...

— Матео, его зовут. Он-то здесь причём?

— Ну, как же... улетела на неделю, вроде как в запланированное романтическое путешествие, вернулась с мужиком под мышкой, вот он и вспылал.

— Вы с ума сошли? Матео давний друг, причём такой, с которым я не спала и никогда не собиралась. И я не оправдываюсь, а говорю это только потому, что хочу вас познакомить и мне было бы неприятно знать, что ты о нём думаешь плохо. Почему ты меня с ним обсуждала? Ты вообще, чья подруга?

— Твоя. — Маша опять поджала уже побелевшие от напряжения губы и, наконец, соизволила посмотреть в глаза. Конечно, она меня спровоцировала, чтобы раздобыть информацию, и, конечно, я это знала изначально, но обвинять этого мужчину глупо и не интересно. — Но у Филя абонемент и праздничные скидки на мою дружбу, потому как он постоянный клиент. А ты крутишь им как хочешь и при этом даже не испытываешь угрызения совести.

— Я кручу?! Да я только предложила расстаться, так, он даже и не думал меня уговаривать, удерживать, сразу послал куда подальше, словно я и нужна не была никогда. Он вообще неадекватен. О какой любви ты говоришь, если всё, на что он был способен — это секс? Причём здесь любовь? Интерес, азарт...

— С азартом мы разобрались ещё в прошлый раз, не наговаривай. — Меня самым наглым образом перебили и я задохнулась возмущением, потеряла мысль и сникла.

— Маш, у меня такое чувство, что тот Филя, который пришёл ко мне, когда я была в квартире Серёги и Филя, с которым я живу последние пару недель, два разных человека. — Наконец, призналась я и в комнате воцарилась тишина.

— То есть?

— То и есть. Раньше, пусть он и не говорил, что хочет видеть меня рядом, точнее, сказал это всего один раз, тогда, и больше это не обсуждалось, но я чувствовала, что он рядом, что мой, что между нами что-то есть. А потом его как подменили. — Я опустила голову и уставилась в свои колени. — И вот, смотрит, вроде ничего не изменилось, теплота во взгляде, нежность, но смешано всё это с каким-то чувством тревоги, словно он боится, что я посягаю на его свободу, на его личность. В принципе, именно это он мне и озвучил, предлагая перейти к более лёгким отношениям.

— Потрахались и разбежались?

— Я тоже так подумала, но нет. Скажем так, секс плюс встречи и взаимное времяпрепровождение под настроение. Если ему хочется заботы, то я должна быть рядом, если же он снова почувствовал с моей стороны угрозу — будь добра, обойди стороной. То есть односторонние отношения.

— Ну... Филя он такой, любит контроль. Он всю жизнь решает сам за себя, и вполне естественно, что не смог так быстро привыкнуть к твоему нажиму.

— Какому нажиму? Я лишний раз не хотела звонить, только бы не почувствовать себя лишней.

— Ты?

— Я. И не надо так округлять глаза. Филя всегда дорожил свободой и это чувствовалось без слов. Просто был период, когда он не замечал, как близко я окопалась к его территории, а потом проникся, насторожился.

— Ты говоришь как партизан. Мужчины проще устроены. Вот сейчас он скучает, беспокоится. Это он попросил меня прийти к тебе, проверить, не умираешь ли ты от неразделённой любви. Я-то и не знала, что у вас происходит, сама ты не позвонила, тоже мне, подруга... Ну, Филя, он так-то не особо волновался, в смысле расстались, помиритесь. Так и думал, что утрясётся, а потом разговор с Андреем всё изменил. И он уже жалеет, я уверена.

— И я уверена, ведь в его планах не было таких категоричных решений.

— Вот, ты и сама это подтверждаешь. Так, почему бы не попробовать ещё? Раз уж вам так плохо друг без друга?

— Ты... мать Тереза... угомонись. Примирения не получится.

— Это почему ещё?

— Хотя бы потому, что я перешагнула эту историю. Хватит с меня отношений, секс между работой и домом меня вполне устраивал столько лет, не вижу причин для серьёзных изменений.

— Так, почему этот секс не может быть с ним? Зачем икать другого козла, чтобы заново к нему привыкать и всё такое... Этот вроде как проверенный.

— Потому что не хочу.

— Он так сильно обидел тебя, да?

Маша дотронулась до моей руки и заглянула в глаза, а тут и предательские слёзы не вовремя подступили.

— Представь себе, да! Меня не каждый день посылают, сравнивают с ядом, удавкой и... что он там ещё говорил, я уже не помню!

Соврала и глазом не моргнула. Всё я помнила. Каждый звук, каждую нотку его недовольства, каждый взгляд и следы от его пальцев на моих руках напоминают об этом дне.

— Лето закончилось и мой курортный роман вместе с ним. Начался новый, интересный этап. Сейчас будет много работы, мы с Матео будем давать открытые мастер-классы в течении двух недель, ресторан, учебный год у Андрея начался, выпускной, между прочим. Потом... потом нужно будет съездить...

— Ты только приехала.

— И что? Я никогда не сижу на месте. Это только видимость, что шеф день и ночь торчит на кухне, а на самом деле, мы, как настоящие художники, нуждаемся во вдохновении, в чувствах, эмоциях, переживаниях и страсти. Новый опыт, интересные открытия. Вот сейчас я ездил на фестиваль паэли, ты себе даже не представляешь, какое разнообразие блюд объединяет это название. Суть, в принципе одна, но возможностей привести что-то своё, великое множество. Наши хозяйки, к примеру, считают, что рис для паэли в итоге должен получаться протушенным, влажным, с большим количеством сока, а на самом деле, сверху должна получаться хрустящая корочка. Огромные сковороды, лучшие повара даже из других стран пробуют себя в искусстве его приготовления. А жюри оценивает не только вкус, но и цвет и ту же самую корочку, степень готовности риса, и в целом более десяти

позиций. Матео приглашает меня поработать в его ресторане. — После секундного перерыва в рассуждении о рисе, добавила я.

— Что?!

— На пару месяцев, может, до нового года...

— А Филя?

— Маш, всё, не стоит.

— Я вас не понимаю. Обоих.

— Что? — Улыбнулась я. — Он так же принципиален, как и я? — На самом деле ни на секунду не поверила в Машкины рассказы о его переживании и раскаянии.

— На самом деле хуже. — Призналась Маша и совсем поникла. — Я наверно всё же выпью твой растворимый кофе. А Филя... он говорит, что... Лариса, он правда беспокоится и попросил меня приехать тебя проведать, только он с другой уже.

Удар ниже пояса.

— Там ничего серьёзного, я видела, просто кое-кто в усиленном режиме пытается тебя забыть.

— Ага, а если ещё и учесть, что я ему изменила...

— Он не совсем так сказал, Филя считает, что сам факт, что ты предпочла общение с другим мужчиной, говорит о многом.

— Он собственник.

— Да все они такие! Все, без исключения. Только некоторые понимают, что это разрушает семью и держат свои инстинкты в узде, а некоторые делать этого не умеют. Да и ты, та ещё штучка... никогда ведь не уступишь! А он мужчина, глава семьи, кормилец. Могла бы иногда и промолчать. А так всё получается, что вы с ним на равных, и люди это видят и делают выводы.

— Стоп, стоп. Я не поняла, он тебе жаловался, что ли?

— Не он. Это Сергей сказал, а Сергей со всеми общается, и мнение большинства, если тебе, конечно же, интересно, что ты не воспринимаешь Филю как...

— Как более разумное существо? Так извини, я не от обезьяны произошла, чтобы так считать. Я не принимаю разделение мужчина и женщина. Я знаю разницу между личностью и слабаком, а всё остальное полнейший абсурд. Я никогда не буду прогибаться только потому, что это кому-нибудь нужно.

— В этом и проблема. Ты ведёшь себя как стерва, вне зависимости от того, рядом твой мужчина или нет.

— Как стерва?

— Ты стремишься к лидерству в любой компании, давишь на корню, а иногда нужно просто промолчать и дать право своему мужчине себя защищать.

— А тот вариант, что я просто не привыкла на кого-то полагаться? Это уже не считается? И я тоже привыкла отвечать за себя сама. И я не понимаю, почему ты мне всё это высказываешь? Разве с тобой я веду себя так же?

— Нет, со мной ты на равных, но...

— Нет никаких «но». В этом и вся причина: я не чувствую от тебя угрозы. Мы подруги, которые не делят работу, мужчину, успехи детей. А Филя и его компания это хуже серпентария, где если не ты, то тебя. И ты, Маша, знаешь это не хуже меня.

— Но ты не позволяешь ему себя защитить.

— Я в этом просто не нуждаюсь и разговор на этом считаю оконченным. Пойдём пить

кофе, я, так и быть, готова сварить.

— Я «за». — Потёрла ладоши эта притвора (я так поняла, она только ради этого меня и доводила), и поскакала в сторону кухни.

Разговаривали мы в этот вечер ещё долго и упорно, не пришли ни к какому взаимопониманию, но точно осознали, что Филя себя покажет, точнее, Маша меня в этом уверяла, а я в тайне от неё на это же и надеялась. Всё же сделать ещё один шаг навстречу после того, как он сказал, что я не нужна и можно найти любую... в общем, понятно. А уже к следующему утру моего недуга как и не бывало, можно было смело перекачаться к привычному образу жизни, туда, к нервному переутомлению, к нескончаемым стрессам и к любимому начальству, которое за три дня тяжкой болезни не соизволило навестить.

В ресторане (как всегда без меня), творился полнейший бардак, буду знать, что десять дней моего отсутствия для них через чур. Счастливая Аллочка порхала на крыльях любви, Люда щёлкала по клавиатуре, создавая видимость работы, но по датам я знала, что у бухгалтерии сейчас затишье, а Лёня умирал от похмелья в своей норе.

— Привет лодырям и тунеядцам! — Крикнула я так, что эхом мой крик вернулся обратно.

— О-о-ох... — Ответил мне Лёня.

— Неплохо ты без меня развернулся. Что отмечали?! — Радуюсь своей мелкой пакости, не сбавляла я тональности.

Прошла, благоразумно присела от Лёни подальше, хотя стрелок он меткий, в меня попадёт и издалека.

— О-ох...

— Ты ничего другого говорить уже не в состоянии? Может, тебя пристрелить, чтобы не мучился?

— Да-а, пристрели меня. — Поднялась голова с опухшим лицом, когда-то это голова принадлежала Лёне, сейчас какому-то вурдалаку, у меня настроение поднялось ещё больше.

— Извини, сегодня смертоносных нет, есть только стрела Амура. Готов снова влюбиться?

— В кого?..

— В меня, конечно. Или ты ещё кого-нибудь видишь?

— Тогда лучше яду.

— Ничего себе заявочки... что с тобой, родной мой?

Я рискнула и подошла ближе, приложила ладонь к ледяному, покрытому испариной лбу. Постояла с минуту над телом, подумала, вышла на кухню и вернулась с имбирным напитком. Один араб заверял, что после имбиря про похмелье забываешь надолго. И, знаете, Лёня забыл, теперь он думал только о том, как ему не сгореть изнутри и никого не опалить своим дыханием. Теперь Лёня не просто Лёня, а Лёня-Горыныч.

— Где твоя метла, ведьма? За что ты так со мной? Что я тебе сделал? Всё ведь отдал...

— Ты бредишь, или отдал это всё не мне, а моему двойнику. Давай, приходи уже в себя, иначе принесу ещё этого чудного напитка, который привёл тебя в чувство.

— Да? А мне показалось, что это тот самый яд, о котором мы говорили ранее.

Теперь Лёня мог не только поднять голову, но и мужественно держал её, оперевшись подбородком на ладони. Я же окончательно рискнула, села напротив, но колющие и режущие предметы всё же отодвинула.

— Что случилось-то? Я так и не поняла. — Развела руками. — Люда, так и вовсе сс

мною не разговаривает, изображает бурную деятельность. Вы помните, я, как никак, акционер!

— Х-м, да, забудешь тут... Когда своего Цербера на меня натравила ты о дружбе не думала.

— Нет, ты точно бредишь. Цербер у Аида, охраняет подземное царство. — Доходчиво, достаточно медленно склонилась над Лёней я и погладила по густой гриве. — А я отдыхала, потом болела, потом прихожу и вижу умирающего, вот, спасаю теперь, оказываю первую неотложную.

— Лар, ты сейчас издеваешься? Говори, что задумала. — Он попытался стукнуть кулаком по столу, но сделал себе только хуже, неловкий шлепок отдался в больной головушке.

— Я на работу пришла и планы пока на этом заканчиваются. Кстати, ты в курсе, что приехал Матео, нас пригласили на открытые мастер-классы, так что в ресторан я сейчас буду приходить только к пяти?

— Да хоть вообще не приходи, Ларис, тошно и без тебя. — Раздражённо взмахнул, а потом затих Лёня, исподлобья на меня поглядывая. — Лар, а это правда, что все считают нас любовниками? — Вдруг спросил он и я покраснела.

— Ну...

— Словами, пожалуйста.

— А тебе-то кто сказал?

— Значит, правда. — Лёня обречённо выдохнул, локти подвернулись, голова рухнула на столешницу и после протяжного воя он вдруг замолчал. — Скажи, а почему я об этом никогда не знал?

— Ты не спрашивал, я не говорила. А что тебя не устраивает?

— Меня? — Хмыкнул он в стол. — Меня всё устраивает: и жена, и любовница — всё рядом, только я не понимаю зачем!

— Чтобы на тебя никто не зарился. — По-простецки ответила я, и жутко захотелось поразглядывать свои ногти, так как Лёня смотрел на меня в упор.

— А что, были и такие?

— Представь себе! И вот, когда пошёл первый слух, мы с Людой решили его не опровергать, так как следом за этим слухом, тебе на глаза стали реже попадаться... всякие.

— Какие?

— Всякие. — Повторилась я, теперь уже абсолютно спокойно. — Ты же ничего вокруг себя не замечал, бизнес, бизнес... А Люда ревновала, зверствовала на работе. А когда претендентки на место в твоей постели узнали, что кроме Людки двигать придётся ещё и меня, поутихли, а после и вовсе выпали из нашей жизни. Только я не пойму, ты почему в претензии? Мы сохраняли и твою нервную систему тоже. Людка не устраивала скандалов, истерик, ты спокойно занимался любимым делом...

— А тот факт, что не всех устраивают наши с тобой «отношения»... мнимые... тебя не беспокоил?

— Меня нет. А ты о ком? — Встрепенулась я, выцепив в Лёниных словах что-то неуловимое, что-то с конкретным подтекстом.

— Как же... О бугае твоём. О Филиппе. Он и в прошлый раз чуть голову мне не снёс за эти слухи, а когда ты свалила в Испанию... короче, теперь ты полноправный компаньон, нет, не так, равноправный! — Он выпрямил указательный палец и утвердительно кивнул.

— Лёня, ну, какой Филя напротив тебя бугай? Так, мужчина среднестатистический.

— Ага, с таким среднестатистическим авторитетом.

— Он не связан с криминалом!

— Да, да, как и ты. Ты что вообще о нём знаешь? Кто он? Чем он занимается?

— Металлом. — Уверенно ответила я, а Лёня неприлично заржал.

— А я тогда владелец конезавода! Ларис, он полгорода держит, и ресторан. Наш. Тоже, тоже под ним.

— Бред.

— Уже не бред. Пять дней назад приходил человек, отказать которому я как-то не догадался.

— Но...

— И тот процент акций, который ты когда-то требовала, тоже он выкупил, но для тебя.

— Я об этом ничего не знала... — Пожимала я плечами, слабо соображая, что происходит.

— Ну-ну. Да это и не важно. Я вот о чём... слышал, вы разошлись?

— Э-э...

— Так вот, мой тебе совет: возвращайся, пока тебя к нему не привели. — Лёня криво улыбнулся, а мне стало не по себе. И вообще, неприятно как-то.

А самое неприятное, как раз заключалось в том, что я не была в курсе этих событий, не могла так просто позвонить Филе и выяснить, что он затеял. Точнее, могла, но не хотела, это было бы слишком похоже на капитуляцию, а мне даже это слово не нравится, не говоря уже о его смысле. Поэтому действий решила не предпринимать. Намеренно. Пусть сам беспокоится, а с завалом я буду разгребаться позже, а, значит я, не обращая внимания на трагедию, которую тут развёл Лёня, отправилась на кухню, выполнять свои прямые обязанности: потчевать клиентов. Но и клиенты сегодня были под стать новостям. Первым забежал Демьян и тут же вызвал для разговора тет-а-тет в вип-апартаментах.

— Добрый день, чем обязана? — Как всегда начала я, не желая переступить давнюю границу нашего официального общения.

— Добрый, добрый.

Пальцы Демьяна постукивали по пивному брюшку, а масляный взгляд блуждал по моему телу, хорошо ещё, что костюм одела, и никаких строгих форм он не подчёркивал.

— Что-то хотел? — Я присела на соседний диванчик подальше от стола.

— Да вот, посмотреть на тебя. — Загадочно улыбался он.

— Давно не видел?

— Такое чувство, что вообще не видел.

— И как?

— Что?

— Как увиденное?

— Да вроде без изменений, только... смотрю на тебя, Лариса Витальевна, и думаю, вот, по внешнему виду, курА, по характеру гусыня, по повадкам гремучая змея, а какая ты в постели?

— Даже не знаю, что тебе ответить, обычно со мной такие вопросы никто не обсуждал, но и не жаловался.

— Так и я о том же. Никто не жаловался, а даже наоборот, бегали за тобой, так ведь?

— Я таких не знаю. — Гордо подняв подбородок, вызывающе глянула я, разговор мне не

нравился, но и подать виду, что мне неуютно не могла, такие сразу проглотят, только страх почувствуют.

— Да, конечно, ты ведь два раза в один и тот же комсомол... кхе, кхе... не вступаешь. А с Гошей что же? Чем он не угодил?

— ???

— И не надо такие глазки строить, имел я с ним неприятный разговор, а теперь вот пошла слухи что у вас всё.

— У нас ничего и не было, хотя я не понимаю, почему тебя это интересует.

— Я не интересуюсь, я радуюсь, что не оказался в числе неугодных. Ты знаешь, где сейчас все твои бывшие? Что он с ними сделал?

— Мы друг друга не понимаем. — Я поднялась с дивана, но под тяжёлым взглядом села обратно. — Давай к делу.

— Легко. Ты возвращаешься к Гошке и мы все живём мирно и счастливо. Задолбал он всех за два дня. Не поверишь.

— Сколько раз тебе повторить?

— Это ты себе повтори. Смори, не сделаешь так, как я сказал, — Демьян угрожающе навис надо мной, больно сжал запястье, — лично придушу, суку.

— Да пошёл ты, упырь. Я сейчас жене твоей позвоню, чтобы ты своей жизнью занимался, а не в мою лез, и посмотрим, чей труп выловят.

— Лар, — заулыбался этот гад, своей жены он почему-то боялся, меня отпустил, — мы же мирно беседуем, ты просто понять меня не хочешь.

— Если это всё, то мне пора.

— Ты послушай моего совета, так всем легче станет.

— У меня с вашим Гошей ничего не было, нет и не будет. И чтобы было понятнее, сообщаю, что я выхожу замуж и через две недели улетаю. Навсегда.

— Что?

— Разговор окончен.

Вышла из приват-комнаты и тут же набрала Гошу.

— Привет, привет, давно тебя не видел. — Щебетал он как ни в чём не бывало.

— Привет. Слушай, такое дело, ты Демьяна знаешь?

— Кого? — Удивился вполне искренне.

— Да, не важно, я вот что хотела узнать, ты про наше знакомство кому и что говорил?

— Это не в моих интересах, Лариса. Что случилось?

Спокойный, размеренный голос, ничего не понимаю!

— Наверно, просто ошибка... — Проговорила, скорее, для себя.

— Это всё? Я сейчас немного занят.

— Извини, пока.

Медленно протирая экран телефона, я не могла понять, что происходит. Даже набрала номер Фили, но сбросила до того, как пошёл гудок. Позвонила Машке, и она меня ошарашила.

— Это правда?

— Привет, ты о чём? — Не поняла я и на всякий случай посмотрела, правильно ли попала.

— О замужестве, правда? — Шипела она в трубку.

— Обалдеть. Маш, а у вас такое сарафанное радио, что ли?

— Ты ответь: да или нет?

— Нет. Мы с тобой только вчера об этом говорили, а что?

— Фу-у, а я поверила. Вот трепло!

— Ты о ком?

— Да, жирдяй этот, позвонил, говорит, всё пропало, гипс снимают, клиент уезжает...

Короче, наше дело труба.

— Очень интересно, может, ты мне и объяснишь, почему меня сватают к какому-то Гоше, если уж так близко общаешься с нашим общим знакомым?

— Что значит к какому-то? Гошка — это прозвище. Фамилия Фили — Гошанов, оттуда и пошло. Ты чего?

— Да я как-то не связала...

Я поймала себя на ковырянии стены и руки от неё тут же убрала, вернулась на кухню. Чтобы не трепаться в коридоре.

— Ой, у меня идея, ты завтра чем занимаешься?

— Завтра? Смотря когда... а что? — Опомнилась я, уловив, что мне не нравится Машин тон.

— После обеда что делаешь, где будешь?

— С часу до пяти у меня мастер-класс в нашем центре культуры, с Матео. Я тебе вчера говорила, а потом как обычно в ресторане. Ты встретиться хочешь?

— Очень! Всё, ловлю на слове, завтра увидимся. — Пролепетала она и тут же отключилась, а мне вся эта суета вокруг определённо не понравилась.

Глава 17

«Осень стелет в ущельях туман,

Ханума ты моя, Ханума.

Боже мой, я схожу с ума.

Полюбил я тебя, Ханума.

Ты — мой опиумный дурман,

Я с тобой без вина пьян.

Свет ты мой и моя тьма,

Ханума ты моя, Ханума.

И вот однажды, — о небо мое!

Я с другим увидал ее,

Он ласкал ее, обнимал,

Посадил на коня и пропал».

— Гремело из колонок музыкального центра на всю квартиру, поэтому в том, что Маша проникла незамеченной, не было ничего удивительного. Кроме самой песни, в квартире также можно было расслышать заунывное подпевание этим же словам, больше похожее на вой дикого зверя, явно перебравшего и явно голодного, короче, самого Фили. А в глубине квартиры, на полу под барной стойкой, постелив под мягкое место небольшой серый ковёр с длинным ворсом, сидел и сам хозяин квартиры, затягиваясь сигаретой. В свободной руке держал квадратной формы бокал из толстого стекла с коричневой, предположительно, алкоголь содержащей жидкостью. Одно его колено было поднято, на него и упиралась рука с сигаретой, второе же свободно лежало на ковре, с подвёрнутой во внутрь стопой. Между словами песни и в проигрыше Филя закрывал глаза и не дышал, и вообще, весь его внешний вид был показательным, но, к счастью, не свойственным для мужчины в привычной жизни.

— Я рыдал, как дитя, во тьме

По любимой моей Хануме.

И понял я под покровом тьмы:

Не видать мне моей Ханумы! — Запел он с новыми силами, и пьяно оглянулся, когда грохочущая музыка вдруг стихла, оставляя его наедине со своим воем.

— Филя, ты, Простофиля... совсем охренел, да?! — Подбежала к нему растрёпанная Машка и вырвала из рук окурков, гневно затушив тот о костяную пепельницу. — Год! Филя, год не курил, ты... ты вообще о чём думал?! Чем?!

— Мелкая, не бузи, давай, включи там... кнопочку...

— Да иди ты, кнопочка! Я тебе сейчас включу!

Попыталась грубо растормошить пьяного друга, несколько раз пнула его острым мыском осеннего сапожка, но потерпела неудачу и оказалась зажатой в объятиях и сидящей на его коленях.

— Пусти! — Дёрнулась она. — Пусти, сказала. — И дёрнулась снова, попыталась отбиться, вывернуться, укусить Филю, но мужчина в несколько раз мощнее её лишь насмеялся над жалкими трепыханиями этого воробышка.

— Маш, выпьешь со мной?

— С чего бы?

— За новую жизнь! — Воодушевлённо произнёс Филипп и залпом допил содержимое бокала.

— С чего бы она у тебя новая стала? Жениться собрался, что ли?

— Ага, на тебе. Только ты меня одна и понимаешь. Машка... — Зарылся носом во взлохмаченные волосы и вдохнул их запах. — Улицей пахнешь, свежестью...

— Хорошо, что не выхлопными газами и реагентами. — Маша всё же от Фили отслонилась, уселась напротив, отделила кусочек тонко нарезанной сырокопчёной колбасы и полностью положила его себе в рот, облизнув при этом кончики пальцев. — Слышь, Филя, я вообще-то по делу пришла. Ты как?

— Я лучше всех, но своё дело можешь засунуть... не в обиду сказано. Ничего сейчас не

хочу, всё достало. — Тяжёлый выдох хорошо охарактеризовал состояние Филя на данный момент, но жалеть его не спешили.

— А если я скажу, что это связано с Ларисой?

Филя недобрим взглядом окинул спутницу, зло оскалился, потянулся за бутылкой, но та вовремя успела ухватить её в свои цепкие ручки.

— Не дам, пока не выслушаешь. — Попыталась противостоять одиночному рывку за бутылкой Машка, но не рассчитала, завалилась на спину и оказалась придавлена тяжёлым мужским телом.

— Я уже всё забрал, — победно покрутил в руках добытую в схватке бутылку Филя, — поэтому слушать просто не вижу смысла.

— Ага, поэтому подвываешь под её любимую песню?

— Это и моя любимая песня, так что не угадала.

— Ну и ладно. И не стоит она этого. Завязывай. Курение — зло, пьянству бой!

— Не начинай... — Филя наполнил бокал, полурастаявшие кубики льда, постукивая о края стекла, поднялись навверх.

— А что тут начинать? Ни кожи, ни рожи, одни претензии и недовольства. Зря я на неё надеялась, оказалась ничем не лучше твоих шлюх.

— Не начинай! — Предостерегающе рыкнул Филя, скрипнул зубами и даже выпить не смог, так напрягся.

— Давай, ты ещё заступишь за неё. Всё ей дал, всё! Проблемы её решал за свой счёт, никакой благодарности не видел, а как только высказал условие, так она, видите ли, обиделась. Стерва!

— Машка, или ты закрываешь рот, или можешь идти дальше. Я не хочу ничего слышать. Тем более о Ларисе. Тем более плохого.

— Да-а? А про то, что она за своего мексиканца замуж выходит, тоже не интересно? А ты здесь страдай... пей, кури, можешь ещё и колоться начать, кому это всё нужно, ей? Да она и забыла как звать тебя.

— Врёшь! — Схватил он девушку за предплечье, не контролируя силы и подтянул к своему лицу настолько близко, что можно было видеть черноту его глаз.

— Да ты совсем с катушек слетел с ней. Было бы из-за кого. — Обиженно отвернулась Машка, потирая покрасневшую от хватки руку. — И врать мне незачем, это не я сказала.

— А кто?

— Демьяныч звонил, рассказал новости.

— Охренеть! Я же сказал ему не приближаться! Какого?..

Филя тут же протрезвел и вся его пьяная улыбка слетела с губ, пальцы уверенно щёлкали по кнопкам телефона, пока не пошёл гудок.

— Демьяныч, ты? — Прорычал Филя.

— Гоша, что-то случилось?

— Ты у Ларисы был?

— Был.

— Она сказала, что выходит замуж?

— Сказала.

Отдышавшись, Филя опомнился.

— А подскажи-ка мне дорогой, что ты у неё забыл? — Притворно ласковым голоском начал он и понял, что Демьяныч на том конце покрылся липким потом, оттого и молчал. —

Я всё ещё жду.

— Давай при встрече поговорим, а?

— Боюсь, при встрече я сделаю как раз то, что и обещал, когда просил к моей женщине не приближаться! — Не контролируя эмоций, Филя повышал голос.

— Да вы там сначала разберитесь кто и с кем. Она вообще говорит, что знать тебя не знает и ничего между вами нет.

— Что?!

— Вот и я о том же. Лариса твоя кашу варит, а ты только и делаешь, что на людей бросаешься. Всё, точка.

И бросил трубку.

— Да сделку он скоро заключает, в которой ты обещал выступить гарантом. — Подсказала притихшая Маша. — А ты в запой ушёл, вот он и хотел подсуетиться, подтолкнуть Ларису к «правильному» решению.

— А правильное решение это у нас что? — Вжал голову в плечи Филя, хитро и опасно улыбнулся.

— Вернуться к тебе и больше не рыпаться, пока не прогонишь.

— Так, понятно. А, позволь узнать, ты об этом откуда знаешь? Я имею в виду, что он хотел, что ему предстоит, и причём здесь я... — Принялся сухо перечислять.

— Всё очень просто. Вчера, когда состоялся этот у них разговор, Демьяныч так и понял: не видать ему новых партнёров, как своих ушей, позвонил мне, проконсультировался, так сказать, поделился новостями, а так же сетовал, что будет со всеми, когда об этой свадьбе узнаешь ты. Все ведь знают, что ты с катушек слетел из-за Ларисы.

— Даже так? Что ещё про меня говорят?

— Я не собираю сплетни, я говорю то, что вижу сейчас и сама. Вот ты здесь песенки слушаешь, сидишь тут, страдаешь, а всё почему?

— Почему?

— Потому что не хочешь сделать первый шаг. Не знаю там, извиниться или надавить, предложить компромисс, рассмотреть варианты. Вам двоим лучше сидеть и обижаться на жизнь и судьбу, чем собраться и обсудить, что делать дальше.

— Какая ты у нас умная. — Филя откинулся на ножку барной стойки, прислоняясь к ней спиной. С превесёлым видом разглядывал свою давнюю подругу так, словно видит впервые. — Советы даёшь, учишь нас, неразумных. Сапожник без сапог! — Выкрикнул напоследок, отворачиваясь.

— Я, в отличии от вас, не делаю вид оскорблённой натуры и не прячусь в нору. Я решаю проблему, разговариваю со своим мужчиной.

— Да говнюк он, а не мужчина!

— Не переводи тему! Мы сейчас о тебе. Так вот, я разговаривала с Ларисой... И не смотри так, мы подруги и... — Глядя как округляются и ещё больше чернеют Филины глаза, Маша непроизвольно попятилась. — И было это до того, как она заявила о свадьбе, вот! Ты сам тогда просил меня поговорить с ней и знаешь что?

— Что? — Бросил с вызовом.

— Ты сам во всём виноват! Ты изначально позиционировал себя как серьёзно настроенного мужчину, а потом остался недоволен, что она влезла в твою жизнь... Как же так?

— Всё не совсем так. — Пошёл он на попятную, словно объясняя.

— А как? Скажи ещё, что хотел реакцию её проверить. — Маша тряхнула волосами, сдула выбившуюся волосину с лица, обняла колени руками и снова вернулась взглядом к Филе. — И что это ещё за история с тем, что ты не попытался её удержать?

— Давай так: не с тобой я это буду обсуждать.

— А с кем? С Ларисой скоро обсуждать будет поздно. Я слышала, они уезжают.

— Она никогда не уедет, не бросит свой ресторан, тем более сейчас, когда является его равноправной совладелицей.

— Так в себе уверен? — Маша с насмешкой потрясла свою сумку и вытащила из общего скопища вещей лист бумаги формата А4. — Владелец сети ресторанов не только в Мексике, но и в Америке, кофеен, закусочных, звания и регалии оставлю при себе, но суть в том, что один ресторан он смело может пожертвовать на растерзание своей возлюбленной. Ты так не считаешь?

— Это бред. Откуда? Да я видел его... — Перехватывая листы и вглядываясь в мелкие буквы нетрезвым глазом, бурчал под нос Филя.

— Марата попросила узнать, он узнал. Поэтому никакой это не бред. А насчёт того, что ты его видел... так, не все кичатся своим положением.

— Она не может уехать. Не может!

Маша лишь поджала губы и неловко пожимала плечами, сказать на это ей было нечего. Филипп молча о чём-то сосредоточенно думал, глядя на зашторенное окно, иногда закрывал глаза и едва заметно улыбался, тогда можно было уловить еле ощутимое тепло, исходящее от него.

— В общем, если ты не хочешь, чтобы она уезжала, а я знаю, что этого ты не хочешь, тебе придётся сделать первый шаг.

— Ты права. — Вдруг опомнился Филипп и резко подскочил на месте. От такой его прыти, Маша немного растерялась и на пару секунд зависла. Думала, что ещё много времени понадобится на то, чтобы донести до этого твердолобого себялюбца смысл происходящего. И всё говорило лишь об одном: он принял решение, а значит, у Ларисы теперь не остаётся выбора.

Филя отправился в ванную, плеснул ледяной воды себе в лицо, чтобы хоть как-то освежить двухдневный запой, мокрой пятернёй расчесал и уложил тёмный волосы, удивляясь, как быстро они отросли. На пороге подтолкнул вперёд тормозившую девушку, на скорую руку выбрал обувь, которая, как оказалось, идеально сочеталась с его внешним видом, вышел из квартиры сам и вытащил за руку Машу.

— Ты знаешь, где она сейчас? Который час? Наверно, уже в ресторане? — Суетился Филя в поисках часов, вглядывался в мелькающие за окном автомобиля витрины, то и дело водил напряжёнными ладонями по коленям, разглаживая чёрные джинсы не первой свежести.

— У неё сейчас мастер-класс с Матео.

— ???

— А что ты хотел? Он времени зря не терял. — Пробубнила на неозвученный вопрос и продолжила всматриваться в дорогу. — И вообще, обвинил человека бог знает в чём, накричал, а у неё с ним ничего и не было.

Филя недовольно усмехнулся и прожигал взглядом дыру в старой подруге.

— И не нужно пытаться убить меня взглядом. Да, я разговаривала с Ларисой по этому поводу и знаешь, что? Она посмеялась мне в лицо. Она не изменяла тебе и не собиралась. А

то, что у неё сейчас, случилось сейчас. Просто парень оказался не промах, не дал девушке заскучать. И вообще, он моложе тебя, красивее, характер у него мягче и денег больше. Не понимаю, между чем и чем Лариса ещё выбирает.

— Так она ещё не выбрала? — Зло поддел Филя, заводясь от одной только мысли о другом мужчине рядом с любимой.

— Мне не отчиталась!

Дальше ехали молча, Филя вспоминал всё то небольшое, что их связывало и не мог твёрдо обозначить ни одну причину, по которой стоит что-то менять в своей жизни ради Ларисы. Не мог назвать достаточное количество положительных качеств этой женщины, она не блистала красотой и не славилась покладистостью. Но одно он знал точно: она его, единственная, та, для которой, несмотря на отсутствие видимых и не видимых причин, хочется жить. Хочется делать её счастливой, терпеть несносный характер, бросить мир к её ногам ради одной лишь колкой улыбки, хочется, чтобы она блистала для него одного. Это любовь? Для Филиппа однозначно, да. Задолго до своих решительных действий он избавил Ларису не только от назойливых поклонников, которых оказалось больше, чем говорилось в сплетнях и с каждым приходилось встречаться лично и лично объяснять, почему эта женщина для них закрыта и подходить к ней не рекомендуется, но и от равных соперников. Больше всего подпортил нервы её любимый Лёня, который не давал никакого конкретного ответа, а лишь дерзил и язвил, только с ним не получалось наладить контакт, понять, кто перед тобой и что он значит в жизни твоей любимой. Всё оказалось проще, чем представлялось и Лёня был действительно другом, верным, заботливым, который просто оберегает покой женщины, значащей для него больше, чем можно сказать на первый взгляд.

День, когда Лариса перестала отвечать на телефонные звонки, исчезла из ресторана без объяснения причин, не один раз снился в кошмарных снах. Филипп тогда бросил дела, которые ещё с утра казались неотложными и вернулся в город, поиски по знакомым не дали успеха и только когда Марат позвонил и предупредил о странном телефонном разговоре, можно было сделать предварительные прогнозы. Смотреть на Ларису тогда было невыносимо, сложно понять, почему её, слабую, ранимую, каждый пытается обидеть и уколоть, сделать больно, нажимая на заведомо известные точки. Эдик тогда сделал не первую, но последнюю ошибку на пути их дружбы и совместного дела.

Потом были мирные несколько недель, те самые, когда её обществом можно было наслаждаться, угнетало только одно: понимание, что без неё будет хуже, чем с ней. Точнее, не так, с ней было хорошо, даже слишком, чтобы забыться и плыть по течению. Филя, наоборот, старался сопротивляться, уходить в сторону, не привязываться, потому как в отношении до гробовой доски не верил. Его начальный план быть не просто любовником, а единственным мужчиной стал трещать по швам в тот момент, когда почувствовал, что для этого придётся признать её как свою единственную женщину, но вот на это сил и терпения не хватило. Лариса была темпераментна, самодостаточна, слишком свободолюбива. Она не хотела уступать даже в самой мелочи, а Филя чувствовал, что готов простить и принять такую её позицию, сдаться, попасть под её влияние, и это было ударом ниже пояса самому себе. Тем самым ударом, который он не перенёс и идиллия стала рушиться, рассыпаться по крупичкам. Лариса была везде и во всём, особенно она не хотела расставаться с его мыслями. Он в ней растворялся, рядом с ней забывал обо всём. С другой же стороны, она была той самой женщиной, рядом с которой легко. Отдавала себя всю в постели, наслаждалась и дарила наслаждение, она была независима финансово и Филя точно знал, что деньгами он её

не удержит. Умела ненавязчиво проявить заботу, которая так его раздражала и сделать вид, что ничего не было. Сам же он был человеком жёстким, прямолинейным, не терпящим возражений и только Ларисе удавалось выбивать твёрдую почву из-под ног. И пришло всё к тому, что, услышав её предложение расстаться, предложение неожиданное, не желаемое, явно необдуманное с и целью понять значимость в жизни партнёра, он согласился. Нет, не так, он специально унизил напоследок, чтобы больше не было поводов для встреч, знал, что маленькая гордая птичка не простит и не поймёт, не знал лишь о том, что жизни без неё больше нет. Несколько дней как в прострации, когда не важно, что происходит с тобой, что происходит вокруг тебя. Когда в толпе ищешь знакомый взгляд с укором, язвительную улыбку, а закончилось всё банальной попойкой.

— Здесь останови. — Прохрипел осипшим голосом, указывая на стояночное место рядом с цветастой вывеской магазина.

— Тебе зачем? — Проследила за взглядом Маша и нехотя остановилась.

— Пять минут.

Через оговоренные пять минут Филя появился на пороге магазина и Маша поняла, что заварила кашу, которую придётся расхлёбывать не ей. Почему-то в этот момент она видела перед собой того самого Матео, о котором много слышала, но которого так и не узнала. Весь рассказ о лихом красавце от начала и до конца был блефом, а теперь ему грозило столкнуться не просто с русским мужчиной, а с ревнивым русским самцом-собственником, который за своё готов порвать, и вот как раз сейчас, на подходе к машине, продемонстрировал свою готовность к битве.

— Поехали, там, за углом, есть небольшой магазинчик, не забудь притормозить. — Раздал он новые указания, проигнорировав пыливый, удивлённый и, вместе с тем, испуганный взгляд.

В его голове всё перемешалось, перепуталось. Количество выпитого напоминало о себе, несколько бессонных ночей сделали своё дело, а подначивания лучшей подруги не прошли бесследно. Он уже знал, что будет делать, не знал только реакции на эти действия одной рыжеволосой занозы, от которой сейчас зависит, сложить ему голову или идти с ней гордо поднятой, глядя поверх толпы. Во втором магазине он задержался чуточку дольше, чем в первом, причины были весомые, результат того стоил. Через полтора часа уже подъезжали к местному дому культуры, где толпился народ, зеваки, вперемишку с местной прессой, освещающей это событие.

Глава 18

Десяток человек, желающих в первом ряду увидеть наглядную демонстрацию искусства приготовления пищи с блокнотами в руках обступили нас с Матео со всех сторон, из-за чего не прекращалось ворчание старого седовласого режиссёра, снимающего мероприятие для заказчика. Множество вопросов, множество ответов, от последних уже заплетался язык и нервы скрутились в один большой пучок. Я точно поняла, что не могу быть учителем, я могу быть только творцом, поэтому этот опыт станет для меня первым и последним. Я не люблю пояснять, что и для чего делаю и, уж тем более, толковать, на какой период крышку мы снимаем, на какой плотно прикрываем, всё должно идти так, как должно и никак иначе. Сложная, замысловатая поговорка, которой меня научили ещё в училище, та, которую я спрятала далеко в свой багаж знаний и не спешила доставать, сейчас была единственной умной мыслью, приходившей в голову. Меня раздражал яркий свет и порой казалось, что лучше бы он оказался светом в конце тоннеля. Матео же, наоборот, плескался в лучах славы, с гордостью демонстрировал, что выходит из-под его волшебных рук, помогал мне комментировать, так как за те несколько лет, что мы не виделись, здорово изучил русский язык.

Я не сразу поняла, почему всеобщий гул прекратился, так как слишком увлеклась украшением основного блюда, ещё что-то бормотала себе под нос, улыбалась полученному результату, поправляла последние штрихи и когда, наконец, подняла голову, отметила, что что-то определённо пошло не так.

Затишье сменили редкие перешёптывания, люди ворочали головами, пытаюсь найти причину всеобщей паники, я с двойным азартом влилась в их чудную компанию и тоже несколько раз крутнула головой. Но вскоре моя шея неприятно хрустнула, и с адской болью в ней, это неблагоприятное занятие пришлось бросить. Неловко растирая затёкшие мышцы, заметила, что толпа понемногу расступается, и вскоре моему взору явился образ мужчины, мужчины моей мечты, моей тайной и явной страсти. Филя стоял в нескольких метрах от импровизированной кухни, немного помятый, потрёпанный, но в своём виде настолько сексуальный, что в пору заскулить, пасть к его ногам, и весело подрыгивать ножкой, когда он почешет ушко. Признавая поражение своего изначально проигрышного ультиматума, я улыбнулась на всю ширину рта, если бы правила приличия позволяли, то помогла бы губам, растягивая их пальцами, хотя они и без того справлялись.

Чёрные джинсы и чёрная шёлковая рубаша, в разрезе которой видна смуглая после лета кожа, волосы вздыблены, губы поджаты, демонстрируя полную собранность и решительность. Вокруг мощной шеи вьётся толстая золотая цепь, которую обычно не видно из-за ворота сорочки, голова немного задрана кверху, отчего создаётся впечатление, что Филя вот-вот сообщит о цели визита, но он молчал. Опомившись, я перестала глупо улыбаться, опустила взгляд и невероятным усилием воли смогла снова поднять его, но уже на Матео, только вот мою радость мужчина явно не разделял. Бледный (если можно так сказать о типичном мексиканце), он стоял с приоткрытым ртом и выпученными глазами, руки неловко опустились и почему-то теребили фартук, перепачканный в брызги томатного соуса. Он перевёл на меня неверящий взгляд и на смеси русского и английского спросил?

— Лари, детка, твой мужчина пришёл меня убивать?

— Что за глупости, с чего ты взял? — Натурально возмутилась я: откуда такое самомнение? Филя пришёл ко мне и ни с какой другой мыслью мириться я не собираюсь. Снова всмотрелась в любимое лицо, но от улыбки воздержалась.

— Может, с того, что в его руке устрашающая цепь, а смотрит он на меня как маньяк на жертву?

— Сдался ты ему, он на меня... Что?!

Еле-еле оторвав взгляд от тёмных глаз, от трёхдневной щетины, и от припухлых губ, которые когда-то безжалостно терзали моё тело, я присмотрелась внимательнее и теперь во всём внешнем виде моего мужчины не находила ничего привлекательного. То есть он привлекателен, бесспорно, даже в своей агрессии, но... Он вооружён и очень опасен! Горящий взгляд, который действительно направлен на Матео, опасный прищур, желваки на скулах, и, как и прежде, плотно сомкнутые губы, которые иногда приоткрываются, чтобы выпустить грозный рык. Красивое мощное тело обтянуто чёрной тканью, мышцы на руках перекачиваются, выдавая напряжение. На правый кулак намотана цепь металлического цвета, толстые звенья которой не поддаются никакому осмыслению, свободный её конец свисает почти до колена и иногда покачивается в хаотичном порядке. Покачивания эти совпадают с гулом человеческого дыхания. Все смотрят на Филю и ожидают зрелища, я ничего такого видеть не хочу.

— Лари, скажи, что это не то, о чём я подумал.

— Это не то, о чём ты подумал. — Беззаботно и слишком быстро отмахнулась я и Матео теперь не только побледнел, но и позеленел.

Согласитесь, странная реакция для мужчины, хотя... если учесть, что участвовать в разборках он не нанимался и на мою моральную поддержку не рассчитывал, понять его можно.

Когда, наконец, гляделки в нашем трио подошли к концу, Филя сделал первый шаг и всепоглощающий ужас сковал моего партнёра по кухне и теперь он даже не разговаривал, а лишь замороженно наблюдал за приближением мужчины. В конце зала я заметила хрупкую женскую фигурку, по бегающему виноватому взгляду, направленному на меня, поняла, что без неё тут не обошлось. «Что мне делать?» — спрашивала я Машу взглядом, так как спугнуть Филю громким голосом и усложнить своё положение не хотела. «Откуда я знаю?!» — возмущённо отвечала она мне, но ко взгляду добавляла жестикуляцию в виде неопределённо пожимаемых плеч и широко растопыренных пальцев рук. Когда людской гул, под который передвигался Филя снова стих, я перевела взгляд с Машки и отчётливо понимала, что пить «Боржоми» поздно: он стоял передо мной, немного втянув голову в плечи и выжидающе смотрел.

— Лари, что мне делать? — Подал голос Матео и зал ухнул.

Я же вдруг ощутила прилив бодрости и сил, плюс, подкреплённая мыслями, что если не прибил никого сразу, то и опасаться не стоит, состроила возмущённое выражение на лице, скрестила руки на груди и приняла вызывающую позу.

— Можешь отойти в сторону, мне сейчас будут в любви признаваться.

Уверенно заявила я, а Филя невесело ухмыльнулся, замахнулся и с грохотом водрузил тяжёлую цепь прямо на столешницу, стряхивая её с кулака. Из кармана джинсов достал небольшую коробочку и без лишних колебаний поставил её передо мной в раскрытом виде, позволяя внимательно рассмотреть кольцо, находившееся внутри. Ух... Ничего подобного я

не видела, но и радоваться почему-то не получилось, я внутренне подобралась, зажалась и, судя по нехватке воздуха, задержала дыхание. Пару раз перевела плавающий взгляд с Фили на кольцо и обратно, неуверенно моргнула, упёрлась обеими ладонями о гладкую поверхность и медленно выдохнула. Никого сейчас рядом не было: я и он, только его глаза и только его немой вопрос.

— Примешь? — Не выдержав паузы, которая явно затянулась, тихо спросил Филипп и сжал кулаки до хруста в костях.

А я, вместо того, чтобы пустить слезу, обрадоваться и носить любимого на руках, чувствовала какую-то пустоту. Всплыли в воспоминаниях его слова и символическая цепь, о которой он говорил, теперь материализовалась и лежала передо мной неподъемным грузом. Обида, заславшая глаза, не дала воспринимать этот жест, как добровольную сдачу, а проводила логическую связь: я и моё присутствие в его жизни — неподъемный груз цепи. Поэтому, тряхнув рыжей гривой (которая так неудачно была спрятана под поварской колпак), и упрямо поджав губы, я посмотрела ему прямо в глаза и потянула рукой пару звеньев свободного конца цепи.

— Не коротковата ли? — Чувствую, лицо моё в сарказме с гримасой перестаралось, но исправить ничего не могу, стою.

— В самый раз.

И снова затянувшееся молчание, которое, опять же, первым не выдерживает Филя.

— Я знаю, что виноват и если тебе от этого станет лучше, то ты должна знать: никто не сможет мне тебя заменить. Я впервые прочувствовал, как это, быть вдалеке от человека, который тебе безразличен.

— Безразличен? Отличная характеристика. — Скрестила руки на груди и слишком поздно поняла, что таким образом лишилась надёжной опоры в виде стола, приткнулась к нему бёдрами.

— Я люблю тебя. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Я хочу детей от тебя и хочу, чтобы слово «семья» у меня ассоциировалось только с тобой.

— Не слишком ли много «хочу»?

— Я не смогу изменить того, что сказал и что сделал. — Выдохнул, отведя взгляд в сторону. — Я могу только извиниться за свои слова, был не прав. Просто не знал, что теряю, отдаляя тебя.

— Что, не нашлась подходящая замена?

— Ты для меня одна. Только ты и нет других женщин.

— Научился красиво говорить? Можешь ведь, если захочешь! — Продолжала я свою экзекуцию, ловко вертя в руке малюсенькую коробочку с кольцом неземной красоты, на самом деле, в этот момент, мечтала только о том, чтобы подошёл размер, уверена: другого такого нет.

— Ты же знаешь, что слова это не моё, по крайней мере в том, что касается чувств. Мне легче подарить цветы, дорогую побрякушку, исполнить любой каприз, только бы не говорить того, чего нет. С тобой всё иначе... Ты... ты просто заменила мне весь мир, стала моим центром, моей главной целью.

— Когда исполняется одна мечта, мы следуем за другой. — Поумничала я.

— Останься со мной, ты не пожалеешь.

— Я и так не жалею. Не люблю возвращаться назад.

— Тогда идём вперёд. Только вместе со мной. Я не могу без тебя.

— Филипп...

— Короче! — Тут же прикрикнул Филя, понимая, что с мной по-хорошему нельзя — как маленький ребёнок, сажусь на шею. — Не знаю, что ты себе придумала, но я тебя не отпущу. Уже никогда. Ты упрямая — я упрямее, можешь не проверять. Ты уйдёшь отсюда только со мной и это последнее слово. Идём домой и можешь говорить мне всё, что хочешь, и я готов подписаться под каждым пунктом обвинения, потому что действительно виноват. И я готов ответить за каждую минуту, которую ты сожалела о нашей встрече и никто не станет на моём пути! Ларис, прошу тебя...

— Филипп Аркадьевич просит? — Устало, не в силах слушать признания сильного мужчины, который готов прилюдно отказаться от этой силы ради чего-то, что раньше не признавал.

— Я люблю тебя. Лариса, ты выйдешь за меня замуж?

— Ты сделал мне больно...

Одними губами прошелестела я, устав разыгрывать из себя гордую и независимую женщину. Я слабая и я тоже люблю, поэтому никогда не смогу сказать ему «нет».

— Я хочу сделать тебя счастливой.

— Ты хочешь, чтобы я сейчас расплакалась? — Опустив глаза и хлюпя носом, шаг за шагом сдавала оборону.

— Я хочу, чтобы ты не боялась этого рядом со мной.

— Филя, потом я не смогу ещё раз достойно уйти...

— Идём со мной.

Он протянул широкую сухую ладонь. Сильные пальцы едва ощутимо обхватили мои дрожащие, внушая спокойствие, умиротворение. Через несколько секунд на безымянном пальце правой руки сверкало белыми и чёрными бриллиантами кольцо, которое подошло идеально. Ещё через минуту Филя вынес меня из здания на руках под шумные овации присутствующих, через час мы уединились в его квартире, которую он назвал громкими словами «Наш дом». Но во всей этой романтике я не чувствовала его настоящего, понимала, что это красивый жест только для меня, как признание моей победы, только вот я не этого хотела... не этого. Пока он неловко возился в коридоре, не зная, с чего начать, прошлась по квартире, а чувство такое, что сто лет здесь не была, да и не квартира это сейчас, а самая настоящая берлога. Не слышала, как Филя подкрался, поэтому не была готова к тому, что сильные руки обнимут меня, прижимая к тёплой груди.

— Я скучал по тебе, сходил без тебя с ума. — Пьяняще шептал он в мои взлохмаченные волосы.

— Не ври. Ты без меня пил! — Гордо отвернулась в сторону, пытаюсь нагнать слезу, но она ведь предательница! Всегда появляется не вовремя, а сейчас её вовсе нет.

— Меня нет без тебя.

— Но ты умудрился выпить три бутылки виски и скурить две пачки сигарет! — Ещё больше обвинения в голосе, а у самой душа ликует: я для него что-то значу, переживал ведь!

— Я брошу.

— Я хочу напиться! — Уверенно заявила я и оттолкнула разгорячённого, возбуждённого мужчину.

— Лариса...

— Будем считать, что прощаюсь с бурной молодостью. Ты ведь правда женишься на мне?

Уже потянула из бара бутылку креплёного вина и бутылку виски.

— Боюсь, иначе ты сбежишь на следующий же день. — Грустно констатировал Филя, усадил меня на кресло, сам уселся рядом на пол, обхватил мои щиколотки обеими руками и, слегка поглаживая их большими пальцами, улыбнулся одними губами.

— Лариса... всё то, что я тебе тогда наговорил...

— Мы всё решили.

— Нет. — Твёрдо и уверенно. — Ты можешь сейчас помолчать? Просто выслушать то, что я скажу, потому что это важно. Если хочешь, то считай, что я не позволяю тебе вставить слово, только слушай. Я не сказал того, что должен был. Тогда, когда просил тебя дозировать наши встречи, и сам не знал, чего хочу. Хочу просыпаться с тобой по утрам, видеть заспанное лицо, слышать твоё недовольное ворчание, но в то же время, не хочу, чтобы ты видела таким же меня.

— Ты бредишь.

— Не перебивай. Увидев тебя, узнав тебя, я уже тогда знал, что ты особенная, что другой такой нет и трусливо сбегал каждый раз, боясь нарушить тонкую грань между хорошо и плохо. Я не идеальный, я не романтичный, я не умею красиво ухаживать, да и не хочу, — пожал плечами, отвлекаясь на какие-то воспоминания, — в этом никогда не было необходимости. Наоборот, деспотичный собственник, который с удовольствием закрыл бы жену дома, не позволяя даже свету касаться её, а когда моя воображаемая жена приобрела чёткие очертания, когда я понял, что хочу только тебя, всё изменилось. Я видел, как ты каждый день смотришь на меня, как ты ждёшь отдачи, а её нет, не может быть, потому что я не умею отдавать, я как потребитель готов принять тебя целиком, но не могу дать того же взамен. Я хочу тебя защитить, хочу, чтобы ты могла позволить себе быть со мной слабой, ранимой, любимой, но не могу этого показать. И тут встал вопрос: или ты уходишь, или остаёшься... Я не знал, как тебе это объяснить... я не могу дать тебе то, чего ты от меня ждёшь, но без тебя плохо, без тебя ломка...

— Я ничего от тебя не ждала. Я люблю тебя таким и другого не знаю. Я старалась жить одним днём, потому что ты для меня так и остался чем-то недостижимым.

Рискнула дотронуться до колючей щеки, провести по ней ладонью, почувствовать знакомое тепло.

— Ты умеешь любить. Мне хочется верить в то, что до меня у тебя ничего подобного не случилось. И ты не прав, потому как я чувствовала, что ты делаешь для меня больше, чем любой другой мужчина, у меня точно такого прежде не случилось... чтобы я могла не думать, что мне делать, если... — Развела руками, пытаюсь описать что-то невообразимое.

Спустилась к нему на пол, обняла двумя руками необъятное и улыбнулась, когда почувствовала крепкие руки на своей спине, когда мне стало нечем дышать, когда тёплые сухие губы коснулись шеи, щеки, губ...

— И давай, наконец, напьемся!

Сама налила два полных бокала тяжёлого для меня напитка, сделала глоток, второй, обжигая внутренности, опаливая желудок, наполненный лишь запахами приготовленной за день пищи. Второй бокал, третий, наверняка были ещё, но память моя запечатлила только эти три. Станный сон, будто что-то тёплое укрывает меня, словно защита, непробиваемая броня. Во сне я верю, что это его любовь, я улыбаюсь, а потом голова раскалывается от странного, громкого, настойчивого звука.

— Что-о?.. — Слышу свой хриплый стон. — Не-ет, я хочу жить... кто это делает?..

Не в силах разлепить веки, на ощупь плетусь вдоль стены, не разбирая дороги, спотыкаясь о какие-то вещи, мебель. Ясно помню, что я у Фили, но не понимаю, почему этот звук, к которому я всё ближе и ближе, никак не прекращается. С трудом приоткрыв один опухший глаз, щёлкаю дверными замками, смотрю перед собой и вижу пышущую высокомерием и надменностью девушку.

— Наконец-то! Сколько можно ждать?! Ты кто и что здесь делаешь?

Она без спросу и разрешения влетела в своих грязных сапогах в гостиную (грязные, конечно, это условно, так как визуально они имели такой вид, словно только с полки дорогого магазина), пачкая полюбившийся мне пушистый ковёр. Если бы так не раскалывалась моя голова, то, вполне возможно, я бы смогла понять причину таких её активных действий.

— Девушка, а вам не кажется...

— Где Филипп? — Грубо прервала меня дама и сверкнула идеально покрашенными глазами.

— Вчера ещё был здесь. — Пожала я плечами и задалась тем же вопросом: «А где, собственно говоря, Филя?».

— Ты прислуга? Чего бухая такая? Что за бомжатник, вообще, офонарели? Где Филя, я тебя спрашиваю?! — Пиная пустые бутылки, разбросанные в хаотичном порядке, кричала она.

— Девушка, не кричите, у меня раскалывается голова... — Стараясь говорить как можно тише, так как даже на мой голос вспышки в голове и перед глазами активизировались.

Незнакомка стала ошалело метаться по всем комнатам, пока до меня не дошло, что ей как бы здесь не место.

— А вы, собственно, кто? — Задала я верный вопрос, с трудом открыв второй глаз.

Незнакомка остановилась, презрительно на меня посмотрела (ну, презрительно это так, слабо сказано, думаю, я не всё заметила и разглядела, уж простите моё состояние) и фыркнула.

— Я хозяйка.

— Медной горы? — Скривилась я от противного тонкого голоса.

— Нет, хозяйка этой квартиры. И где мой муж?

— Спросите в ЗАГСе. — Возмутилась я. — Здесь нет вашего мужа и, давайте уматывайте.

Не дожидаясь, пока я начну её выталкивать, девушка подскочила с кресла, на котором вот уже несколько секунд восседала словно на троне и возвысилась надо мной.

— Где Филипп, мой муж?

— Филипп или муж? — Достала я её своей непробудной тупостью.

— Это один и тот же человек. Где мой муж Филипп? — Для непонятливых перефразировала она вопрос и я вмиг протрезвела и окинула красотку своим фирменным взглядом (снизу вверх).

Что я могу сказать... хороша... девушка с обложки глянцевого журнала. С длинными белокурыми волосами, возможно даже натурального оттенка, с идеальными чертами лица, таких без зазрения совести можно назвать красавицами. С гордо вздёрнутым подбородком, высокая, стройная, с ровной грудью третьего размера. Одета с иголочки, короткая юбка открывает вид на ровные ножки, наверняка без целлюлита. Девушка достойно выдержала

задержавшийся на ней взгляд, хмыкнула, не тратя время на рассмотрение меня и присела обратно.

— Так, я услышу хотя бы один внятный ответ или нет? — Приподняла красавица идеальной формы бровь.

— Даже не знаю, что вам сказать. — Я встряхнула волосами, но ничего кроме головной боли не почувствовала, тут же схватилась за натруженную ещё вчера шею и скромненько присела на диванчик напротив.

— Для начала скажи, что ты здесь делаешь и кто ты такая? Как я понимаю, не домработница, ведь так? — Она закинула ножку на ножку, демонстрируя чудеса грации, вальяжно раскинулась на кресле и смотрела на меня с надменной полуулыбкой.

— Да здесь, собственно, говорить-то и нечего... Я невеста Фили.

— Кто? — Она рассмеялась мне в лицо. — Да ты в зеркало себя видела, невеста? — Веселилась красотка.

Что правда, то правда, в зеркале я себя действительно не видела, поэтому тут же вытянула шею и посмотрела в зеркальную дверцу шкафа, которая виднелась из-за плеча девушки. Мой процесс поиска себя в зеркале она оставила без комментариев, впрочем, как и я. Бледное личико с синюшными губами и чёрными потёками туши на щеках, всклокоченные волосы, торчащие преимущественно справа, которые я тут же безуспешно попыталась пригладить, но плюнула на это неблагодарное дело, не видя смысла стараться. Чёрная майка не моего размера, заправленная в мужские шорты-трусы. Самым жутким для меня показалось то, откуда у Фили взялся этот странный наряд, но вовремя вспомнив, что я не одна, прокашлялась, ещё разок провела пальцами по голове, пропуская между ними волосы, а когда пальцы там безнадежно застряли, не нашла ничего лучше, чем улыбнуться.

— Ну... допустим. — Уклончиво ответила я, выпрямила спину, и так же, как и дама, имени которой я не знала до сих пор, закинула ногу на ногу. — Но я всё равно не понимаю, чего вы хотите от меня.

— Конкретно от тебя я вообще ничего не хочу. Я хочу видеть своего мужа.

— Но его здесь нет. — То ли удивилась я, то ли обрадовалась своему сообщению.

— Это я уже поняла. Тогда что здесь делаешь ты, в его отсутствие? Мне полицию вызвать?

— Как бы вам, девушка, помягче сказать...

— Меня зовут Клара.

— Да, да, я не удивлена, только вот какое дело, я его невеста, а всё остальное меня интересует мало, так что давайте, уматывайте по-хорошему.

— Ещё чего! — Фыркнула Клара и гордо отвернулась.

— Да так, как вы успели заметить, я обладаю неординарными способностями, могу превратить вас в нечто подобное мне и так как мы в квартире одни, вам ничего не поможет.

— Ты мне угрожаешь?

— Что вы, я как любая женщина за тридцать, борюсь за своё счастье всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Когда мне ещё представится такой шанс: выйти замуж за красавца мужчину с неплохим материальным положением?

— Так ты ещё и старуха? Вот уж не думала, что Филю на раритет потянуло.

— Полегче на поворотах, девушка, Филя старше меня на несколько лет, так что, для него я самый сок.

— Прокисший. — Парировала эта неприятная особа, а продолжить занимательную

дискуссию мне помешал телефонный звонок на телефон Филя.

Едко улыбнувшись, Клара проследовала через всю комнату, нещадно затаптывая светлый ковёр, кончиком ногтя нажала на сенсорный экран и, включив громкую связь, поздоровалась:

— Ну, привет, подруга дней моих суровых... — При этом её лицо исказилось злобой и враз перестало быть привлекательным.

— Клара?..

По одному сказанному в шоке слову я поняла только то, что Маша с этой особой знакома и, если судить по весьма недружелюбным возгласам, то они обе друг от друга не в восторге. Не удивлена.

— Рада, что узнала. Позволю себе предположить, что если ты звонишь на этот номер, то, он не у тебя?

— Где Лариса?

— Лариса? — Клара бросила на меня уничижительный взгляд. — Если ты о том недоразумении, которое я обнаружила у себя дома, то она сидит напротив. — Усмехнувшись своей остроумной шутке, выговорила Клара.

— Если Филя узнает...

— Он узнает, не беспокойся, я его дождусь.

— Лариса, это не то, что ты подумала! — Выкрикнула Маша, пытаясь что-то объяснить.

— Я ещё ничего не подумала, голова раскалывается. — Пробормотала я со своего места в ответ, надеясь быть услышанной. — Кстати, привет.

— Я разыщу Филю и он во всём разберётся. — Обещала Машка.

— Ждём с нетерпением. — Слащаво пропела мадам и отключилась. — Значит, ты с этой мышью дружбу водишь?

— Выбирайте выражения, девушка.

— А что тут выбирать? Терпеть её не могу! — Окунулась в воспоминания Клара. — Всю жизнь крутится вокруг Филя, подругой прикидывается, а на самом деле не теряет надежды его прикарманить. Стерва!

— По себе судите?

— Ну, ну, давай, защищай её, скоро и сама поймёшь, что пока она рядом тебе ничего не светит. Кстати, ты ещё здесь?

— А где мне быть?

— Выметайся отсюда, гадина, — зашипела Клара, заливаясь ядом, — я его тебе не отдам, поняла? Хотя и в историю о большой и светлой любви не верю. Ты здесь никто, а я жена, так что, скатертью дорога. Мы с Филей вместе не один год, и каждый раз он возвращается ко мне, а я каждый раз его милостиво принимаю, потому что я это я и он знает, чего хочет. В этот раз он, видимо, опустился слишком низко, раз с тобой связался, но он всё равно мой. Моим был, моим и остался.

— Вообще-то, это ты откуда-то вернулась.

— Что?! — Когда милая девушка, которая сейчас стала похожа на глыбу, двинулась на меня, желание пререкаться пропало.

Не скажу, что именно в этой пламенной речи меня поразило больше, но желания оставаться с ней в квартире отпало само собой. А если при этом учесть физические возможности мои, метр с кепкой и суповой набор на костях и её — вполне приличную молодую особу, в хорошей физической форме и пусть она смело претендует на титулы

конкурсов красоты, доходягой девушку назвать сложно... То и догадаться, кто одержит верх в случае применения грубой силы, не сложно. Путём нехитрых умозаключений, уже через десять минут я стояла в дверях, мысленно прощаясь с так полюбившимися мне вещами (виски не в счёт, его я больше не употребляю!). Шла я, пиная камушки простыми внешне и дорогими по наполнению сапожками, и никак не могла понять, что же только что произошло. Я помнила честные и искренние глаза Маши, когда она говорила о гордом одиночестве Фили, да и он сам неоднократно заявлял, что не имел серьёзных отношений, но в том, что гостья была именно женой, практически не сомневалась. Меня даже не угнетала мысль, что я оставила квартиру незнакомой женщине, настолько убедительна она была. Неподалёку от проспекта, по которому я безучастно бродила, стоял небольшой магазинчик, куда и пришлось забежать погреться и немного просохнуть от противного морозящего дождя.

Клара вполне подходила Филе внешне, да и на приёме в высшем обществе, она могла бы выгодно его представлять. Я не говорю, что пала духом, но и её достоинства отметить не спешила. После часовой прогулки, всё таким же неспешным шагом, вошла в подъезд, как всегда проигнорировала лифт, дотошно пересчитала каждую ступеньку. Я ушла не просто так, а намерено, будучи уверенной в том, что Филя должен появиться с минуты на минуту. Дала им время разобраться между собой и преподнести мне более-менее складную историю и в своих расчётах не ошиблась: по угрожающему голосу, доносящемуся из кабинета, можно было понять: Филя ведёт серьёзный разбор полётов, а вот тот факт, что совершенно не слышно его оппонента, меня насторожил.

Эпилог

Не особо заботясь о сохранности дорогого паркета, я проследовала по всему коридору, шаркая по полу грязными сапогами (уж мои-то были реально грязными, после пешей прогулки), без стука отворила дверь, где на меня тут же налетел взбешённый чьей-то наглостью Филипп и сбил с ног. Минутная тишина и подозрительные взгляды в мою сторону привели к верному выводу: внимательно осмотрев себя, отметила, что яичный омлет из смеси желтков, белков и скорлупы, в этот раз жестоко размазался по моему пальто.

— Если это такая месть, то это бесчеловечно: оставить меня в очередной раз без любимого печенья! — Гаркнула я, злобно глядя на недоумевающего Филю. И моё явление в его доме так шокировало бедного, что тот и не подумал помочь подняться, хотя, вполне возможно, что моя внешность, в виде стекающей по наклонной густой массы, не благоприятствовал долгим объятиям, поэтому и вставать пришлось самой.

С сожалением я отметила что в отличии от терпеливого Филиппа, такой чертой характера не славлюсь, поэтому, отряхнув с одежды ошмётки свежего гоголя-моголя, нервно расстегнула все пуговицы, злобно швырнула пальто на пол, и, не обращая внимания на яичные следы, оставляемые обувью, направилась к дорогому кожаному креслу. В одном из них сидела оглушённая моим появлением Клара (хотя я и подозреваю, что к её состоянию приложил руку и Филя тоже), на другом комфортно устроилась я.

— Ну, что, голубки? Разобрались, кто кому и что обязан?

— Лариса, я тебе всё объясню. — Примирительно сделал несколько шагов навстречу Филя, но столкнулся со строгим взглядом и остановился.

— Можно без прелюдий, к тому же, я бы хотела принять душ и переодеться, так что побыстрее.

— Мы с Klarой...

— А можно обсудить этот вопрос без её присутствия, мне, знаешь ли, её кислая физиономия радости не прибавит. — Не сбавляла обороты я, прожигая парочку недовольным взглядом.

— Клара.

Филя так странно произнёс её имя, что даже у меня на какое-то время дыхание прервалось. Его голос, как бы это сказать... он словно окаменел, вместе со всеми эмоциями, на которые Филя был когда-то способен. И Клара, собственно, тоже прочувствовала его настроение и буквально выскочила из кабинета, наверно с облегчением, так мне показалось. А вот я осталась с ним наедине. Несколько раз сосредоточенно осмотрела мужчину с ног до головы, пытаюсь понять, что его заставило так измениться, даже сейчас, когда мы остались вдвоём, не покидало ощущение того, что напряжение переполняет комнату и я сжала колени вместе, положила на них обе ладони и кивком головы пригласила Филиппа присесть напротив. Он сел, потёр виски, затем глаза, выдохнул, пропуская воздух через зубы.

— Я искал тебя, не думал, что вернёшься. — Несмотря на лёд в глазах, сказать это у него получилось мягко.

— Я уходила за яйцами. — Бестолково пожала плечами я, не зная, что ещё сказать.

— Уже понял...

— Я хочу сказать первая. — Выдержав испытующий взгляд тёмных глаз, продолжила. — Филипп, я никогда не была красавицей, да и за последнее время слышала это не единожды, и каждый раз меня ставили в одну линию с тобой и здесь как раз всё понятно, — он хотел что-то сказать, но отрицательным кивком головы я не позволила вставить и слово, — и любой скажет, что я тебе не пара. Именно сегодня, после визита твоей знакомой, я и сама об этом задумалась и вынуждена признать, что все, кто согласятся с этим, будут правы. Мы действительно очень разные, и не подходим друг другу, но ты мне нравишься. Очень. С первого взгляда. Я всегда мечтала иметь рядом такого мужчину и вот ты здесь, признавался мне в любви, стоял у моих ног, как бы это не прозвучало, но так и было. Я не блистаю внешне, у меня скверный характер, я не знаю, за какие качества ты вообще выбрал меня, но ведь должно быть хоть что-то, за что можно зацепиться, ведь так? Так вот, это что-то — это доверие к тебе, к твоим словам. Я не знаю, что вас связывает с этой женщиной, но я верю тебе, потому и не ушла, и я хочу, чтобы ты знал: я не уйду, пока ты сам меня об этом не попросишь. На этом всё. Теперь твоя очередь.

После долгой речи подняла на него взгляд и закусил губу, ожидая вердикта.

— А как же пресловутые три заветные слова? — Усмехнулся Филя, который всё это время оставался абсолютно серьёзен.

— Что ещё?

— Ты не сказала, что любишь меня. — Настаивал он, а я так растерялась после признаний, что не сразу поняла, чего от меня хотят.

— Я? Я люблю тебя...

Получилось немного растеряно и испуганно.

— И я тебя люблю. Это всё, что ты хотела от меня услышать?

— Да.

На этом Филя встал, и, не глядя на меня, направился к выходу. Мне показалось, или я сделала что-то не так? С круглыми от удивления глазами, расставленными в сторону руками, я шла следом и как в тумане наблюдала, как Филипп стягивает с вешалки шарф, достаёт из шкафа спортивного вида куртку, перчатки, небольшую чёрную шапочку, на вопрос в моих

глазах он смеялся в ответ своими. И только когда был полностью одет, вдруг улыбнулся и пояснил.

— Нет, ну, не могу же я оставить любимую женщину без сладенького! Будем делать «Безе»!

Уже вечером, за чашкой чая, Филипп рассказал мне не душещипательную, но такую простую человеческую историю о красавице-студентке, которая покорила сердце древнего старика из мира бизнеса. Он не говорил о девушке плохо, он вообще говорил о ней мало, стараясь умолчать о некоторых фактах. Сутью оставалось лишь его признание, что действительно, в славном городе Лас-Вегасе, будучи не совсем трезвым, но в приподнятом настроении, он сделал девушке Кларе предложение руки и сердца, получил согласие и сразу же, не откладывая в долгий ящик, они оформили отношения. Никакой юридической силы они не имели, но девушка упорно вбила себе в голову, что так и должно быть. Через несколько месяцев отношения закончились, история забылась, Клара нашла нового любимого и не в обиду Филиппу, оставила его в гордом одиночестве.

С тех пор прошло больше пяти лет, но периодически, расставаясь с новым поклонником, Клара всё же навещает к так называемому мужу. И, навестив его в очередной раз, встретила в его доме женщину, странного внешнего вида, но с огромным кольцом на пальце, которое просто кричало о своём положении и пошла ва-банк, вспомнив о былых отношениях. Но просчиталась, так как женщина оказалась не из трусливых и услышав гордое звание жена, никуда не засобиралась, и даже вступила в дискуссию. Клара знала, что в свою квартиру Филипп не приводит посторонних, она и сама бывала в ней всего пару раз и то, в качестве гостя, а понимание того, что мужчина выбрал не то что недостойную, а вообще не вполне вменяемую женщину, не оставило её равнодушной. Всё произошло само собой, только вот Филипп вместо благодарности, едва не придушил бывшую пассию. Заставил дословно вспомнить каждое слово, каждый жест недавней беседы, успел обзвонить всех знакомых и случайных лиц, подключил людей для поиска сбежавшей невесты и совсем уж растерялся, когда она вернулась сама, да ещё и с лотком яиц в придачу. Эффектное появления, ничего не скажешь. Для Клары, которая после услышанного и дышала-то через раз, такое явления оказалось спасительным и она действительно ушла навсегда, радуясь, что на своих ногах. Чем сулил ей неблагоприятный исход дела, Филипп всё же умолчал, не желая портить романтический вечер с воздушным букетом печенья по французскому рецепту.

Свадьба была скорая, не помпезная. Я, под чутким контролем со стороны жениха, расписалась в нужных местах, клятвенно пообещала не задерживаться на работе позже десяти, а так же не поддерживать связи с Матео, который хоть и был непричастен к затее одной худосочной подружки невесты, но всё же стал для Фили персонай нон грата.

Доверяйте людям, которые вам дороги, чтобы недоверие не обратилось против вас.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net